

ЛАНА ЗЕМНИЦКАЯ

ПАЦИЕНТ #666

СМЕРТЬ ДЫШИТ
В ЗАТЫЛОК

▶ ДЕТЕКТИВЫ И ТРИЛЛЕРЫ

RED

18+

RED. Детективы и триллеры

Лана Земницкая

Пациент #666

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Земницкая Л.

Пациент #666 / Л. Земницкая — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2021 — (RED. Детективы и триллеры)

ISBN 978-5-04-160494-3

Когда Лукас Эосфор, любимый сын известного политика, узнаёт о преступной деятельности своего отца, его целью становится борьба со злом, затаившемся в семье. Однако зло оборачивается против него, и Лукас оказывается заперт в психиатрической больнице без шанса на излечение. Когда Хлоя Харрис, бывший военный врач, устраивается на работу в гражданскую психиатрическую больницу, она надеется на мирную жизнь и скучные истории об изменах вместо бомбёжек и хлипких укрытий. Когда они встречаются, каждый понимает, что их мир навсегда изменится. Что будет, если они окажутся по одну сторону баррикады – вдвоём против семейной империи? Комментарий Редакции: Чудовищные стены психиатрического отделения, злые лица, коварные планы и только один шанс, чтобы спастись. Роман Ланы Земницкой изобилует тонкими психологическими ходами, прекрасной продуманностью и цепляющими деталями удивительной истории, от которой невозможно оторваться.

ISBN 978-5-04-160494-3

© Земницкая Л., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лана Земницкая

Пациент #666

*Тайре. Веронике.
Спасибо.*

Глава 1

Хлоя Харрис за свои двадцать восемь – с хвостиком, – лет успела многое пережить. Гибель отца, встречу матери с её новым мужем, который стал самой Хлое неплохим другом и наставником. Учёбу в колледже и институте, работу в экстренной службе, службу в горячей точке...

Поначалу её всегда не воспринимали всерьёз – хрупкая девушка, напичканная книжками по психологии, что с такой взять? – но позже Хлоя сумела показать окружающим её людям, на что способна. Её начали уважать, ей даже стали предлагать работу – Харрис сперва отказывалась возвращаться в Штаты, она чувствовала, что должна находиться там, где её помощь гораздо нужнее, но в конце концов, ей пришлось согласиться. Заболела мать, девушка приехала, чтобы поухаживать за ней, и застряла на несколько месяцев. Дженнифер стало лучше, но она старалась помешать дочери вернуться на службу – да и Хлое, так быстро снова привыкшей к горячему душу и домашней еде, уже и самой не хотелось возвращаться в палатки и слушать автоматные очереди вдалеке. Так что девушка решила остаться в Штатах – несколько друзей, что тоже вернулись вместе с ней домой, помогли с работой. С рекомендациями и собеседованием проблем не возникло, Харрис давно пытались уговорить устроиться в одну из клиник. Можно было сказать, что жизнь вдруг наладилась впервые после приезда домой.

Это был первый рабочий день. Хлоя пришла чуть раньше, чем должна была – ей хотелось поскорее разобраться со всеми трудностями «кабинетной» работы, хоть немного освоиться, прежде чем начинать день. Так что целый час с утра она провела в своём новом кабинете, перебирая бумаги своего предшественника и систематизируя медкарты больных.

Когда до начала рабочего времени оставалось ещё минут пятнадцать, Хлоя подумала, что ей не стоит ждать – эти минуты вполне можно было компенсировать обедом. Так что она обратилась к медсестре, что сидела на посту недалеко от её кабинета, и сообщила, что готова принимать посетителей, если таковые имеются. Девушка окинула её оценивающим взглядом и прищурилась:

– Я вас раньше не видела. Доктор Харрис, верно?

– Да. Первый рабочий день, – чуть улыбаясь, похвасталась Хлоя. – Сегодня плановый осмотр некоторых больных, которых наблюдал мой предшественник, я думаю, стоит начать с них.

– А вас уже инструктировали?

– Что? – Харрис чуть приподняла брови. – Нет...

– Вы не беседовали с начальством? Некоторые больные у нас... *особенные*, – девушка выделила голосом последнее слово.

– Я многое повидала, – мягко улыбнулась ей Хлоя. – Не думаю, что меня можно чем-то удивить или напугать. Прошу, передайте санитарам, что я готова принимать пациентов, ладно?

– Ладно, – нехотя согласилась медсестра. – Хорошо, – с этими её словами Харрис развернулась и отправилась обратно, к себе в кабинет.

Долго ждать не пришлось. Через несколько минут в коридоре раздались шаги, и дверь открылась. Хлоя подняла голову, собираясь поприветствовать санитаров и больного, но не подобрала слов. Вошедшие не были похожи на санитаров, нет, – это были двое самых крепких охранников, которых она видела в этом крыле. Утром они с ней здоровались, когда Хлоя проходила мимо. Они молча впихнули в кабинет пациента – так грубо, что Харрис даже возмутилась:

– Прекратите! – один из охранников бросил на неё удивлённый взгляд, но от больного отошёл. То был высокий темноволосый парень – худой, с заведёнными за спину руками. Он шагнул вперёд, и раздался звон – Хлоя поняла, что пациент был в наручниках.

Его толкнули в спину, и парень, чуть не споткнувшись, приблизился к диванчику, что стоял напротив её стола. Второй охранник надавил ему на плечи, и он сел. Харрис показалось, что больной и сам бы справился, если бы с ним разговаривали, а не молча пихали – по крайней мере, координация его движений не была нарушена.

– Я сказала, *достаточно*, – в голосе у неё зазвенела сталь. – Вы можете подождать в коридоре.

– Осторожно, мэм, – снисходительно ухмыляясь, сказал тот охранник, что втолкнул пациента в кабинет, – он дикий. Если что, кричите, мы будем рядом, – и он, чуть толкнув своего напарника, вышел вместе с ним, прикрывая за собой дверь. Хлоя осталась наедине с этим парнем. Он сидел на самом краешке дивана, молча глядя в пол и не поднимая головы. Так, что же – ладно. Харрис была новым лицом для него, а психически больные люди редко любили какие-то изменения в своей жизни. Ничего, ей просто нужно с ним познакомиться.

– Здравствуй, – начала она как можно дружелюбнее. Парень не поднял головы, лишь чуть перебрал ногами, стараясь перенести на них вес, и тихо ответил:

– Здравствуйте.

– Я – доктор Хлоя Харрис, твой новый врач. Как тебя зовут? – ей показалось, что пациент вздрогнул после этого вопроса. Чуть подняв голову, но всё ещё не глядя на девушку, он ответил:

– Пациент номер... шестьсот шестьдесят шесть, – Харрис припомнила, что видела сегодня медкарту, помеченную таким номером, и даже куда-то её отложила – верно, она была в стопке сегодняшних пациентов. Девушка быстро скользнула по ней пальцем, и нашла нужную карточку. Положила её перед собой, открыла, начала пролистывать. Удивительно, но имени и в ней не было указано – только инициалы «С.Э».

– Но это не имя, – мягко сказала Хлоя, скользя взглядом по строчкам. Парень чуть наклонился, будто пытаясь сжаться. Харрис оторвала взгляд от медкарты и посмотрела на пациента. Хотя он и опустил голову, было похоже, что у него дрожат губы, как будто он нервничал, не зная, как должен ответить. – Ты помнишь своё имя? – осторожно спросила Хлоя. Парень закрыл глаза, глубоко вздыхая, стараясь взять себя в руки. Эти признаки Харрис хорошо знала – пациент боялся отвечать. Как будто мог ответить неправильно. Но как можно на этот вопрос неправильно ответить?

Хлоя ещё раз перечитала записи в медкарте. Парень и правда считался буйным, опасным – целый букет психических расстройств, включая тяжёлую степень шизофрении, на его счету было две попытки побега, целых четыре попытки суицида, нападение на санитаров, после чего к нему приставили охрану. Но всё это как-то не вязалось с тем, что она видела. Ладно, ещё было рано судить – они только что встретились.

Её внимание привлёк тихий стон. Девушка взглянула на своего пациента, и тот снова немедленно сжался, ещё ниже опуская голову.

– П-простите, – пробормотал он.

– Что случилось? Тебе плохо?

– Н-нет... нет, доктор, простите, я буду молчать, – парень резко умолк, как будто сам себя затыкая. Хлоя прищурилась, оглядывая его. Он слегка ёрзал на месте, кусал губы, у него всё сильнее дрожали плечи, когда он пытался ими пошевелить, чтобы размять. До Харрис дошло – ему просто было больно. Наручники затянули слишком жёстко, беспощадно вывернув суставы. Наверное, это было неразумно, но Хлое стало его жаль – окинув свой кабинет взглядом и решив, что успеет позвать на помощь, если больной вдруг на неё набросится, девушка нажала на кнопку возле монитора компьютера, вызывая охранников, что стояли за дверью. Они немедленно отреагировали – один из них приоткрыл дверь, заглядывая в кабинет.

– Мэм?

– Снимите с него наручники, – попросила Харрис. Охранник приподнял брови. Хлоя почувствовала на себе взгляд – и увидела, как парень впервые поднимает голову и смотрит на неё. Она не стала смотреть на него в ответ, боясь спугнуть, но поняла, что он был поражён её словами.

– Мэм, я не могу этого сделать. Это распоряжение врача, и...

– Теперь я – его врач. Снимайте.

Мужчина пожал плечами. Подошёл к диванчику, вынудил парня нагнуться, и расстегнул наручники. Звякнул ими, заставив его вздрогнуть, и убрал в карман. Потом отошёл, встал у двери.

– Выйдите, – распорядилась Харрис. Охранник снова усмехнулся:

– Вы хоть читали его медкарту? Вы понимаете, какой опасности себя подвергаете, мэм?

– Я отлично понимаю, что делаю. Не вам сомневаться в моей компетентности. Оставайтесь за дверью, если будете нужны – я вас позову, – она перевела взгляд на парня. Охранник, пожав плечами, вышел и закрыл за собой дверь. – Так лучше? – спросила Хлоя, улыбаясь, будто только что принесла старому другу кофе, а не сняла с буйного пациента наручники. Парень едва заметно кивнул. – Так... думаю, ты видишь, что я тебе доверяю. Можешь ли ты довериться мне в ответ? Хотя бы немного? Можешь назвать своё имя, если помнишь его? – парень поджал губы, и Харрис вздохнула. – Хорошо, если ты не помнишь, я могу спросить у медсестры, – сказала Хлоя, поднимаясь со стула. Она поравнялась с диванчиком, направляясь к двери, когда парень разомкнул губы и тихо, будто через силу, сказал:

– Сэм... Эллис, – он поморщился, будто от боли. Девушка остановилась.

– Очень хорошо, Сэм, – подбодрила она его. Заметила, что парень так и остался сидеть, оставив руки за спиной. Прищурилась. – Тебе удобно? – спросила Хлоя. – Может быть, хочешь устроиться как-то по-другому? Наверняка у тебя затекли руки. Можешь сесть так, как тебе удобно, я подожду.

Парень чуть передвинулся назад, переноса вес с ног на диванчик. Потом, закусив губу, медленно попытался выпрямить руки. Харрис услышала, как он задерживает дыхание, чтобы не издать ни звука. Осознала, что Сэм, скорее всего, проводил в оковах большую часть времени. Наверняка его плечи сейчас просто горели болью, но парень молчал. Старался молчать, по крайней мере.

Он опустил руки на колени, осторожно, дрожащими пальцами начал растирать запястья. Хлоя села обратно, за свой стол.

– Ты знаешь, почему находишься здесь, Сэм? – спросила она. Парень кивнул. – И почему же?

– Я опасен, – безжизненным голосом ответил он.

– А конкретнее? – попросила Хлоя. Сэм снова на секунду замялся, и будто бы через силу, начал говорить – Харрис оставалось лишь следить за речью пациента буквально по карте, что лежала перед ней на столе. Он повторял всё, вплоть до терминов, слово в слово, безупречно, будто его специально для этого натаскали. Это становилось всё более и более странным. Мимолётно Хлоя вставляла маленькие простые вопросы, и Сэм на них отвечал – в основном, на

те, которые не касались его личности. Странно – внешне он казался абсолютно нормальным человеком. Но его ответы были идеальными образцами, словно выписанными из учебников по психиатрии. Хлою это смущало, как смущали и паузы перед его словами, как будто он пытался понять, какой ответ от него ждут.

Наконец, Харрис прекратила задавать вопросы, делая вид, что что-то записывает. Она закрыла волосами лицо, и теперь могла искоса поглядывать на своего подопечного – уже стало ясно, что его заставили выучить ответы на все стандартные вопросы, и добиться от парня правды было невозможно.

После всего лишь минуты тишины, Хлоя увидела, как он начинает дрожать. Парень не знал, куда девать руки, и потому неловко прятал их, и тут же опускал обратно на колени, словно боясь, что это посчитают странным. Он зажмурился на секунду, и тут же резко открыл глаза. Набрал в грудь воздух. Харрис прекратила «писать», ожидая, что он скажет.

– Я всё правильно сказал, доктор? – почти шёпотом спросил Сэм. Хлоя чуть нахмурилась, поднимая на него взгляд. Парень, избегая на неё смотреть, опустил голову. – П-простите... мне нельзя говорить первым... я забыл... – Харрис поднялась с места и приблизилась к нему. Развернула одно из кресел, и села совсем рядом. Не настолько, чтобы псих мог бы кинуться на неё и придушить прежде, чем она что-то вякнет, но всё же, намного ближе, чем раньше.

– Почему ты так говоришь? – спросила она. Сэм снова зажмурился, закрывая лицо руками. В этом жесте было почти столько же отчаяния, сколько и у матерей, чьи дома были взорваны – по коже Хлои прошёл холодок, когда она почувствовала это.

– П-простите... – каждое доброе действие по отношению к себе этот парень воспринимал очень странно. Доброта, обращённая к нему, заставляла его нервничать ещё больше. Он осмелился задать ей один вопрос, и сейчас, казалось, старался сжаться, не зная, куда себя деть, чтобы не получить наказание за это. Станный у него был доктор, если Эллис считал это нормой.

– Сэм, это был не тест. По крайней мере, не такого рода, какого ты думаешь. Здесь нет правильных и неправильных ответов, – серьёзно сказала Хлоя. Парень, дрожа, сцепил руки в замок. – Здесь тебе хотят помочь. Никто не станет тебя наказывать за твои слова. Тебе не нужно меня бояться, ясно? – девушка наклонилась вперёд, протягивая руку и осторожно касаясь плеча пациента. Тот вздрогнул всем телом, будто ждал удара, а не короткого поглаживания.

Харрис мягко, будто шагая по минному полю, готовая в любую секунду отскочить в сторону, погладила его по плечу. Потом медленно перевела прикосновения на шею, заставляя чуть опустить плечи, что заодно позволило бы незаметно заставить его поднять наконец голову. Удивительно, но Сэм на это не реагировал – он лишь жмурился, ожидая, пока поглаживания прекратятся, но поднимать на неё глаза явно не собирался.

– Тебе неприятно? – спросила девушка, наткнувшись кончиками пальцев на длинный шрам. Эллис судорожно сглотнул, можно было практически услышать, как колотится его сердце.

– Доктор?..

– Откуда это? – задала вопрос Хлоя, вынуждая-таки его поднять голову и показать ей шрам полностью. Парень, не открывая глаз, ответил:

– Пытался повеситься... доктор.

– Ты не боишься повеситься, но боишься меня? – ступила она на опасную территорию. Сэм быстро втянул в себя воздух.

– Есть вещи страшнее смерти, – еле слышно сказал он. И крепче зажмурился, будто поняв, что сказал лишнее.

– Можешь снять верхнюю одежду? Я хотела бы понять, что ещё ты пытался с собой сделать, – парень отчаянно замотал головой, сжимаясь. – Почему ты боишься меня, Сэм? – осторожно спросила Хлоя. – Ты можешь со мной разговаривать. Посмотри на меня, пожалуйста, –

она притронулась к его щеке и тут же убрала руки, отстранилась, одёрнув себя. По-хорошему, Харрис и так уже нарушила кучу правил, ей не стоило так доверять человеку, у которого в карточке было написано столько жутких диагнозов. Психи могли быть опасными, и хоть девушка уже сомневалась в том, что Эллис действительно болен, ей не стоило рисковать.

В ответ на её просьбу парень лишь помотал головой, снова её опуская.

– Прошу, посмотри, – повторила Хлоя. – Знаешь, – она откинулась назад в кресле, отодвигаясь, давая Сэму личное пространство, – у меня в кабинете нет зеркала. А с тех пор, как я вернулась со службы в горячей точке, мне очень нравится следить за собой. Если бы ты сказал, как я выгляжу, ты бы мне очень помог, – вместо давления девушка выбрала обычную уловку. Эллис помедлил, а потом всё же взглянул на неё – исподлобья, с опаской. Хлоя улыбнулась ему, поправляя свои волосы. Парень молча оглядел её. – Ну, что скажешь?

– Всё в порядке, – ответил он. – Вы... отлично выглядите, доктор, – теперь Сэм стал казаться каким-то безучастным, словно уже отчаялся понять, что происходит, и как ему нужно себя вести. Он как будто понял, что уже не сможет исправить всего того, что натворил за последние полчаса – так что смирился и решил просто ждать своей кары. Так выглядели военнопленные, с которыми Хлое довелось работать. Но в «мирной» больнице это выглядело ненормально.

Парень закрыл глаза и начал постукивать пальцем по колену. Он казался странно расслабленным, как будто наслаждался последними секундами свободы.

– У тебя красивые руки, – заметила Хлоя. Эллис опустил веки и качнул головой. – Ты музыкант? – он опять непонятно мотнул головой, отказываясь отвечать, и продолжил сосредоточенно постукивать. – Ладно, Сэм, – сдалась Харрис. – На сегодня мы закончили. Я вижу, тебе нужно отдохнуть, верно? – она поднялась и вернулась за свой стол.

Однако что-то не позволило ей нажать на кнопку сразу. Она сделала вид, что переключает медкарту, что-то печатает на компьютере. Это было странно, но Хлое показалось, что постукивания Сэма имеют какую-то систему. Она думала, что это была мелодия, но паузы были слишком странными, ритм – слишком сбитым. Что...

Хлоя быстро начала чертить палочки и точки на стикере, что был у неё под рукой, стараясь поспеть за движениями Эллиса. В какой-то момент поняла, что повторяется, зачеркнула, нахмурилась, сама не понимая, что на неё нашло.

Так. Харрис быстро нажала на кнопку вызова охраны, и в кабинет вернулись двое громил, что привели Сэма. Один из них сразу же вытащил наручники, другой – заставив Эллиса встать, грубо заломил ему руки за спину. Парень глотнул воздух, стараясь не издать ни звука – Хлоя взглянула на него, и заметила, как по его подбородку медленно стекает капля крови – Сэм так старался сдержать крик боли, что прокусил себе губу.

– Я не считаю это необходимым, – твёрдо сказала она, прежде чем охранник защёлкнул на запястье её пациента браслет. Охранники остановились. Сэм, будто не веря своим ушам, поднял на неё глаза – сам, и Хлоя впервые смогла разглядеть его лицо целиком. В карих глазах застыли немой вопрос и недоверие, но в то же время – бесконечная благодарность. Странно, но он показался ей даже смутно знакомым.

Охрана молча вытолкала парня за дверь. Хлоя устало опустила веки, чуть сползая по креслу. Ей нужна была небольшая пауза – слишком уж тяжёлой была эта встреча. На неё давила мысль о странных ответах и поведении Сэма, мучили сомнения. И эта странная мелодия, которую он выстукивал, привязалась – да уж, Харрис, совсем потеряла хватку за те пару месяцев, что не работала. Что бы было, вернись она на службу?

Стоп... на службу. Точно.

Хлоя схватила ручку, чистый стикер и начала быстро чёркать на нём всё те же точки и палочки, перерисовывая их с другого листочка. Это было чистым безумием, но почему бы не попробовать?

Уже через пару строк девушка поняла, что ей не показалось. Это была азбука Морзе – Сэм выстукивал не песню, а буквы. И когда у Хлои они сложились в слова, ей стало не по себе.

«лукасэосфор»

В её памяти что-то смутно шевельнулось. Лукас Эсфор... Она точно когда-то слышала это имя. И фамилию, кстати тоже – только вот где? Когда? То, что парень показался ей смутно знакомым, когда она разглядела его лицо – связано ли это с данным фактом?

Харрис вынула из кармана мобильник и быстро набрала сообщение своей подруге. Та работала в полиции – когда-то они вместе учились, но курсе на втором Эмма поняла, что её призвание в другом, и перевелась. Девочки продолжали общаться, а потом Кастро стала женой будущего сослуживца Хлои, и это лишь укрепило их отношения. Просьба, конечно, была странной, но Харрис хотелось проверить свою теорию. Уж не тронулась ли она сама, пока ухаживала дома за матерью? Или, может, и правда просто потеряла хватку? Или так скучала по службе, что решила, будто пациент психбольницы попытается передать ей информацию посредством азбуки Морзе?

Телефон чирикнул ответом от Эммы. Сейчас у неё не было времени, но она пообещала всё сделать сразу после завершения всех экспертиз, что от неё сейчас требовались. Хлоя послала в ответ благодарный смайлик и отложила мобильник. Смяла стикеры, сунула их себе в карман.

Спустя буквально пару минут в дверь постучали. Потом она приоткрылась, и Харрис увидела ту самую медсестру, с которой беседовала до приёма пациента.

– Доктор, – позвала девушка, – инструктаж. Начальство хочет вас видеть.

* * *

Хлоя молча выслушала начальницу – главврача по фамилии Леонард. Высокая, властная блондинка, с такой вряд ли бы кто-то осмелился спорить. Харрис повезло – Карен была наслышана о ней, и не собиралась устраивать испытательный срок, или жёстко контролировать. Её лишь попросили послушать некоторые наставления, которые мягко называли «советами».

В принципе, они ничем особо не отличались от обычных правил в психиатрической больнице. Харрис подумала, что на том всё и кончится – и даже встала, собираясь уйти, когда Карен в какой-то момент замолчала, но женщина придержала её руку, заставляя остаться на месте.

– Ещё кое-что, доктор Харрис, – понизив голос, сказала Леонард.

– Мэм?

– В нашей больнице имеются пациенты, которые не могут подавать надежды на выздоровление. Надеюсь, вы это понимаете. Всем помочь невозможно, но мы очень стараемся.

– Конечно, мэм. Я понимаю, что некоторые психические заболевания требуют особого контроля с нашей стороны, и постараюсь сделать всё, чтобы...

– Доктор, – перебила её Карен, вынуждая сесть обратно. – Прошу понять меня правильно. У нас серьёзное медицинское заведение. Мы оказываем помощь некоторым известным людям. Влиятельным людям. Вы это осознаёте?

– Осознаю.

– Потому что тех, кто, повторяю, *не может* подавать надежды на излечение, я предупреждаю всех новых специалистов. О вас отзывались, как о компетентной и умной женщине, доктор. Так что я надеюсь, что вы не станете пытаться нарушить порядок, заведённый в данной больнице. Например, принимать пациентов до начала рабочего дня, – тут Леонард выдавила чуть жутковатую, чересчур вежливую улыбку. – Это нарушает режим больных, не так ли? И

может плохо отразиться на вашей собственной психике, – тон стал угрожающим, – нам всем нужен правильно организованный график.

– Мне сообщат о пациентах, к которым я должна быть особенно внимательна? – наконец, поняв, о чём идёт речь, спросила Хлоя, стараясь выглядеть абсолютно спокойной. Улыбка Карен стала менее хищной.

– Разумеется, доктор. Все данные уже у вас на столе.

– Я свободна?

– Да. Можете идти, – женщина отпустила руку Хлои и склонилась над своими записями. Харрис, коротко попрощавшись, покинула её кабинет и вернулась в свой.

Там она прислонилась спиной к двери и тихо выдохнула. Сердце у неё колотилось где-то в горле, не от страха – от прилива адреналина, из-за которого хотелось прямо сейчас побежать обратно и прижать новую начальницу к стенке, заставить рассказать всё. Не понять, что тут происходит, было теперь невозможно. Всё стало ясно – Карен говорила о тех, кого насильно держали в психбольнице за деньги. Хлоя слышала о таком, но не думала, что столкнётся с этим сама. Тем не менее, сейчас всё становилось на свои места – то, что ответы Сэма показались ей заученными, его страх перед чем-то ей неизвестным, его поведение и та пауза перед тем, как он назвал наконец своё имя – вряд ли настоящее. Все попытки побега и нападения на санитаров тоже обрели смысл.

Харрис скользила взглядом по помещению. Когда он остановился на столе, она вздрогнула, увидев, что на клавиатуру кто-то приклеил маленький листок. Вспомнились слова начальницы – «все данные уже у вас на столе». Очевидно, это были список «особых пациентов» – тех, кто никогда не должен был покинуть стены этой клиники. Хлоя, взяв себя в руки, подошла к рабочему месту и села за стол. На бумажке было выведено несколько цифр, составляющих всего одно число – шестьсот шестьдесят шесть.

Харрис опустила веки, глубоко вздыхая. Сжала в кармане помятые стикеры – повезло, что ей не пришлось в голову выкинуть их в урну, ведь её кабинет наверняка обыскали. Так – ей нужно взять себя в руки и что-то придумать. Если этот Сэм действительно нормальный, адекватный человек, она просто обязана ему помочь – только пока неизвестно, как.

Так что Хлоя пока что взялась за работу. Её ждали другие пациенты – действительно потерявшие рассудок, в отличие от Эллиса – или как там его на самом деле звали...

Ближе к вечеру звякнул телефон. Отправив последнего пациента обратно в палату, Хлоя на автомате взяла мобильник в руки и взглянула на экран – пришло сообщение от Эммы. Харрис уже и забыла о собственной просьбе – а вот её подруга, похоже, зря времени не теряла.

Хлоя открыла присланный файл. Всё внутри мучительно сжалось, когда она начала читать.

Стало понятно, откуда она знала эту странную фамилию. Годфри Эосфор – известный политик и бизнесмен, которому так или иначе принадлежала добрая треть, если не почти половина предприятий в Лос-Анджелесе. Эмма постаралась на славу, откопав и газетные статьи, и вырезки из Википедии. Местами куски текста были украшены её собственными комментариями. Из них Харрис стало известно, например, что информацию о наличии одного своего сына многодетный отец Годфри потребовал удалить почти со всех доступных источников. Остались лишь очень старые независимые сайты и электронные архивы печатных изданий.

Сэмюэль Лукас Эосфор был одним из старших детей. Хлоя полистала найденные Эммой фотографии, и почти сразу узнала на них своего пациента. Правда, сейчас парень выглядел практически истощённым, очень бледным, и явно потерявшим надежду. На фотографиях же он был жизнерадостным, загорелым, светился изнутри улыбкой. Он и правда был музыкантом – талантливым пианистом и гитаристом. У него даже был собственный клуб – пару раз, ещё

до отправления на службу, Харрис туда приходила со знакомыми. Смутно мелькнуло что-то в памяти – может, она и с Лукасом когда-то встречалась? Если он являлся хозяином клуба, то наверняка часто там бывал во время вечеринок. Теперь же клуб был отдан одной из его бывших подружек со странным именем – Мойра Доу. Эмма писала, что она могла быть его телохранителем, но Хлоя в это особо не верила – на фотографии смуглая девушка казалась совсем невысокой, едва ли достающей до плеча своему «боссу». Вероятнее всего, они встречались, а может, и жили вместе – собственно, потому их и часто видели вдвоём.

В середине 2017 года кристально чистая история жизни Лукаса приобрела мутный оттенок. Эмма смогла найти информацию о том, что парень, по словам семьи и явно проплаченных журналистов, начал вести себя странно, попытался украсть у отца какие-то бумаги, начал срывать ему интервью, выкрикивая что-то. Харрис сверилась с его медкартой – верно, парня поместили сюда ещё через полгода, когда семья «вовремя заметила тревожные признаки расстройства личности». Сначала он просто приезжал на ежемесячные осмотры, но в декабре, год назад, его полностью сбагрили в больницу. Хлоя точно не знала, но могла бы поклясться, что именно тогда Карен Леонард и заступила на пост главного врача.

Поведение Лукаса теперь казалось даже более нормальным, чем её собственное. Парень просто боялся – видимо, ему ничего не говорили после смены врача. Он думал, что девушку проинструктировали до того, как она с ним встретилась, и не мог понять, почему новый доктор так добра к нему. Он ждал прежнего отношения, и не понимал очевидно неуместных вопросов, на которые не мог ответить честно. Харрис прищурилась, вспоминая его речь – после каждой лжи парень морщился, словно она причиняла ему боль.

Наверняка Лукас подумал, что этот разговор был тестом. Решил, что его проверяют – попытается ли он бежать, или попросить помощи у нового доктора, который будет к нему хорошо относиться. Хлою даже передёрнуло от отвращения – насколько же измучен и запуган был парень, если он четырежды попытался покончить с собой?..

Она взглянула на часы. До конца рабочего дня ещё официально оставалось время, но все пациенты уже были осмотрены. Решив, что так она не нарушит приказа главврача, девушка вышла из кабинета, погасила свет и направилась в другое крыло – туда, где находились палаты. Она хотела ещё раз увидеть Лукаса и поговорить с ним. Желательно – без лишних ушей. Харрис знала, что за ним круглосуточно наблюдают, но вполне могла потребовать, чтобы охрана отключила камеры на время их беседы. Это противоречило правилам, но, если врач был уверен в необходимости личного разговора, ему могли пойти навстречу.

Именно так Хлоя и поступила.

Она тихо вошла в палату. Честно говоря, она видела комнаты в общежитии, что были обставлены куда хуже этой палаты – похоже, богатый отец всё-таки не хотел, чтобы его сын находился в тёмной и тесной камере, похожей на тюремную. Последний издевательский подарок жестокого родителя – позолота на клетке.

Охранник прикрыл за ней дверь. Это был уже другой мужчина, не тот широкоплечий увальень, что жестоко выворачивал Лукасу руку. Невысокий, пожилой, больше похожий на мирного ночного сторожа, нежели на охранника в психбольнице. Впечатление не обмануло девушку – он отвечал только за камеры наблюдения и ключи от палат, а двое крепких молодых парней заняли свои места у закрытой за спиной Хлои двери, о чём мужчина шёпотом сообщил ей.

– Не думаю, что это потребуется, – сказала Харрис прежде, чем раздался тихий хлопок двери.

Лукас лежал на кровати, глядя в потолок. Услышав голос девушки, он взглянул на неё – и слабо дёрнулся, будто желая сесть и снова спрятать взгляд, уткнув его в пол. Харрис прибли-

зилась к нему, и поняла, почему у него это не получилось – на руках у Эосфора были ремни. Он был привязан к кровати – естественно, ведь его признали «буйным».

– Привет, – сказала Хлоя, пододвигая стул к изголовью кровати.

– Здравствуйте, доктор, – тихо пробормотал Лукас. Харрис оглянулась, проверяя, горит ли огонёк камеры, висящей в углу палаты. Сигнала не было, как охранник и обещал, так что Хлоя придвинулась ближе и осторожно коснулась руки Эосфора.

– Прошу, посмотри на меня, – повторила она свою утреннюю просьбу. Парень опустил веки, снова нервно сглатывая. Похоже, он ждал жестокого наказания за свою утреннюю выходку. – Никто не следит за нами. Камеры не работают, я пришла одна. Чего ты так боишься? – Харрис склонилась к его уху и тихо позвала: – *Лукас*.

Он вздрогнул. Распахнул глаза и быстро посмотрел на неё. Не веря в то, что это и правда происходит, нервно усмехнулся.

– Вы поняли?.. – прошептал он, разглядывая её. Хлоя осторожно прикоснулась к его плечу, успокаивающе погладила. – Вы...

– Лукас, я знаю твою историю. Не всю, но мне было достаточно, чтобы понять, что тебя здесь держат насильно. Ты абсолютно нормальный человек. Ты... Я на твоей стороне, слышишь? Я помогу тебе отсюда выбраться, но ты должен доверять мне. Я очень хочу тебе помочь, и вместе мы обязательно придумаем, как это сделать, – Харрис увидела, как неверие и радость на лице парня тускнеют и превращаются во что-то другое. Боль, безнадёжность?

Он медленно покачал головой.

– Нет, – голос снова становился безжизненным. – Доктор... я думал, вас прислал кто-то из моих братьев, чтобы помочь мне. Но вы... Если вы правда просто... – он сглотнул, обрывая дрожь в голосе, – прошу, не делайте этого.

– Почему?

– Вы ломаете себе жизнь, – не отрывая от неё взгляда, сказал Лукас. Хлоя поймала себя на мысли, что он на самом деле был не таким уж и молодым парнем, каким показался ей сначала – судя по медкарте, они были одного года рождения. Просто худой, забитый, Эосфор был похож не на взрослого человека, а скорее, на нескладного подростка. Но если накормить его, дать ему нормального отдыха, вылечить... Этот Лукас мог бы быть довольно красивым мужчиной. Особенно притягивали его тёмные глаза. Сейчас в них было только смирение и отчаяние, но Харрис видела фотографии, на которых они светились радостью. Почему бы не попытаться вернуть это чувство?

– Мне так говорили много раз, – ответила она, заставляя себя улыбнуться.

– Вы не понимаете, – бессильно дёргая руками, сказал Лукас. – Все трудности, что вы пережили, не сравнятся с тем, что вас ждёт, если вы попытаетесь меня спасти. Прошу, доктор, не делайте этого. Мой отец уничтожит вас. И всех, кто вам дорог. Он запер собственного сына в психбольнице, чтобы из него сделали овощ. Я жив только потому, что, *к сожалению*, он не может полностью стереть из чужой памяти тот факт, что у него вообще был сын. Я буду вечно гнить тут. Если бы было иначе, меня бы уже убили. И вы думаете, что он не убьёт вас, или ваших детей, вашего мужа? Вы для него – никто, доктор!.. – он понял, что повысил голос, и замер, прислушиваясь, будто боясь, что сейчас за это последует наказание. – И он убьёт вас, не задумываясь, если я сделаю хотя бы шаг в сторону выхода.

– Лукас...

– Нет, – он покачал головой, – прошу, доктор. Не называйте меня так. В этих стенах я должен отзывать только на свой номер. Никто не должен знать, что вы узнали правду, иначе у вас могут быть проблемы... и у меня тоже. Зовите меня по номеру, или хотя бы тем именем, что я назвал сегодня.

– Но Сэм Эллис – не твоё имя, – возразила Хлоя. – И я вижу, как тебе не нравится лгать. Ты ломаешь себя этим. Даже если ты пока не можешь отсюда выбраться, ты можешь сохранить свою личность – это твоя главная задача. Зачем мучить себя ложью?

– Моё старое имя причиняет мне боль, – глухо сказал он. Харрис закусила губу, пытаясь что-нибудь придумать. – Его дал мне отец. И он... отказался от меня. Он отнял у меня жизнь.

– Но любое имя означает любовь родителей к тебе, – попыталась сказать Хлоя. Лукас опять покачал головой. – Послушай, он... Он всё же *сохранил* твою жизнь, он попытался...

– Хотите оправдать монстра, доктор? Он отправил меня в этот ад, запер тут навечно, лишил нормального существования, – Эосфор нервно, почти злобно дёрнул связанными руками, заставив Харрис вздрогнуть от неожиданности, – и не позволяет мне самому сделать *то*, что ему делать нельзя! – губы у него задрожали, порыв бессильной злости сошёл на нет. – Что подумают люди, если сын Годфри Эосфора покончит с собой в психбольнице? Что будет, если кто-то станет копать, как вы? Я здесь на привязи, как собака. У меня нет свободы воли. Есть личная ванная комната, – он дёрнул головой, указывая на маленькую серую дверцу, ведущую, видимо, как раз в ванную, – но я не хожу туда один. Даже туда, доктор! Это уже давно *не похоже* на жизнь, понимаете? – больше всего Хлою пугали даже не слова Лукаса, а то, как он продолжал говорить вполголоса, стараясь не изменять интонаций. В глазах у него блеснули капли слёз, но он не проливал их. Он всё ещё был достаточно сильным, чтобы бороться. И Харрис была просто обязана помочь ему. Но как?..

– Хорошо, – согласилась Хлоя, стараясь выиграть время и заодно – наладить отношения со своим подопечным. – Хорошо. Я понимаю. Значит, у тебя есть другое имя, которое тебе нравится? Ты ведь не можешь быть безымянным, – губы парня впервые скривились в каком-то подобии усмешки, но совсем не весёлой. Харрис же ободряюще улыбнулась. – Какое оно? Скажи мне.

– Вы посчитаете меня сумасшедшим, – он сделал паузу, дёрнув плечом, – впрочем, я и так сумасшедший, верно?

– Ты не сумасшедший, – успокоила его Хлоя. – Так как мне тебя называть?

Эосфор помедлил. Помолчал, облизнул губы, а потом сказал:

– Самаэль, – и неуверенно посмотрел на девушку. Харрис чуть прищурилась, обдумывая его ответ. – Что? Типичный случай шизы, да? – невесело хмыкнул он. Хлоя покачала головой, снова приподнимая уголки губ. Самаэль, помимо прочих вариантов – одно из имён Дьявола. Когда-то давно, когда отчим по настоянию своей матери водил её в воскресную школу, Харрис интересовалась этой темой. Не Библией в целом, а историей падения красивейшего ангела, любимого сына Бога. Прошло много лет, но она хорошо её помнила – недаром потратила столько времени, изучая разные источники. Ей вспомнился и перевод этого имени – «яд Бога». Лукас действительно отравлял отцу существование, пусть тот был далеко не небожителем. Сравнение было точным, и на самом деле, это слово не так уж сильно отличалось по звучанию от его второго имени – Сэмюэль.

– Нет, – наконец, ответила Хлоя. Мне нравится твоя метафора. Ты и правда похож на Самаэля, – она осторожно прикоснулась к его волосам, медленно погладила его по голове. – Не ты сам, а твоя история. Это даже... поэтично.

Эосфор недоверчиво прищурился.

– Вы и правда будете так меня называть?

– А что? – пожала плечами Харрис. – Что тебе терять? Сегодня я беседовала с Александром Македонским и Чарли Чаплином. У тебя самый тяжёлый случай из всех описанных, – Хлоя заметила, как губы его неуверенно дрогнули, словно он хотел улыбнуться, но пока не смог, – почему бы тебе не назвать себя Дьяволом? К тому же, через эти метафоры мы сможем говорить о твоих настоящих проблемах. И сумеем сохранить твой рассудок, пока я не придумаю, как тебе помочь. Тебе ведь не с кем было разговаривать весь этот год, верно?

– Да...

– Только не привыкай ко всемогуществу, – усмехнулась Харрис. – Помни, это просто имя. С ним у тебя будут связаны более хорошие воспоминания, договорились?

– Хорошо...

Дверь в палату открылась.

– Мы ещё не закончили! – сказала Хлоя, бросая взгляд на наручные часы. Ещё оставалось несколько минут, да и ей не хотелось бы, чтобы кто-то, кроме сторожа знал, где она была – но вошедший на её слова не отреагировал. Харрис рывком обернулась, собираясь снова отдать распоряжение наглым охранникам, видимо, как-то пронюхавшим, где она находится. Но встретила взглядом с обычной санитаркой – улыбчивой полноватой женщиной с бэйджи-ком на груди.

– Добрый вечер, доктор, – бодро поздоровалась она. Потом перевела взгляд на Лукаса. – Время пить лекарства!

– Извините, я ещё не написала заключение после нового осмотра, – услышав тихий вздох Эосфора у себя за спиной, попыталась заступиться за него Хлоя. – Разве возможно давать пациенту лекарства без заключения лечащего врача?

– О, доктор, я понимаю, – сочувственно закивала женщина, – у вас первый рабочий день. Я обязательно последую всем вашим последующим указаниям, когда вы напишете заключение. Но сегодня мы пока следуем старому рецепту предыдущего лечащего врача.

Харрис закрыла рот, понимая, что ей нечего возразить.

– Прости, – одними губами шепнула она, поднимаясь со стула и позволяя санитарке подойти ближе. Женщина привычным движением освободила одну руку Лукаса, позволяя ему приподняться и сесть, и вручила ему стаканчик с таблетками. Он покорно высыпал в рот все пилюли, и тогда ему дали стакан с водой. Придерживая его руку, санитарка помогла ему запить, а потом забрала ёмкость и выжидающе посмотрела на Эосфора. Тот открыл рот, доказывая, что проглотил всё, что ему дали.

– Умница, – похвалила его женщина. Лукас медленно, стараясь не делать резких движений, вытер губы. – А теперь – давай сюда ручку, – ласково сказала она, вынимая из кармана халата заранее заготовленный шприц. Движением фокусника сняла с него защитный колпачок, и потянулась за рукой Эосфора. Хлоя увидела, как его глаза наполняются ужасом.

– Не надо... – прошептал он, – пожалуйста...

– Зайка, ты же у нас не боишься уколов, я ведь знаю, – начала уговаривать его санитарка, ловко перехватывая руку, которую Лукас пытался спрятать, и насильно вытягивая её вперёд.

– Умоляю, не надо!.. Прошу!.. Нет!.. – будь он один, то наверняка бы просто начал вырываться, но сейчас Эосфор в отчаянии поднял взгляд на Хлою, боясь попросить её вслух. Харрис сообразила – вероятно, в шприце находился мощный психотропный препарат, который ему кололи раз в неделю – конечно, если верить медкарте. Успокаивая буйных сумасшедших, этот препарат превращал здорового человека в растение – постепенно, не сразу. После него можно было прийти в себя, но с каждым разом на это требовалось всё больше и больше времени, и в конце концов личность должна была полностью стереться.

– Зайка, потерпи, – сочувственно уговаривала Лукаса санитарка, приближая шприц к его руке. Эосфор в ужасе зажмурился, отвернулся, ожидая укола, но Хлоя в последний момент окликнула женщину:

– Подождите.

– Мэм?

– Это слишком мощный препарат. После укола я не смогу начать новый курс медикаментозного лечения, пока он не оправится. Я категорически против того, чтобы вы делали ему эту инъекцию, – твёрдо сказала девушка. Санитарка, помедлив, убрала шприц.

– Вы уверены, что ему не требуется этот укол? – уточнила она. Харрис взглянула на Эосфора – тот смотрел на неё, дрожа, и едва ли не глотая слёзы, всем своим видом умоляя её помочь.

– Да, я уверена, – подтвердила девушка. Санитарка радушно улыбнулась.

– Ладно, – легко согласилась она. – Доктору виднее.

– Да, конечно. Доброго вечера, – кивнула Хлоя, пряча вздох облегчения.

– Погодите пока прощаться, – улыбнулась женщина и потянулась к ремням, чтобы снова закрепить их на руках Лукаса. Тот опустил на кровать, тоже тихо выдыхая. Эосфор и не думал сопротивляться – Харрис уже сделала шаг вперёд, чтобы сесть на место, когда вдруг заметила, как санитарка осторожно протирает ремни. Прищурившись, Хлоя поняла, что женщина убирала кровь – запястья Лукаса были стёрты оковами, это она видела ещё сегодня утром. Сама того от себя не ожидая, Хлоя сказала:

– Не нужно.

– Что? – удивилась санитарка. Зря, Харрис, очень зря – но отступать было уже поздно. Ладно.

– Не нужно. Судя по записям предыдущего врача, он давно не проявлял признаков агрессии. Я считаю, что сегодня ему можно провести ночь без... этих мер предосторожности.

– Вы уверены?..

– Более чем, – перебила женщину Хлоя. – Я проведу последний тест. Если он проявит малейшую агрессию, я сама надену на него ремни.

Санитарка, пожав плечами, удалилась.

– Вас точно послали мне откуда-то сверху, доктор, – всё ещё чуть дрожа и не открывая глаз, сказал Эосфор. Наконец, поднял веки, когда она прикоснулась к его руке. – Я не знаю, как вас благодарить...

– Ты не должен меня благодарить за *это*. Ты заслуживаешь того, чтобы к тебе относились по-человечески. Если не в моих силах вытащить тебя, то я хотя бы не дам сделать из тебя вещь. Хотя, – Хлоя чуть запнулась, останавливаясь на ремне, что ещё крепко стягивал вторую руку Лукаса, – ты мог бы кое-что для меня сделать.

– Чего вы желаете, доктор? – поторопил он её, окрылённый возможностью провести целую ночь без оков.

– Я хочу, – медленно сказала Хлоя, – чтобы ты позволил мне осмотреть тебя. Хотя бы верхнюю часть тела.

Эосфор слегка помрачнел.

– Почему бы вам не сделать это, пока я связан? Вы можете осмотреть меня насильно, при помощи охраны или санитаров, – тут у него чуть надломился голос.

Девушка качнула головой:

– Конечно, я могу это сделать. Но я хочу, чтобы ты *разрешил* мне тебя осмотреть. Ты можешь распоряжаться своим телом, никто не имеет права вынуждать тебя показывать его, если ты не хочешь, – Харрис медлила освобождать его, несмотря на свои слова. Побоявшись, что доктор передумает снимать ремни, Лукас заставил себя кивнуть.

– Хорошо. Всё, что хотите.

Хлоя сняла ремни с его второй руки и помогла сесть. Эосфор глубоко вздохнул, и потянул края серой футболки наверх. Его одежда отличалась от одежды других пациентов, она скорее была похожа на простую пижаму, без каких-либо карманов, пуговиц или петель. Руки плохо слушались хозяина, и Харрис осторожно помогла ему, потянув ткань наверх. Медленно, чтобы не напугать своей настойчивостью. Лукас затих, позволяя ей окинуть взглядом его тело.

Зрелище было не из приятных. На шее у Эосфора были шрамы – не только от импровизированной петли, но и другие, тонкие, явно от чего-то острого. Хлоя читала, что до попытки повешения Лукас пытался вскрыть себе вены и горло, и дважды – наглотаться таблеток, кото-

рые каким-то образом исхитрился достать в больнице. Во второй раз он их не успел даже выпить, но... но всё остальное...

– Боже мой, – выдохнула она, проводя кончиками пальцев по рубцам на чужой коже. Эосфор вздрогнул от прикосновений, но не стал отстраняться, позволяя Хлое делать всё, что она захочет. – Больно? Прости... – девушка чуть отодвинулась. Окинула взглядом его грудь, заметила слева под ключицей тёмное родимое пятно, смутно похожее на расплывшееся сердечко. Эта деталь почему-то задела её – милое пятнышко делало его будто бы ещё более уязвимым.

Хлоя осторожно притронулась к плечам, безмолвно прося его повернуться – Эосфор подчинился. Харрис с трудом сдержала возглас, когда увидела его спину – и это на ней ему приходилось лежать всю ночь?

Она была вся иссечена чем-то. Старые и новые шрамы сливались в длинные и широкие рубцы, проходящие через всю спину. Сделать это самостоятельно Лукас вряд ли мог, так что это явно не было связано с его попытками самоубийства.

– Кто это с тобой сделал? – не в силах говорить громче, чем шёпотом, спросила Хлоя.

– Это мой отец, – едва ли громче ответил Эосфор. – И сестра, – он медленно потянул к себе футболку, желая прикрыться, но Харрис удержала его руки, смагивая горячие слёзы. Осторожно притронулась к повреждённой коже – и Лукас тихо застонал от боли, закрывая глаза.

– Он истязал тебя?

– Да. Я... первое время провёл дома, он запирали меня в подвале и... Доктор, я не хочу это вспоминать, – он покачал головой. – Пожалуйста...

– Конечно, – Хлоя отодвинулась, и сама помогла Лукасу надеть футболку обратно. Осторожно опустила руку ему на плечо. – Послушай, – сказала она. – Эти шрамы не делают тебя... Я... – она с трудом сглотнула, прикасаясь к слегка заросшей щеке Эосфора, – я восхищаюсь тобой, Самаэль. Я много чего видела в своей жизни, но это... Я клянусь, – глядя прямо в тёмные глаза напротив, прибавила Харрис, – что постараюсь сделать всё, чтобы облегчить тебе жизнь. Чтобы... это стало хотя бы похоже на жизнь, – Лукас попытался отвести взгляд. Хлоя настойчиво сжала его руку. – И я хочу, чтобы ты пообещал мне, что больше ничего с собой не сделаешь. Я сняла с тебя ремни, и хочу завтра увидеть тебя живым. Ты не должен убивать себя, слышишь? Твоя жизнь гораздо ценнее, чем ты думаешь. И в мире есть место справедливости и закону. Я постараюсь... Но ты тоже должен мне помочь, – Эосфор молчал, изучая её лицо. Губы у него снова чуть дрогнули, но так и не сложились даже в слабое подобие улыбки.

– Вы не сможете совершить чудо, доктор, – сказал он.

– Это не чудо. Прошу, Самаэль, пообещай мне, что не станешь убивать себя, пока мы хотя бы не попытаемся.

– Ладно.

– Дай слово, – чуть надавила Харрис. На лице её подопечного появилось уже знакомое выражение болезненной лжи.

– Даю, – преодолев его, сказал он. Хлоя, глубоко вздохнув, собрала с силами и решила довериться ему.

– Хорошо. Увидимся завтра, – заставив себя улыбнуться, сказала она, отстраняясь. – Доброй ночи, Самаэль, – и девушка направилась к выходу. Уже у самой двери она услышала:

– Вам не место в этой больнице, Хлоя, – Харрис не пожалела, что обернулась – увидеть улыбку Лукаса, наверное, первую за полтора года, было просто бесценно. – Вы – хороший человек, – прибавил он.

– Спасибо, – ответила она, даря ему улыбку в ответ – Эосфор тоже вряд ли видел много чужой радости за последнее время.

– Доброй вам ночи, – запоздалым эхом сказал Лукас. Хлоя покинула палату, закрывая за собой дверь, и Эосфор уже в пустоту и мрак помещения договорил, прежде чем включились камеры: – *Прощайте*, доктор.

Этого она уже не слышала.

Харрис было сложно выкинуть из головы произошедшее даже когда она покинула стены больницы и отправилась домой. Может, кто-то другой сказал бы ей, что она уж слишком смягчилась за последние пару месяцев, что провела дома. Ведь правда, Хлоя успела повидать за время службы всякое: измождённых заложников, которым не позволяли даже спать, изуродованные после взрывов тела людей, которых не удавалось спасти – такие всегда были. Ей приходилось утешать собственных сослуживцев с оторванными конечностями. Лукас не был у неё первым замученным пленником, но именно его история не давала ей сейчас покоя.

На войне видеть ужасы было чем-то привычным, почти нормальным. Да, порой человеческая жестокость поражала воображение, но это, как бы страшно ни звучало, было почти уместно. Никто из сослуживцев Харрис не был повергнут в шок, когда ему говорили, что где-то неподалёку захватили и заминировали здание начальной школы. Все понимали, что это ужасно, и что они должны сделать всё необходимое, чтобы помочь детям и учителям, но никто картинно не замирал с открытым ртом и не бросал вещи на пол. Нет, всё было очевидно: это – горячая точка. Терроризм и теракты здесь – обычное явление. С этим нужно бороться, это нужно победить и искоренить, и, если уж так хочется – можно рухнуть на колени перед безжизненным телом невинного ребёнка, пострадавшего по вине бездушного боевика. Но всё это имело оттенок очевидности – война, как причина всего кошмарного вокруг, была веским поводом для того, чтобы не расслабляться морально.

И вот – снова пленник. Хлоя общалась с такими людьми во время службы, в этом, в общем-то, и заключалась её основная работа. Но опять же – она видела, как этих людей вырывали из рук убийц, как выкапывали из-под очередной груды обломков, что некогда была жилым домом или больницей. А у Лукаса не было такой предыстории, не было такой масштабной причины страданий – как, например, война, что была общим горем, – и от этого становилось лишь страшнее то, что ему пришлось пережить.

Его собственный отец лишил его свободы. Судя по всему, он пытал его на протяжении шести месяцев, желая узнать, где сын спрятал собранный на него компромат. Лукас, похоже, не сломался – иначе его бы не травили в больнице столь мощными препаратами. А может быть, Годфри просто не знал, что теперь с ним делать – он не верил, что сын не пойдёт против него снова, даже если нашёл и уничтожил всё, что было на него собрано. Убивать Лукаса было для него как-то слишком, дать ему самому убить себя – тем более. В любом случае оставался лишь один вариант – запретить сына в психбольнице и никогда не позволить ему оттуда выбраться.

Может, у Эосфора-младшего все конечности были на месте, но жестокость его отца поразила Хлою именно тем, что она была проявлена не на войне. В мирное время, «добрым» политиком, который взирал на неё, шагающую в сторону своего дома, с рекламного баннера.

В ту минуту, когда девушку посетила эта мысль, вдруг сильнее подул ветер. Харрис осталась, глубоко вздохнула, чуть опуская веки. Она могла наслаждаться этим почти каждую минуту, в любой момент была вольна выйти на улицу из дома или открыть окно... а сколько Лукас не видел солнца и не чувствовал дуновения ветра на своей коже? Если его постоянно держали на привязи – едва ли он часто покидал здание психбольницы, вряд ли даже выходил во внутренний дворик на прогулку. Может, это случалось раз в несколько дней – если вообще случалось. Наверное, два огромных охранника выводили Эосфора во дворик тогда, когда там никого больше не было. Его выгуливали несколько минут, как собаку – на привязи, позволяли вспомнить, каково это – дышать свежим воздухом, и... снова всё это отнимали.

А может, отняли давным-давно – настолько он был бледным.

Ледяными иголочками, несмотря на типичную для Лос-Анджелеса жару, по позвоночнику Хлои прошла волна страха. Быть обездвиженным, получать наказания за лишнее слово, сутками лежать на ноющей искалеченной спине – и всё это продолжается вот уже полтора года. Харрис не сомневалась, что допросы Годфри проводил с пристрастием – раз уж Лукас даже побоялся рассказать ей, что с ним делали.

И вот эта иррациональность, с её довольно чёрно-белой точки зрения, как раз и вывела Хлою из равновесия. Она думала, что идёт в новый мир, совершенно другой – может, встретит пару человек, которые не справились именно с ужасами войны. Но даже для таких были отдельные центры психологической помощи. И Харрис туда не пошла; она отправилась именно в обычную гражданскую больницу, чтобы сознательно наполнить свою жизнь в ближайшее время историями о неверных жёнах и глубоких депрессиях. Что в итоге? Получила подпольные игры и настрадавшегося человека, который боялся лишний раз не так вдохнуть и отчаянно желал закончить свои мучения любым доступным образом – будь то побег или даже смерть. Это было ненормально для «гражданки», такое должно было остаться где-то там, в Сирии, Йемене, Афганистане – или ещё где-то, где Хлоя никогда не была.

Харрис моргнула. Поняла, что сама не заметила, как добралась до дома, и что на неё странно поглядывает из окна пожилая соседка – Хлоя вот уже пару минут стояла на крыльце, пытаясь воткнуть ключ в замочную скважину. Когда, наконец, она отвлеклась от бесконечных размышлений об Эосфоре и своей неожиданной реакции на его историю, то помахала соседке, как можно приветливее улыбаясь. Потом, когда женщина успокоилась и отвела от неё взгляд, Харрис быстро открыла дверь и поспешила скрыться за ней.

Ей было нужно ещё многое обдумать.

Ещё несколько часов до отбоя Лукас просто лежал в постели, переворачиваясь с бока на бок. Было приятно дать отдых измученной спине, на которой время от времени появлялись новые шрамы и синяки от санитаров и охранников. Наконец, раздался знакомый шум – проходила смена охраны. Быстро, не обращая внимания на боль во всём теле, Эосфор подорвался с постели и проскочил в ванную комнату. В последние месяцы он всё время проводил либо под присмотром, либо связанным, так что для удобства санитаров, которые время от времени соглашались побрить его, в ванной оставили бритву. Хлоя, разумеется, об этом не знала, как и другой персонал – парень-санитар обычно прятал лезвия, чтобы Лукас не видел, где они хранятся, но однажды он умудрился подсмотреть в зеркало.

Так что найти лезвие не оказалось сложной задачей. Эосфор прислушался – у него было ещё несколько минут, пока охранники сменяли друг друга.

Знакомый страх овладел его телом. Он пытался сделать это уже в пятый раз – и ему всё равно было страшно. Если психбольница чему его и научила, так это бояться боли – даже не смерти. Лукас не хотел больше боли, даже если бы она вела к освобождению из унижительного плена.

И к тому же, его начинало грызть чувство вины. Руки, наконец-то беспрепятственно «дышащие», дрожали, плохо слушались – и они бы скоро вообще прекратили ему подчиняться, если бы не доброта этой нового доктора. Именно она освободила его, дала ему возможность отдохнуть. Она хочет помочь ему сделать главное – защитить его собственную личность. Даже если у неё не получится его вытащить, он сумеет сохранить рассудок, и может быть, когда отец умрёт... Может, кто-то из братьев постарается его забрать. Отец давно боролся со своими болячками – возможно, свобода была не таким уж и недостижимым чудом.

Хлоя... единственный человек, что не побоялся вступить за Лукаса. Он мог бы сейчас лежать, капая слюной на подушку, обдолбанный этим проклятым лекарством – и вот, стоит сейчас в ванной, свободный от оков и способный позаботиться о себе без лишних глаз. Она

вернула ему достоинство, какое-то право на личную жизнь, которым пренебрегали вот уже почти год.

И в конце концов, ему просто не хотелось умирать. Лукас всё ещё помнил жизнь до психиатрической больницы. Она и раньше казалась ему прекрасной, а теперь, недостижимая, была просто мечтой. Он скучал по музыке, скучал по своим друзьям, даже по дому, в котором провёл детство. По своим братьям и сёстрам, по нормальной еде, солнцу, свежему воздуху, своему клубу...

Эосфор зажмурился изо всех сил, стараясь отогнать видения. Новый доктор подарила ему, помимо условной свободы, ещё и надежду. Было гораздо проще сунуть голову в петлю, когда он не видел шанса вернуться к нормальной жизни. А теперь... Ну нет, что может сделать бывший военный врач против его отца? Он практически всемогущ. Не убьёт Харрис и всю её семью – так превратит её жизнь в ад. Саму запрет в палату рядом с ним, и тоже посадит на цепь. Лукас вздрогнул, представив такие же жуткие шрамы, какие были у него, на нежной коже девушки, и распахнул глаза. Такого он допустить не может.

Следующая мысль заставила его опустить лезвие. А что будет с ней, если он умрёт сейчас? Разве Годфри демонстративно не посадит в тюрьму доктора, который отвечал за его сына? Как будет лучше для Хлои? Жить ему или нет? Подвести её или нет? От какого его решения у неё будет меньше проблем? Живым он вынуждает её помогать, мёртвым – вероятно, сажает в тюрьму.

А ещё... Он ей, вроде бы, даже понравился... кажется. Может, Лукасу просто отчаянно хотелось кому-то нравиться настолько, что о нём начали бы заботиться, пока он столь беспомощен. Но, наверное, Хлоя просто была таким человеком – всем хотела помочь. Справедливо, иначе она бы не стала хорошим врачом, верно?

В чувство его привели шаги возле двери. Пересменка заканчивалась, вот-вот должны были проверить все видеокамеры и палаты.

Эосфор, сдавленно всхлипнув, сжал в руке лезвие. Он решился.

Тёмные капли крови закапали на серое дно ванны, в которую медленно начала набираться тёплая вода.

Глава 2

Однажды я захочу проснуться выше облаков

Шаги неумолимо приближались. Лукас стиснул зубы, чтобы не проронить ни звука, хотел крепче прижать лезвие к шее, но дрожь в руках лишь усилилась. Мелкие, но довольно глубокие порезы сочились кровью, боль заставляла потерять контроль, оставляя только желание поскорее от неё избавиться. Мелькнула даже мысль, что было бы лучше, если бы ему сделали этот укол – он бы лежал сейчас в блаженном забытье и ничего бы не помнил, не чувствовал бы даже дико ноющей искалеченной спины, чем плохо?..

Раздался звон ключей. Эосфор резко открыл глаза, дёргая ручку крана. Вода смыла капли крови, попавшие на дно ванны. Он не успевал, даже если собраться прямо сейчас и дёрнуть рукой, резанув по горлу. Кто сказал, что у него хватит сил нанести такой порез, чтобы моментально оборвать жизнь?..

Ярко перед внутренним взором вспыхнула картинка – Хлоя, такая же отчаявшаяся и измученная, пробравшаяся в эту же ванную и сжимающая похожее лезвие или сыплющая в рот таблетки. Сердце ёкнуло. Нет, такого допустить нельзя, эта девушка не заслуживала подобного, она не должна была попасть на его место. Значит... он не может её подвести.

Лукас опустил руку с лезвием. Дрожь чуть утихла, когда его сердце почувствовало, что сегодня оно не остановится. Прежде, чем дверь в палату открылась, он заставил себя выключить воду и подняться на ноги. Толкнул дверцу ванной комнаты, и вышел – спустя мгновение встретился взглядом с санитаром, что зашёл его проверить.

– Пожалуйста, – почти шёпотом сказал Эосфор, насильно давя из себя звуки, – помоги...

Темнокожий парень, на секунду зависший, увидев психа с опасной бритвой в руках, моргнул, стараясь придать лицу спокойное и сочувствующее выражение.

– Что случилось? – заботливо спросил он, делая вид, что не замечает оружия в руках Лукаса. Эосфор секунду размышлял – он мог бы вести себя нормально, может, этот парень-санитар тоже поверил бы ему. Но сразу же подумалось – а если нет? Или, что хуже – санитар бы поверил ему, и тоже оказался бы в опасности. Нет, такого допустить было нельзя – но нельзя было и позволить, чтобы он вновь нацепил ремни. Лукас ведь обещал Хлое жить, и что же – завтра она придёт и найдёт его в прежнем состоянии, узнает от санитаров и охранников, что он пытался покончить с собой, и... что, если они доложат об этом выше? В лучшем случае её просто выгонят из больницы, а в худшем...

А в худшем – он остановился зря.

Эосфор сделал самый честный и виноватый взгляд, на который только был способен.

– Я... не хотел... – он нарочно выпрямился, зная, что спина отзовется болью, и использовал это – глаза увлажнились, в них появились слёзы. – Я-я... п-просто... – он начал чуть заикаться, шмыгая носом. Санитар медленно приблизился, протянул руку.

– Отдай-ка мне эту штуку, приятель, – дружелюбно попросил он. Лукас, правдоподобно всхлипнув, протянул ему бритву. Санитар быстро сунул её в карман и слегка расслабился, но ближе подходить не стал, памятуя, видимо, о рассказах старших товарищей.

– Помоги... – поднял на него умоляющий взгляд Эосфор. – Я... мне больно... Я просто хотел...

– Что ты хотел? – почти участливо спросил парень.

– П-побриться... правда... – он поднял голову, показывая кровотокающие ранки. По-детски скривился, когда санитар всё же приблизился, разглядывая их, и, видимо, размышляя, похожи ли они на следы от обычных случайных порезов. Лукас решил, что ему стоит усилить эффект, и прибавил, изображая отчаяние: – просто... новый доктор, она... она такая... –

весьма правдоподобный «шмыг», – к-красивая... я хотел... – он опустил голову, решив, что этого будет достаточно. И правда – парень смягчился, поняв, что произошло.

– Ну-ну, приятель, тише, – сказал он, осторожно касаясь подбородка Эосфора и заставляя его снова показать порезы. – Тебе и так хорошо. Тебе идёт. Но вот порезы надо бы обработать. Разве она не расстроится, если их увидит?

– Я... я не знаю... – «слёзы» изматывали, сердце билось, как бешеное. Было страшно верить в то, что у него получилось обмануть этого санитаря, и что всё пройдёт по плану – но, похоже, так оно и было.

– Так, – парень сделал шаг назад, перекладывая бритву в другой карман, – давай я помогу тебе, – он бережно, но крепко сжал запястье Лукаса и потянул его в ванную комнату. Эосфор оценил его действия – сейчас ему было невозможно изогнуться, чтобы незаметно вытащить лезвие. Санитар не был дураком, он перестраховался. Ладно – Лукас всё равно уже решил остановиться. Похоже, теперь у него уже и не будет шанса прекратить всё это, но куда уж деваться, раз он решил довериться доктору.

Санитар осторожно промыл его порезы, напрягаясь каждый раз, когда Лукас специально всхлипывал или морщился. Кровь остановилась, чуть влажная щетина прикрывала алые следы – наверное, недостаточно для того, чтобы Хлоя ничего не заметила утром, но всё же. Потом парень вывел своего подопечного из ванной комнатки и усадил на кровать. Эосфора всё ещё слегка трясло, и дрожь была настоящей, в отличие от слёз.

– Сделаем тебе укольчик? – дружелюбно улыбаясь, предложил санитар. Лукас вздрогнул, поднимая на него взгляд.

– Доктор сказала, не надо... – пробормотал он, поджимая ноги и обхватывая колени руками. Парень покачал головой, вынимая из кармана шприц.

– Просто снотворное. Смотрю, она тебя сегодня не стала привязывать к кровати, да? Ты, конечно, хотел сделать, как лучше, но всё-таки себе навредил, – он осторожно прикоснулся к его плечу свободной рукой. – Я должен был бы тебя связать, но...

– Не надо! – опять всхлипнул Эосфор. Санитар кивнул, опускаясь на корточки перед ним.

– Не буду. Зачем нам расстраивать твою красавицу? Давай просто сделаем укольчик, ты поспишь, боль пройдёт, и никто не расстроится. Всем будет хорошо, да? – он мягко, но настойчиво коснулся его запястья, стараясь вытянуть руку Лукаса, чтобы тот позволил поставить укол. Эосфор, шмыгнув носом, протянул её самостоятельно. – Вот и молодец, – улыбнулся парень. Укол был почти неощутимым, но в сон потянуло довольно быстро. Даже странно, почему к нему вдруг зашёл именно этот добродушный санитар – может, Хлоя была права: тёмная полоса в жизни приближалась к концу? И новые люди, что появлялись в ней, не всегда были настроены против него?

Эосфор сквозь окутывающий его мрак различил, как парень настойчиво заставляет его лечь, и даже укрывает одеялом. Он отчаянно напрягался, желая удостовериться, что санитар уйдёт, не надев на него ремни, но сопротивляться было очень сложно. Наконец, Лукас просто провалился в сон, так и не дождавшись звона ключей у двери палаты.

Ну, что же, по крайней мере, он был жив. Даже если Хлоя застанет его вновь связанным и с порезами на горле, может быть, она его простит. Он же всё-таки остановился.

В ту самую минуту Хлоя, мысли о которой без конца наполняли голову Эосфора, сидела дома. Она была занята написанием тех заключений, из-за отсутствия которых не могла изменить медикаментозное лечение. Помимо Лукаса, за сегодня у неё было ещё человек шесть больных – настоящих, которым тоже нужно было подобрать лечение. С некоторыми из них всё было понятно, и особых изменений в курсе препаратов или других видов терапии делать не приходилось. Но трое пошли на поправку, и, раз уж Карен ничего не имела против их выздоровления, Харрис должна была подобрать им новый курс лечения. Сначала нужно было решить

все вопросы с обычными пациентами, а потом уже браться за дело Эосфора. От одного из больных ей даже пришлось отказаться – он едва не впал в буйство, когда увидел своего нового лечащего врача. Выяснилось, что девушка была очень похожа на его бывшую жену, которая изменила ему. Собственно, из-за неё он и попал в психушку – но Хлоя не вдавалась в подробности истории, увлечённая событиями в её собственной жизни.

Как раз, когда она закончила с последним, шестым заключением, снова задрожал телефон, оповещая о новом сообщении. Хлое, честно говоря, жутко не хотелось возвращаться к этой тяжёлой истории, так что она с радостью ухватила за возможность чуть отложить это занятие.

Сообщение было от Эммы. Она просила срочно позвонить ей, и это Харрис не понравилось – но она всё же выполнила просьбу подруги, заранее напрягаясь. Долго ждать ответа не пришлось – после двух или трёх гудков девушка ответила на звонок.

– Привет, – раздался знакомый голос. Хлоя не сдержала улыбку – Эмма всегда была лучиком солнца, и это чувствовалось даже в телефонном разговоре. Порой хватало пары минут беседы с подругой, чтобы избавиться от тяготящих мыслей и увидеть путь решения проблемы. Но сейчас в голосе у девушки была непонятная тревога – и это чувство даже передавалось через динамики.

– Привет. Что случилось? – спросила Харрис. Эмма помолчала секунду, замаявшись, а потом сказала:

– Слушай, это, конечно, не телефонный разговор, но... Приехать я не могу, а писать такое точно не стоит.

– Да? Что такое?

– В общем... тот парень, про которого ты просила меня разузнать. Он же сын...

– Да, Годфри Эосфора, – Хлоя потёрла переносицу, устало закрывая глаза. – Надо быть аккуратнее.

– Нет, ты дослушай! – перебила её подруга. – Он сын Карен Леонард!

– Что? – не поверила своим ушам Харрис. Эмма выдержала театральную паузу, наслаждаясь произведённым эффектом, а потом продолжила:

– Вот именно! Я отправила тебе то, что ты просила, а потом полезла почитать про его отца, и...

– Она его жена?

– Да! Я не знаю, родная ли она мать Лукаса, про неё вообще мало что удалось выяснить – Годфри очень старается скрывать свои семейные дела, но... в общем, скоро выборы губернатора Калифорнии, и у него неплохие шансы на победу. Сейчас кандидаты играют в павлинов, распускают хвосты, у кого ярче – и недавно он засветился на какой-то благотворительной акции вместе с женой.

– С Карен.

– Да. Я проверила кое-что, – по ту сторону динамиков зашелестели бумаги, – и выяснила, что она стала главврачом твоей больницы как раз тогда, когда...

– Когда пропал Лукас, да? Полтора года назад? – Эмма помолчала, видимо, кивая, и прибавила:

– За месяц до того, как Годфри заявил, что Лукас отправился на лечение.

– То есть, она заняла пост главного врача только для того, чтобы держать сына в психушке?

– Ну, может он и не её сын, там непонятно, – уточнила Эмма. – Но даже если он ей только пасынок, это всё равно жёсть. То есть, может, парень и тронулся, но зачем так радикально... Так, это ещё не всё, – снова зашуршали бумаги. – Когда я выяснила, что она стала главврачом именно в то время, мне это не понравилось. Я решила аккуратно прошупать её мутные делишки, и выяснила кое-что.

– Что?

– Финансирование больницы и её фактическое состояние не соответствуют друг другу.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Я хакнула финансовые отчёты твоей психушки, – обронила подруга. Хлоя тяжело вздохнула, закатив глаза. – Не в этом дело, Хло! Дело в том, что главным спонсором этой клиники является дочернее предприятие одной из фирм Годфри. Официально, он сам отношения к больнице не имеет, но фактически... В общем, он перечисляет огромные деньги на содержание этой психушки.

– Но я ничего особенного не заметила, – припомнила Харрис. – Оборудование не особо старое, но и суперсовременным его не назовёшь. О каких суммах идёт речь?

– О серьёзных, – чуть понизив голос, сказала Эмма. – Но ты права. Дальше всё путается, они мутят с указанием сумм в отчётах только одной стороны, но я посидела, посчитала, и поняла, что почти половина этих денег просто растворяется. Они уходят на счета других компаний, которые принадлежат...

– Карен? – догадалась Хлоя. Эмма вздохнула.

– Да. Не знаю, что там с этим Лукасом, тебе виднее, но его мамаша точно нечиста на руку. Она отмывает деньги мужа. Благотворительность, как известно, налогам неподвластна.

– А потом пропускает через свои счета и возвращает обратно в семью, – закончила за неё Харрис.

– Именно. Я надеюсь, ты понимаешь, что я не имела права молчать об этом, да?

– «Не имела»?..

– Начальство в курсе, Хло. Тебе лучше вести себя как обычно, типа, ты и не при делах. Я не стала говорить, что это ты навела меня на Карен, но мало ли, что она может подумать. Наши спецы ещё раз всё перепроверят, и, если что – этой дамочке придётся несладко. Муж её, наверное, отмажет, но я бы не рисковала с ней связываться.

– То есть, её могут скоро сместить, верно?

– Я бы сказала, что её уже почти сместили. Ребята прямо сейчас работают над отчётами, как только появятся доказательства, что она мутит с финансированием – место освободится. Годфри это вряд ли заденет, вся вина будет на Карен, но...

– И в больнице будет новый главврач, – продолжая логическую цепочку, сказала Харрис. Да, это действительно могло помочь Лукасу. Другое начальство может как минимум помешать планам его отца. Далеко не каждый согласится на явно незаконную схему, особенно, если его предшественника сместили именно из-за неё. Эосфору-старшему придётся выждать какое-то время, чтобы не засветиться, может, перевезти Лукаса в другую больницу – за время этой суматохи Хлоя успеет что-нибудь придумать, чтобы ему помочь. – Спасибо, Эмма, – от души поблагодарила она подругу.

– Да ладно, – явно довольно улыбаясь, протянула девушка. – Ты там будь осторожнее. И разберись с этим Лукасом, может, он и нормальный. Не знаю, конечно, что там у него в котелке варится, но помню, как мы с тобой в «Хэритэйдже» зажигали после окончания универа. На рояле он круто играл, – Эмма, хмыкнув, сбросила звонок. Харрис тяжело вздохнула, поняв, что теперь должна взяться за отложенное дело – создание минимально вредной медикаментозной терапии для новоиспечённого Самаэля.

Она отложила телефон и придвинула к себе чистый лист бумаги. Назначить ему лекарства не было проблемой, сложнее было назначить их так, чтобы это не вызвало подозрений у Карен – пусть она, может быть, скоро и покинет эту больницу. Хлое нужно было сделать вид, что она ничего не поняла и полностью поверила в то, что Лукас – псих. Возможно, она и так создала ему кучу проблем, освободив от оков – кто знает?

Харрис постучала ручкой по столу. В голову закралась подленькая мысль оставить всё, как есть, только убрать тяжёлый препарат, что сегодня едва ему не вкололи – но девушка тут

же отмела её. Карен может задержаться в больнице, позволить ей травить сына и дальше – не вариант.

Собравшись с мыслями, девушка выписала на лист все препараты, что могли бы подойти под список диагнозов Эосфора. Вычеркнула самые тяжёлые, которыми его пичкали сейчас, оставив лишь те, что были полегче. Потом вычеркнула то, что явно не сочеталось с оставленными лекарствами. Взглянула на оставшиеся наименования – и её будто что-то толкнуло.

Они делали это во время военных действий. Не конкретно «они», даже не Хлоя, но многие её знакомые с подобным сталкивались. Люди, что старались избежать возвращения из «плена», предатели, или те, что прикидывались психами, чтобы не получить тюремный срок, даже платили за подобную сборку. Лекарства с наименьшими побочными эффектами, которые в смеси слегка нейтрализовали, смягчали действие друг друга и не оказывали жёсткого подрывающего здоровье влияния. В гражданских клиниках об этой сборке мало кто знал – с первого взгляда никто бы и не понял, что Харрис значительно облегчила медикаментозную нагрузку. Конечно, определённая вероятность нарваться была – мало ли, насколько просвещённой в таких вопросах была Карен. Но рискнуть стоило.

Однако таблетки были лишь половиной дела. Когда дело дошло до плана терапии, девушка снова застряла – в голове вообще не было мыслей.

Она перелистала готовые заключения. Почти для всех остальных больных были подобраны творческие занятия – кого-то было решено отправить на групповую терапию, кого-то – на индивидуальную, но ни с кем не возникало трудностей.

Хлоя опять вздохнула. Наступило время рассмотреть Лукаса уже не как жертву, а как настоящего пациента, потому что ему действительно требовалась её помощь. Она вспомнила фотографии, которые нашла ей Эмма, и которые хранились в архивах сайта его клуба. Эосфор действительно играл на рояле, но не могла же она устроить это в нынешних условиях, верно? Вряд ли представлялось возможным и отвести его на групповую терапию – так резко менять его статус с буйного на обычного пациента явно не стоило. Хлоя освободила его, устроила сцену охране, теперь вот поменяла лечение – стоило быть осторожнее. Но Лукасу просто жизненно необходима была сейчас музыка. Он почти разучился улыбаться за этот долгий год, и ей нужно было помочь ему зажечь в глазах хотя бы маленький огонёк жизни.

В памяти у неё вдруг всплыла одна из фотографий. Кажется, такая и правда имелась – Харрис даже потянулась к телефону и снова перелистала всё, чтобы найти её. Да, редкий кадр – Лукас держал в руках гитару. С гитарой было бы намного проще, хоть Хлоя и не представляла, как протащить её в больницу, и тем более – в палату. Вот была бы она поменьше, и тогда...

Секунду.

Харрис отложила бумаги и поднялась из-за стола. Открыла свой шкаф. У неё было немного вещей, несмотря на то, что она уже несколько месяцев жила дома. Старая привычка иметь всё под рукой. Мать жаловалась на неё, почти требуя, чтобы Хлоя прошла вместе с ней или хотя бы с подругами по магазинам и прикупила себе нарядов, раз решила остаться. Девушка собиралась сделать это после первой зарплаты на новой работе, но теперь сомневалась, что у неё будет на это время.

Харрис наклонилась и расстегнула сумку. Она давно была разобрана, в ней хранилось лишь то, что явно, по мнению Хлои, не могло пригодиться дома. Например, подарок от Эммы с мужем – подруга настояла, чтобы Харрис взяла его с собой, и девушка так и поступила, хоть и не понимала, для чего. Потом, медленно сходя с ума от жутких звуков бомбёжки, Хлоя вспомнила о подарке и впервые вытащила его на свет божий. Это, а заодно, давняя поездка с отчимом на Гавайи, помогли ей справиться с происходящим. С тех пор девушка не расставалась с этой укулеле – брала её всюду, куда бы их ни отправляли. Места инструмент занимал немного, но чудесным образом успокаивал и хозяйку, и окружающих людей. Харрис знала всего с десяток аккордов и три или четыре рисунка боя – обычно девушка не заморачивалась, интуитивно

находя подходящий под песню ритм. Играть было несложно. Может быть, Лукасу именно это и было нужно?

Бросив в плотный чехол упаковку запасных струн и ещё пару примочек, Хлоя застегнула его и поставила возле своей кровати. А потом вернулась к столу – дописать, наконец, заключение.

* * *

Лукас почти проспал завтрак. Утром ему принесли лекарства и еду – ничего особенного, он уже давно не ходил на общие завтраки. Его решили изолировать почти сразу же, как он начал пытаться доказать своему первому врачу, что не является психом. Врача быстро уволили, условия ужесточили – вскоре стало ясно, что сопротивляться и пытаться спастись бесполезно.

Эосфор ел без особого аппетита. Над душой опять стояли санитары – парня, что пожалел его прошлой ночью, среди них не было. Пришлось быстро жевать и глотать то, что дали. Иначе он мог бы остаться и без обеда – чувство насыщения всё равно быстро исчезало, если вообще появлялось, но оно было едва ли не последней радостью в этой бесконечно серой жизни.

Наконец, санитары забрали посуду, проконтролировали приём таблеток, и ушли. Лукас, едва уверившись, что они не вернутся, поднялся с кровати и направился в ванную комнату. Бритвы уже не было, похоже, тот парень её забрал от греха подальше. Было чисто – наверное, он полностью замыл кровь, когда Лукас уснул. Вспомнив о порезах, Эосфор подошёл к маленькому зеркалу, намертво привинченному к стене, и придирчиво себя осмотрел. Если не присматриваться, их можно было и не различить. А если ещё не вертеть головой, не привлекать внимания к шее, так вообще хорошо.

Настало время гигиенических процедур, и один из санитаров вернулся. Видимо, Хлоя передала им какие-то свои распоряжения, так что парень не стал заходить в ванную комнату, лишь оставил дверь чуть приоткрытой, чтобы контролировать действия Лукаса. Но теперь у него хотя бы была возможность не подвергаться постоянному контролю и ежедневному принудительному осмотру тела. Если он хотел что-то скрыть, то мог это сделать. Это было настолько приятно, что Эосфор даже улыбнулся своим мыслям – уже второй раз за два дня. Эта Хлоя делала с ним что-то невероятное.

Скоро его оставили одного. Лукас ещё немного полежал на боку, наслаждаясь возможностью не опираться на больную спину, потом встал и начал бродить по палате. Ему подумалось, что можно было бы заняться чем-то вроде простой физкультуры – но отжиматься было сейчас довольно сложно, а присесть после этих слегка дурманных таблеток – наверняка довольно рискованно. Он ослабел за время, проведённое «на привязи», однако, теперь мог это исправить. Вот чуть пройдёт эффект от лекарств, и можно будет что-нибудь сделать. И руки, руки тоже должны зажить и начать его слушаться...

Эосфор как раз начал пытаться отжиматься от стены, когда кто-то опять завозился у двери. Лукас так увлёкся, что понял это слишком поздно – когда дверь уже открылась. Заметив справа от себя движение краем глаза, он резко выпрямился, боясь, что за это тоже могут наказать. Эосфор уже собирался оправдываться и клясться, что больше не посмеет ничем таким заниматься, но слова застряли в гортани, когда он увидел перед собой Хлою.

– Доброе утро, – улыбнулась она, глядя на него. – Хотя уже почти обед, – девушка поправила что-то на плече. – Извини, надо было заполнить кое-какие бумаги, так что тебе принесли старые таблетки после завтрака.

– Доброе... утро, – конечно, Лукас её ждал. Он надеялся, что девушка вернётся, может, даже хотел своеобразно похвастаться тем фактом, что до сих пор жив. Может, поблагодарить за всё, что она сделала. Но в голове это выглядело совершенно иначе.

– Рада, что ты сдержал обещание. Вижу, тебе лучше, – прикрыв за собой дверь, Хлоя приблизилась к его кровати, подвинула стул. Эосфор опустился на свою койку, опять сложив руки на коленях. Чуть опустил подбородок, скрывая подживающие порезы на шее.

– Благодаря вам, доктор, – играть в психа и умолять санитаров ничего никому не говорить почему-то было проще. Может, потому, что страх и слёзы были наполовину настоящими. Может, потому, что он и правда уже слегка тронулся? А вот быть самим собой, нормальным, вести разговор с Хлоей... почему-то это вгоняло его в некоторый ступор. Это было непривычно. – Что это? – не найдя, что ещё сказать, поинтересовался Лукас, когда девушка опустила что-то чёрное на пол рядом с собой.

– Это то, о чём я хотела бы с тобой поговорить, – Харрис стала немного более серьёзной. – Я меняла твои лекарства. Не все, чтобы не привлечь лишнего внимания, но тебе должно стать легче. Они не будут так травить тебя. Ты сможешь немного набрать вес, тебе бы это не помешало. Это должно немного помочь. Я не считаю тебя ненормальным, ты уже знаешь, но ты столько пережил... Всё это оставило след, и я здесь, чтобы помочь тебе с этим справиться. Ты понимаешь?

– Понимаю, – покорно согласился он.

– Поэтому, – Хлоя подняла тёмный предмет и потянула замочек вниз, – я кое-что принесла.

Чехол сполз обратно на пол, и в руках у девушки осталась маленькая гавайская гитара. Эосфор растерянно моргнул, переводя взгляд с инструмента на доктора. Девушка, помедлив, покрутила пару колков, и протянула ему укулеле.

– Что?.. – пробормотал Лукас. – Я не...

– Я знаю, – тихо сказала Харрис. – Тебе очень тяжело. Ты совершил сегодня подвиг, сдержав своё обещание и оставшись в живых. Тебе нечему здесь радоваться, но прошу, Самаэль, – она вложила гитару ему в руки, – ты должен попробовать. Сделай ещё шаг мне навстречу, ладно? Я о многом прошу, это правда. Но если ты хочешь сохранить свою душу, тебе это нужно.

Эосфор сидел, чуть хмурясь и глядя на малышку-гитару в своих руках. Инструмент казался чуть потрёпанным, но оттого – лишь более живым. Где-то в глубине памяти что-то шевельнулось – солнечные дни, его комната, его маленькие руки, обнимающие всё на свете. Всё, что попадалось под руку. Весёлый загорелый мужчина, совсем не похожий на его отца, протягивающий Лукасу похожую маленькую гитару.

– Гавайцы выбирают инструмент, обнимая его, – подсказывает он, и мальчик прижимает подарок к груди. – Нравится?

Ему нравилось. Он даже забыл об уроках музыки, что давала ему пожилая няня, пианистка. Отец лишь посмеивался, а Лукас всё лето пробегал в саду со своим новым инструментом. Потом, когда парень вырос, ему подарили и гитару – но от укулеле он никогда не отказывался. Хлоя просто не могла об этом знать, как она...

– Самаэль? – услышал он голос девушки. Вздрыгнул, поняв, что она прикасается к его плечу. Потом осознал, что обнимает её гитару – как в детстве. Часто заморгал, отстраняя инструмент от груди.

– Простите, доктор, – пробормотал он чуть срывающимся голосом. – Это... просто воспоминания.

– Ты умеешь? – полувопросительно сказала она. Эосфор кивнул. – Пожалуйста... можешь что-нибудь сыграть?

– Н-не... не уверен, доктор, – Лукас практически оторвал инструмент от сердца, протягивая его обратно Хлое. Та чуть качнула головой, мягко касаясь его рук, возвращая их вместе с гитарой назад, к его груди.

– Прошу, Самаэль. Тебе это нужно.

Она даже понятия не имела, *насколько* нужно.

Эосфор закрыл глаза, обхватывая гриф тонкими длинными и чуть дрожащими пальцами. Он столько не прикасался к музыкальным инструментам, но руки всё помнили. Лукас вырос, «обнимая музыку». Он никогда не забыл бы рояль или гитару, или что-то ещё – до сих пор, пытаясь уснуть долгими ночами, Эосфор опускал веки и вспоминал свои выступления в клубе. Свои занятия с той самой няней.

То, что сейчас вырвалось из его груди, не было похоже на то, что ему помнилось. Лукас бы замолчал, сгорая от стыда, но сейчас ему было всё равно. Пальцы прыгали по тонким струнам, старая знакомая мелодия пружинистым ярким мячиком неслась от стены к стене, освещая обычно серое помещение.

Хлоя молчала, за что Эосфор был ей очень благодарен. Он подумал бы, что не стоит так позориться, пытаясь петь, но не мог остановиться – а девушка слушала и не затыкала его, как санитары в первое время, когда он пытался что-то напевать в ванной или даже в собственной палате. Однажды его избили за то, что он мурлыкал под нос эту песню – с тех пор он больше ни разу не пытался петь в этих стенах.

Харрис чувствовала его дрожь. Она ждала, что ей придётся учить Лукаса тем самым десяти аккордам. Думала, что это их сблизит – Эосфору явно нужен был человек, с которым он мог бы даже просто поговорить. Девушка была готова перекидываться с ним несколькими общими фразами в день, стать ему таким подобием друга, которое только могла бы ему дать, чтобы окружающие ничего не заподозрили. Она была готова выслушивать его во время терапии. Но сейчас он переживал какую-то глубокую личную боль, он пропал в музыке, даже забыв, что рядом кто-то есть.

Хлоя привыкла сопереживать людям, которые испытывают боль. Обычно это помогало им, они словно разделяли её с кем-то и становилось легче нести свой груз. Сейчас, слушая, наверное, самое надрывное исполнение «Somewhere Over the Rainbow»¹, которое ей только доводилось слышать, девушка поняла, что ей придётся бороться с силами, чтобы разделить боль с этим человеком. Лукасу наверняка было, что ей рассказать – и она не будет настаивать на этом так, как настояла на том, чтобы он прикоснулся к струнам укулеле. Теперь уже нужно было попытаться излечить его душу, чтобы он сам потянулся к ней и захотел снять груз со своих плеч. А он не просто этого хотел – он мечтал об этом. Ему и правда хотелось проснуться выше облаков – впервые Харрис напугала эта строчка в песне. Эосфор говорил о вечном покое, а не просто о сказочном мире.

– Очень хорошо, – несмотря на это, тихо сказала Хлоя, когда мелодия стихла и Лукас медленно и тяжело поднял голову, открывая глаза. – Спасибо, Самаэль. Ты молодец. Ты справился, – нервная хватка на грифе инструмента стала более спокойной, мягкой, уверенной. Болезненная дрожь в его руках ослабела. Харрис коснулась его запястья, ненавязчиво – и почувствовала, как Эосфор неосознанно притягивает инструмент к себе. Она поняла – заставляя его сейчас отдать ей гитару будет жестоко. Но ей нужно было идти к другим больным, а в палате должны были включить камеру, как только она уйдёт... Точно ли это не принесёт ему новых проблем? Его ломали, отнимая право на радость, и что будет, если кто-нибудь увидит его таким?

– Вы не можете её оставить, верно? – заговорил Эосфор, заметив её смятение. Девушка виновата приподняла уголки губ. – Нельзя, чтобы кто-то видел, – он будто бы охрип, голос как-то неуловимо изменился.

– Я оставляю её в кабинете. Обещаю. Каждый раз, когда я буду приходить, буду брать её с собой. И каждый раз, когда у нас будут официальные встречи, она будет на месте.

---

¹ Песня гавайского музыканта Израэля Камакавиивооле (гав. Israel Kamakawiwo'ole)

– Хорошо, – Лукас покорно протянул ей инструмент. Хлоя видела его внутреннюю борьбу – и её восхищало, честно говоря, то, как Эосфор слушал голос разума, несмотря на бурю чувств внутри. Дозированная радость в качестве терапии была лучше, чем ударная доза счастья, а потом – наказание за него. Для того, чтобы понять это, человеку требовалась недюжинная сила, выдержка – и у него эта сила имелаась.

– Я не хочу отнимать её у тебя, – признала Харрис, заглядывая в глаза своему подопечному. Он опустил голову. – И я рада, что ты понимаешь это.

– Вам пора? – не поднимая головы, спросил Лукас. Хлоя кивнула.

– Я вернусь вечером, – пообещала она. И тут ощутила прогресс, увидела результат своих вчерашних довольно рискованных действий – Эосфор встал и подошёл к двери, чтобы проводить её. Словно она не оставляла пациента в одиночной *камере*, а покидала квартиру друга. Он начинал осваивать пространство, которого раньше был лишён столько времени, привязанный к кровати. Им стоило бы сейчас поговорить, она должна была распутать клубок чувств у него в груди – но время кончалось, ей не стоило задерживаться в палате у Лукаса надолго. Можно было что-то заподозрить.

Так что Хлоя, осторожно коснувшись плеча Эосфора, покинула палату. Охранники недовольно прищурились, когда она отпустила их, звеня в кармане ключом и собираясь запереть дверь. Лукас опустил глаза, боясь встречаться с ними взглядом.

Где-то рядом раздался знакомый шум. Хлоя на секунду отвлеклась, бросив взгляд на его источник – санитар кивнул ей, здороваясь, и открыл дверь другой палаты. Харрис отвернулась, не обратив на это внимания – почему-то ключ её не слушался, ей никак не удавалось подцепить его в кармане. Эосфор стоял у двери, ожидая, видимо, пока она запрет его и уйдёт – отойти первому ему казалось дурным тоном.

– погоди, – Хлоя чуть улыбнулась, поправляя на плече чехол и придерживая ткань халата освободившейся рукой, чтобы достать-таки ключ. Дверь, которую больше никто не придерживал, чуть закрипела, открываясь шире. Харрис наконец ухватила ключ и потянулась было к ручке двери, но Лукас вдруг изменился в лице. Девушка не успела понять, что было не так – позади неё раздалась чьи-то возгласы, потом тяжёлые шаги, почти прыжки, и наконец – дикий вопль, после чего её с силой толкнули – так, что она практически влетела обратно в палату к Эосфору – прямо в его объятия. Однако она не была готова к удару, и не успела сориентироваться, схватиться за Лукаса.

Так что, пытаясь защитить левый бок, где на плече был чехол с укулеле, Хлоя весьма неловко завалилась вправо, падая на пол. Дело было не только в инструменте – если бы гитара сломалась, после удара такой силы обломки могли бы порвать даже плотный чехол и вонзиться в тело, а вынимать дерево из ран был удовольствие ниже среднего.

Лукас отшатнулся, когда Харрис упала на пол. Тот, кто сделал это, тоже сейчас лежал на полу – но он быстро поднялся, даже раньше, чем Хлоя успела перевернуться на спину или встать.

– Шалава! – взвыл нападающий. До девушки дошло, кто это был – тот самый мужчина, от которого ей пришлось отказаться из-за того, что она была слишком похожа на его бывшую жену. Санитара, видимо, он тоже отпихнул – хоть прошло всего несколько секунд, парень ещё не успел кинуться на помощь. – Порешу-у-у-у! – зарычал псих, готовясь к новому прыжку. Харрис не успевала отползти или встать, она слишком неудобно упала, ей мешала дверь. Она уже сжалась, выставляя вперёд руки, чтобы защититься, может, как-то выиграть время для санитаров и охранников, которые, судя по звукам в коридоре, уже приближались. Мужчина бросился на неё – но никакого удара не последовало. Наперерез ему бросилась другая фигура, прямо из палаты – с отчаянным возгласом кто-то вытолкнул психа из помещения и рухнул на него сверху. Харрис, стянув с себя ремень с чехлом, выдохнула и быстро встала. Выскочила в коридор.

Её пациент изо всех сил стискивал руки мужчины, который бешено извивался под ним. Ему повезло, что больной едва ли доставал ему до груди, иначе его бы тоже уже отшвырнули. Несмотря на разницу в росте, псих всё равно был грозным соперником – он, дико вопя, вырывался, пытаясь пинать и колотить своего соперника. Эосфор вжимал его в пол, как мог – но вот удар ногой достиг цели, заставив Лукаса чуть дёрнуться и ослабить хватку, и псих почти вырвался. Стиснув зубы, Эосфор снова умудрился схватить его руки – всё происходило очень быстро, но Хлоя успела оценить то, что он не бил своего противника, всем своим видом показывая, что просто защищается. И тут мужчина сделал то, чего никто не ожидал – изогнувшись, он впился зубами в левое плечо Лукаса, заставляя его ослабить хватку.

Но было уже поздно – Эосфору удалось выиграть достаточно времени, чтобы охранники и санитары успели прибежать на звуки драки.

Прежде, чем его грубо спихнули бы на пол, Хлоя успела потянуть Лукаса за руку назад, к себе, сообразив – мужчина принял его за любовника своей «жены» и будет биться с ним насмерть. Да и охрана до сего момента с её подопечным мало церемонилась – его могли жестоко ударить, не разобравшись в причине происходящего. Буйного немедленно подняли с пола и скрутили, заставили шагать обратно в палату. Двое санитаров остались рядом с Харрис и Эосфором. Лукас морщился, прижимая руку к пострадавшему плечу. Он сидел, привалившись к стене, и шипел сквозь зубы, стараясь перетерпеть острую боль, мешающую взять себя в руки и подняться с пола.

– Он защищался! – немедленно вступилась за него Хлоя, когда санитары приблизились к ним. – Он защищал меня, – тут же поправились она. Осторожно прикоснулась к запястью его правой руки, мягко, но настойчиво убирая его ладонь с раны. На футболке появились пятна крови – похоже, укус был довольно сильным.

– Мы видели, мэм, – успокоил её темнокожий парень. – Нужно обработать рану и наложить повязку, если необходимо. Всё в порядке, – после этих слов Эосфор поднял на него взгляд. Это был тот же самый санитар, что помог ему прошлой ночью – поймав на себе взгляд Хлои, Лукас вспомнил о порезах на шее, которые сейчас были открыты для неё. Виногато опустил взгляд. Санитар помог ему подняться и завёл в палату: – Пойдём, приятель, – уже знакомо, ласково сказал он, будто бы закрывая его собой от доктора, помогая скрыть их общую тайну, – мы тебе поможем.

– Я должна удостовериться, что он в порядке, – быстро толкнув ногой в сторону чехол с укулеле, заявила девушка, заходя в палату вслед за санитарями. Спорить было бы бесполезно, и к тому же, это разрушило бы его образ глупого влюблённого психа, так что Эосфор промолчал.

Но Харрис ничего не сказала. Пока санитары обрабатывали ему укус, довольно-таки глубокий, и накладывали повязку, она молчала. На последнем витке бинта девушка даже отвлеклась – у неё в кармане загудел телефон, чудом уцелевший после падения, и она странно улыбнулась в экран, когда прочитала сообщение. Потом доктор лишь погладила его по здоровому плечу и сразу же покинула палату вместе с санитарями – Лукас ещё несколько минут растерянно смотрел на дверь, не понимая, что всё это значит. Неужели, Хлоя настолько разозлилась, всё же увидев его порезы на горле? Она больше в него не верила, он её разочаровал? Или, может, у неё что-то случилось? И сильно ли она пострадала при падении, он ведь даже не успел этого понять?..

Получить ответы на все эти вопросы пока было неоткуда.

Обед ознаменовался очередным приёмом лекарств. Только уже тех, что назначила Хлоя – Эосфору и правда было легче после них. Голова почти не кружилась, и боль в плече чуть притупилась. Его потянуло в сон – впервые за долгое время он просто захотел спать. Без уколов снотворного или нескольких часов бездумного разглядывания потолка. Может, дело было в том, что он наконец-то испытал что-то помимо стыда, боли и ненависти. Всё это никуда ещё не делось, но сквозь боль физическую и душевную он получил первую каплю радости за несколько

лет. До сих пор ему вспоминались тонкие струны и маленькие лады, звуки, которые сейчас казались ещё ярче, чем в воспоминаниях из юности. Они ему, кажется, даже снились.

А ещё – он почувствовал себя нужным. Бросаясь на настоящего психа, закрывая собой доктора, Лукас ощутил себя обычным человеком, желающим и способным кому-то помочь. Пусть плечо нещадно щипало от того, чем его обработали и помазали, это того стоило...

– Самаэль! Самаэль! – услышал он сквозь пелену сна. С трудом разлепив веки, Эосфор увидел перед собой доктора. Встревоженную, серьёзную – совершенно не такую, какая ему снилась. Он поморгал, рывком сел – даже прежде, чем полностью проснулся.

– Что... доктор?.. – он скользнул взглядом по девушке, пытаясь понять, что произошло. Та, выпрямилась, придвигая стул ближе к изголовью постели. – Доктор?..

– Карен ушла из больницы, – быстрым шёпотом сообщила ему Харрис. Лукас ещё раз моргнул, пытаясь осознать этот факт. Девушка снова дёрнула замочек на уже знакомом чёрном чехле, доставая гитару. – Её сместили. Полиции стало известно о её махинациях с финансированием, и её сместили.

– То есть...

– Да. Здесь будет новый главврач. И я знаю, кто, – Хлоя быстро усмехнулась, закусила губу, протягивая Эосфору укулеле. – Держи, я же обещала, – она поправила волосы, откидывая их с глаз, и продолжила оборванную фразу: – Доктор Рэйчел Гарднер. Я проходила у неё практику, ещё когда училась в институте. Честнее неё я женщины не знаю. Что бы ни делала твоя семья, с ней это не получится, – видя, что Лукас хочет что-то возразить, Хлоя прибавила: – и к тому же, её муж – Джонатан Уайт. Тот самый, из «L.A. Times». Заткнуть их моментально у твоего отца точно не получится, и к тому же, ему будет выгоднее, если Джонатан будет на его стороне, ведь скоро выборы... – Хлоя выдохнула, коротко улыбаясь. – Что-то должно измениться.

До Эосфора медленно стал доходить смысл сказанного. На губах у него родилась улыбка – одновременно робкая, благодарная, недоверчивая – но он ничего не успел сказать. Да и Харрис тоже – она ведь наверняка имела что-то против его порезов на шее, верно? А ему было нужно узнать, как она чувствует себя после падения, цела ли, и...

Кто-то толкнул дверь в палату, и она распахнулась – Лукас рассеянно перевёл взгляд на вошедших, думая, что это вернулась та санитарка, что приносила еду и таблетки. И онемел. Улыбка медленно выцвела. Хлоя, заметив его состояние, обернулась – и тоже потеряла дар речи. Только услышала, как её пациент с трудом выдавил:

– Аманда?..

На пороге стоял Годфри Эосфор собственной персоной. А рядом с ним – темнокожая девушка, одетая в серое платье и с бритой почти наголо головой.

Видимо, та самая Аманда.

Глава 3

Твои мечты могут стать реальностью

Ничего, кроме имени сестры, Лукас больше не смог выговорить. Хлоя, собравшись, чуть отстранилась от своего пациента и кашлянула, привлекая внимание Годфри, будто бы не замечающего её.

– Добрый день, сэр, – заговорила она, чувствуя себя так, словно прикрывает Эосфора своим телом от невидимой угрозы. Вероятно, так оно и было – он до сих пор молчал, лишь едва заметно дрожали губы.

Его отец чуть прищурился, окидывая её оценивающим взглядом. Харрис выдержала его с достоинством – ей часто приходилось терпеть подобное. Если бы это её настолько задевало, она бы не попала бы в горячую точку – может, даже и институт бы не закончила. Так что её было довольно сложно смутить. Но Лукас об этом не знал – девушка кожей ощутила на себе его виноватый взгляд и почувствовала, как он внутренне сжимается, обнимая укулеле.

– Прошу прощения, доктор, – голубоглазый мужчина изобразил вежливую улыбку. В его голосе Хлоя отчётливо различила старательно скрываемое снисхождение. – Вы ведь доктор, верно? – это слово из его уст звучало как-то не так, как его произносил Эосфор-младший. Он был полон уважения, осмелился назвать её по имени лишь один раз – Годфри же, обращаясь к ней «доктор», будто бы ставил между ними грань. И не такую, какая была между ними с Лукасом – нет, он словно пытался как-то её этим унизить. Приравнять к прислуге.

Ничего. Главное – не подавать виду, что это её задевает. Она глубоко и неслышно вздохнула.

– Хлоя Харрис. Лечащий врач вашего...

– Сына, – закончил за неё Годфри. Снова чуть прищурился. Подул подлый сквознячок угрозы. Аманда за его плечом выпрямилась, грозно взглянула на Лукаса. Эосфор-старший же отреагировал более спокойно: – Вы знали?..

– Вас бы не пустили в палату, если бы вы не были близким родственником, – спокойно ответила Хлоя, пожимая плечами. Собственно, даже близкого родственника не пустили бы в палату, если бы Эосфор действительно имел такой внушительный список психических заболеваний. Теперь она понимала, о чём говорил ей Лукас вчера вечером – от его отца буквально веяло уверенностью и властью. Он подавлял одним своим присутствием. Любая ошибка или дерзость в его сторону – и, казалось, он может уничтожить обидчика. Стоящая по левую руку от него девушка была скорее похожа не на дочь, а на цепную собаку. По первому же сигналу от хозяина такие псы бросались на обидчика и рвали его в клочья. Она стояла молчаливым истуканом, и это не добавляло ей дружелюбности – лишь усиливало ощущение опасности.

– Ах, да. Верно, – Годфри усмехнулся. Аманда чуть опустила плечи, почувствовав, что атаковать пока никого не придётся. – Вы правы.

– Итак, – Харрис поднялась со стула, невольно делая шаг чуть влево, действительно прикрывая Лукаса от взгляда его отца. – Что вы хотели?

– Навестить своего сына. Мне сообщили, что он идёт на поправку, – мужчина вошёл в палату, по-хозяйски, не обращая внимания на попытки Хлои защитить, оградить от него Лукаса. – И я решил лично удостовериться в этом, – игнорируя стул, он сел прямо на кровать, рядом с сыном. Эосфор-младший опустил голову, скрывая порезы и заодно – собственные чувства. Но девушка их прочитала – Лукас разве что не дрожал. Он боялся своего отца – так отводили взгляд заложники террористов, когда те подходили к ним.

Глубоко вздохнув, Харрис закрыла дверь палаты и подошла к посетителям.

– Верно, – сказала она. Годфри поднял на неё слегка недоумевающий взгляд – наверное, Хлоя должна была солгать, сказав, как и Карен, что Лукас не имеет шанса на выздоровление. Но у девушки появилась идея – она понимала, что Эосфор не оставит своего сына в этой больнице, и осознавала, что последовать за ним в другую клинику не сможет. Зато она могла подтолкнуть мужчину к другому решению, новому варианту развития событий – если у неё получится, у её подопечного будет шанс вернуть хоть какое-то подобие нормальной жизни. По крайней мере, вырваться из психбольницы.

– Вы так считаете? – с нажимом спросил Годфри. Хлоя кивнула, чувствуя на себе почти испуганный взгляд Лукаса.

– Разумеется, сэр. Новые лекарства сделали его намного спокойнее. Он оставил свои навязчивые идеи, прекратил бредить и пошёл на контакт.

– Он называет себя Сатаной, – впервые за всё время заговорила Аманда, неодобрительно качая головой. Хлоя поняла – они видели медкарту Эосфора, которую она заполняла сегодня утром. Этого она не ожидала, конечно, но этот факт особо её не удивил.

– Самаэлем, – поправила Харрис. Аманда удивлённо посмотрела на неё, словно не ожидала такой дерзости. – Это имя принадлежало не только Сатане, но и ангелу смерти. Мы говорим метафорами, – не меняя интонации, продолжила Харрис. – Через призму грехов падшего ангела мы рассматриваем его личность. Это помогает ему исправить собственные неверные идеи, которые при этом не обязательно озвучивать. Если таковые имеются *на самом деле*, – она чуть улыбнулась. Фраза получилась идеальной – Годфри довольно хмыкнул, решив, что речь идёт о правде, которую Хлоя, даже если и слышала от его сына, приняла за бред. И Лукас вздохнул чуть глубже обычного – он понял, что девушка всё ещё на его стороне.

А Аманда умолкла, видимо, почувствовав в Харрис соперницу.

– То есть, ему всё ещё необходимо лечение? – уточнил мужчина, прикасаясь к плечу сына и демонстративно его поглаживая. Хлоя почти физически почувствовала эту смесь страха и отвращения, которую Лукас старательно затолкал глубоко в душу, чтобы не показать внешне. Поразительно, как Годфри и Аманда этого не ощущали. – Вы считаете... он болен? – это был прямой вопрос – Эосфор пытался понять, знает ли Хлоя правду на самом деле, или считает Лукаса «настоящим» пациентом. Харрис слегка растерялась – она не знала, какую позицию выбрать. И потому решила ответить двусмысленно – в любой момент ей можно было бы начать играть «за другую команду».

– Он нуждается в постоянном наблюдении, – сказала она. – Одиночество в изоляции не шло ему на пользу. Я заметила признаки некоторых психических расстройств, не указанных в его медкарте, и имею основания полагать, что мой предшественник не уделял своему пациенту достаточно внимания. Если бы он провёл более глубокую диагностику, думаю, он бы понял, что требуется вашему сыну, – и, честно, это была правда. Лукас был запуган, наверняка страдал от приступов тревожности, всего боялся – он не мог остаться полностью психически здоровым человеком. Ему нужна была помощь, и она собиралась её предоставить.

Улыбка Годфри стала шире, и Хлоя поняла, что у неё получилось – теперь Эосфор считал, что достиг своей цели. Он уловил главный посыл в её фразе – его сын действительно тронулся в этих условиях, что были ему созданы. Врачи ему не верили, и что самое главное – теперь он не мог «выздороветь», поскольку, даже если бы пошёл на поправку, то снова бы начал говорить о своей прежней жизни. Это посчитали бы бредом, и он бы снова сошёл с ума – идеальный удобный замкнутый круг.

– Мне... – Годфри удивительным образом придал ухмылке сочувствующий оттенок, – невероятно тяжело это слышать, доктор.

– Понимаю.

– Вероятно, я должен перевезти сына в другую больницу, чтобы провести более тщательное обследование... – тут он умолк на секунду, будто задумавшись. – Хотя не уверен, что такая смена обстановки пойдёт ему на пользу, верно?

– Я с вами полностью согласна. И к тому же, мы уже приступили к терапии, – Годфри скользнул взглядом по укулеле, которую сын будто бы пытался спрятать, обняв и укрыв от чужого взгляда. – Уверю, я в состоянии позаботиться о том, чтобы он получал необходимое лечение и уход.

– А как вы считаете, доктор, – мужчина посмотрел на неё, и Хлоя с трудом подавила желание поёжиться под этим мертвенно-холодным взглядом, – поддержка семьи могла бы... помочь ему? Вы говорили, что ему не хватает общения, верно? Может быть, мы могли бы забрать его домой, и продолжить лечение там?

Харрис старательно-ровно выдохнула. Она словно шла по канату над пропастью – и пока что ветер, заставляющий верёвку дрожать, ей не мешал. Годфри предложил то, о чём она сама подумала, когда поняла, что он попытается увезти Лукаса. Это наверняка было безрассудно и глупо – но именно так Хлоя и поступала, когда покинула дом и уехала с рюкзаком и укулеле туда, где звучали взрывы. И так ей удалось спасти многие жизни – если от неё требовалось пойти в волчье логово, то она согласна. Больше никто не мог бы помочь этому парню – ведь теперь мало кто вообще знал о его существовании. Первая её мысль о том, что она может попытаться договориться с доктором Гарднер, уговорить её помочь Лукасу, была бы лучшим вариантом развития событий – но Годфри уже здесь. Годфри вряд ли позволит им остаться в этой больнице. Это было бы слишком просто.

– Полагаю, – заговорила она, – что это хорошая идея. Возвращение к прежнему образу жизни и общение с семьёй должно помочь. Однако, ему требуется постоянное наблюдение. Если вы собираетесь забрать сына домой, вам нужен врач, который согласится работать в подобных условиях.

– Сиделка с вышкой психолога? – фыркнула Аманда. Её отец чуть нахмурился, и девушка осеклась. Замолчала.

– Не сиделка, а профессионал, который будет в курсе состояния вашего сына и сможет проводить с ним почти весь день.

– Постоянный контроль? – уточнил Эосфор так, словно ждал обещания. Харрис кивнула.

– Я могла бы порекомендовать вам специалиста, – почти безразлично сказала она, – который мог бы согласиться на подобные условия... – девушка потянулась к карману, будто желая найти ручку и листок из блокнота. Но Годфри, как она и ожидала, её остановил:

– А вы? – Хлоя едва сдержала победную улыбку. Главное, чтобы эта улыбка никому здесь не показалась нервной – ведь она понятия не имела, кого собиралась порекомендовать. Саму Гарднер? Нет, семейство наверняка было в курсе, что её не обмануть. Эмму? Без предупреждения? Может, её мужа?

Она была на грани провала, но Эосфор сам её от этого провала уберёг.

– Я? – прикинулась она дурочкой. Невероятно контрастно с тем моментом, когда ей удалось поставить на место Аманду – видимо, приближённую к Годфри. Но это сработало: Эосфора-старшего впечатлила, видимо, её компетентность, как специалиста – и лёгкая человеческая наивность тоже. Честный и наивный медик, который уже нашёл общий язык с Лукасом, и совершенно точно не воспринимает его истории всерьёз – идеальный вариант.

– Да, доктор, – мужчина встал, подошёл к ней, чуть коснулся локтя. – Вы нашли подход к моему сыну. Мне не хотелось бы искать кого-то другого. У Лукаса, – впервые за весь разговор назвал он его по имени, – было *много* врачей, доктор. Я имею в виду... Ему будет тяжело пережить переезд домой, если вы не составите ему компанию. К тому же, вы провели блестящую работу, и мне будет жаль портить ваш труд вмешательством человека со стороны.

– Я понимаю, что вы хотите сделать как лучше для сына, но... Не уверена, что могу подвести клинику, оставив это место, – она слегка улыбнулась, будто смущённо. – К тому же, я только нашла работу, сэр, и...

– Я утрою оплату вашего труда, – не меняя выражения лица, но понизив голос, сказал Годфри. Хлоя изобразила изумление. – У вас будет личная комната, питание, страховка, охрана... Любая необходимая помощь в любое время суток. Мы примем вас, как члена семьи, доктор, – он чуть сжал её запястье, поднял его и прикоснулся губами. Харрис едва не передёрнуло – губы были влажными и холодными, как нос собаки. Но от собаки обычно исходят флюиды радости и дружелюбия, а этого человека почти видимой аурой окружало чувство опасности. – Вы ни в чём не будете нуждаться. И если у вас есть семья, – тут он сделал паузу, демонстрируя, что совершенно данного факта не одобрит, но попытается смириться, – мы позаботимся и о них, если им потребуется помощь, – Эосфор-старший опустил взгляд, разглядывая, будто сканируя руки Хлои.

– Я не замужем, – тут же подтвердила его наблюдения Харрис. – Но родственники у меня есть.

– Близкие?

– Я согласна на ваши условия, – чуть ли не перебивая его, сказала девушка. Годфри умолк, не настаивая на ответе. Обернулся к дочери, коротко кивнул ей, указывая на дверь, и та вышла, не задавая никаких вопросов. Потом он снова повернулся к Хлое и изобразил улыбку.

– Отлично, доктор. Мы очень вам благодарны.

– Вы хотите уехать прямо сейчас? – прищурилась Харрис.

– Как можно скорее, – продолжая кривить губы в довольно мерзкой улыбке, сказал Годфри. Хлоя приподняла брови.

– Я думала, мы поедем вместе. Я должна следить за состоянием вашего сына.

– Разумеется, доктор.

– Но мне нужно собрать вещи и предупредить семью...

– Не переживайте. Аманда подберёт вам всё необходимое на первое время, а позже, когда всё утрясётся, кто-нибудь из моих детей отвезёт вас домой и поможет перевезти всё, что вам нужно. А ваша семья...

– Я позвоню им, – сориентировалась Харрис.

– Вот и славно. Аманда позовёт вас, когда всё будет готово. Прошу, подготовьте Лукаса к поездке, – он направился к двери, собираясь уходить. Харрис бесшумно вздохнула, позволяя, наконец, дрожи пройти по телу. Потом, собравшись с силами, вновь окликнула Эосфора:

– Сэр, – мужчина обернулся, – вы должны понимать, что вашему сыну требуются лекарства, которые невозможно приобрести даже по рецепту в обычных аптеках.

– Мы видели список, – точно, они ведь копались в его медкарте, – Аманда с этим разберётся. Всё будет в порядке, доктор, обещаю. И даже законно, – он хохотнул, обозначая таким образом шутку. Хлоя тоже рассмеялась, делая вид, что полностью ему доверяет. Честно говоря, она сильно сомневалась, что они смогут сделать нечто подобное законным путём так скоро, как это требуется.

Впрочем, большие деньги обычно неплохо ускоряли процесс получения необходимого.

Но это её уже не должно было волновать. Когда Эосфор ушёл, Харрис выглянула в коридор, проверяя, не стоит ли кто за дверью, а потом прикрыла её и вернулась к Лукасу. Сердце бешено колотилось, ей не верилось, что всё получилось – она даже забыла на минуту о том, на что подписалась. Это наверняка будет опасно, и теперь придётся контролировать себя и свои слова почти круглосуточно, ведь за ними, скорее всего, будут присматривать – но это казалось не таким важным. Хлоя давно не чувствовала этого прилива адреналина и радости – с тех пор, как вернулась домой, если подумать. Она любила службу, любила трудности – и счастье от того, что у неё получалось помочь людям. Там было намного проще, чем здесь – сейчас

она впуталась в опасную политическую паутину, и могла там застрять навечно. Или вообще – погибнуть, если её план раскроют.

Впрочем, у неё сейчас не было никакого конкретного плана. По крайней мере, пока что. Она просто собиралась помочь Лукасу. Потихоньку вернуть уже его не просто домой, а в реальный мир. Может быть, убедить его отца, что Эосфор-младший больше не представляет опасности. Хлоя не была «таким» врачом, но всё равно заметила, что мужчина был нездоров. Может быть, после его смерти что-то наладится в жизни у Лукаса?

А может, случится чудо, и ей удастся уговорить своего подопечного временно оставить борьбу с отцом и подыграть ей. Если бы он притворился, что считает свои прежние идеи бредом, и Годфри поверил ему – что же, может, им бы повезло вернуть нормальную жизнь даже раньше, чем оба могли того ожидать. Лукас мог бы получить обратно свой клуб и помалкивать. Конечно, это было против его убеждений, но ради спасения собственной жизни...

Хлоя была бы рада увидеть его прежним – счастливым, выступающим перед посетителями «Хэритэйджа».

– Доктор, – услышала девушка его голос. Вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей, и посмотрела на Эосфора. Он чуть дрожал, продолжая обнимать гитару. – Доктор, что вы наде-
лали?... – речь сорвалась на шёпот, голос прервался. Харрис вспомнила – сейчас ей нельзя под-
даваться собственным чувствам. Он только что столкнулся со своим главным страхом, со сво-
ими мучителями, и она, Хлоя, уговорила его снова стать надзирателем. Ей срочно нужно было
успокоить Лукаса, пока у него не случился нервный срыв, или того хуже – не началась исте-
рика. Он был близок к чему-то подобному, так что девушка, быстро переключившись, присела
рядом с ним. Коснулась здорового плеча одной рукой, и другой – подбородка, мягко заставляя
смотреть на неё.

– Всё в порядке, – твёрдо сказала Харрис. – Всё будет хорошо.

– Нет... почему вы... – у него дрожали губы, но глаза были сухими. – Вы ведь... вы пони-
маете, куда попадёте?... Он раздавит вас, если поймёт... Он вас уничтожит... Вы понимаете,
что он может вынудить *меня* убить вас?... – дрожь нарастала во всём теле. – Вы понимаете, что
я не смогу отказать?... Он... – Эосфор зажмурился. – Он убьёт нас обоих, рано или поздно...

– Этого не будет, – успокоила его Хлоя. – Послушай меня, Самаэль. Я сделала то, что
считаю необходимым. Я не могла позволить ему запереть тебя в какой-то другой клинике. Да,
дома ты будешь, возможно, ещё в большей опасности, чем обычно, но всё-таки, ты будешь
дома. Тебе страшно, и это нормально. Но мы справимся.

– Вы... Вы даже не представляете...

– Я осознаю все последствия. Но не имею права бросить тебя. Тебе нужна помощь, и
никто, кроме меня, не сможет её оказать. Просто доверься мне, ладно? У меня... есть план, –
чуть соврала девушка. – Всегда есть.

– Почему вы думаете, что это хороший план? – нервно выдыхая, спросил Лукас. Харрис
усмехнулась.

– До сегодняшнего дня он меня не подводил, – ответила она. Эосфор опустил веки, когда
Хлоя осторожно забрала у него из рук укулеле, чтобы положить её в чехол. И так остался сидеть
до тех пор, пока дверь не открылась вновь, на этот раз – впуская пару санитаров и его сестру.

Пришлось подчиниться и сползти с кровати, которую сейчас совершенно не хотелось
покидать. Даже удивительно, но теперь палата казалась самым безопасным местом, его личным
уголком, пусть в него и вторгся персонал больницы минимум раза четыре в день. Лукаса
страшила мысль вернуться домой – но он взял себя в руки, решив довериться Харрис. Они
были знакомы двое суток, но она ещё ни разу не навредила ему, лишь старалась сделать как
лучше. Отводила от него чужие удары своей тонкой рукой. Может быть, и сейчас у неё полу-
чится что-то изменить.

И если от него что-то потребуется – он постарается сделать всё, чтобы помочь доктору.

* * *

Хлою изумила скорость, с которой поменялась её жизнь. Ещё утром она покинула дом, размышляя, стоит ли после работы зайти купить спагетти, или же лучше заказать что-нибудь, и не заморачиваться с готовкой. А теперь, всего лишь десять часов спустя, она находилась где-то далеко за городом, в шикарном огромном особняке. И разглядывала свою новую комнату – та находилась рядом с комнатой Лукаса, которого Харрис ещё не видела. Её подопечного, когда они приехали, куда-то увела его сестра – та самая, что приезжала с отцом в больницу. Хлоя попыталась узнать, где он, но ей не позволили – улыбчивый парень, видимо, тоже один из сыновей Годфри, немедленно взял её под руку и тоже куда-то повёл.

– Где Лукас? – всё же спросила она, когда её спутник жестом фокусника открыл дверь в её новую комнату. Парень ещё шире улыбнулся, чуть пожимая плечами:

– Аманда о нём позаботится, доктор Харрис. Не переживайте.

– Я должна видеть его реакцию на смену обстановки, – как можно серьёзнее сказала Хлоя. Это в какой-то мере было правдой – ей нужно было знать, что Лукас в порядке. От этой Аманды у неё шли мурашки по коже – мало ли, что она могла сделать с братом. Он испугался сестры даже больше, чем отца. Харрис только-только удалось успокоить его и пообещать, что всё будет в порядке – и что, если прямо сейчас его запугивают, или издеваются? Он был таким тихим всю дорогу до дома – а путь был неблизким. Когда издали стало видно огромные кованые ворота, Эосфор слегка побледнел и чуть разомкнул губы, будто хотел что-то сказать, или чему-то удивился. Вероятно, на него снова нахлынули воспоминания, и помимо хороших, всплыли и плохие. Когда он взглядом наткнулся на сестру, что была за рулём, то быстро опустил взгляд – и, как показалось Хлое, по его телу прошла лёгкая дрожь. Хорошие воспоминания не пересилили события последних полутора лет, и Харрис могла бы поклясться – в этом была львиная доля вины Аманды.

– О, не волнуйтесь, – отвлекая от мыслей, ответил сопровождающий Хлою парень. – Вы скоро встретитесь на праздничном ужине.

– Праздничном?..

– Да, конечно, ведь наш любимый брат вернулся домой, – он немного приторно улыбнулся. Хлое почему-то показалось, что он не притворяется – по крайней мере, не во всём. Может, и правда любил брата – и может, был не таким уж и гадом, если подумать. Просто боялся отца и выполнял все его приказы.

– Боюсь, я неподобающе одета для праздничного ужина, – попыталась отшутиться Хлоя. Парень покачал головой:

– Ну что вы! – улыбка стала слегка заискивающей, Харрис почувствовала – он явно не был любимчиком в семье, если таковые у Годфри вообще имелись. Видимо, он постоянно искал одобрения и пытался угодить старшим, и это состояние перешло и на отношения с другими людьми. – Если пожелаете, можете примерить вот это, – парень указал на бумажный свёрток, что лежал на кровати, – но уверяю вас, что вы прекрасно выглядите.

– О, спасибо, – Хлоя притворилась смущённой – ей нужно было угодить этому парню, чтобы втереться в доверие. Лучшего способа, кроме как оценить его старания, она пока что не видела. – Спасибо, эм...

– Зак, – немедленно представился он, протягивая ей руку. – Захария.

– Библейское имя, – заметила Хлоя, пожимая её в ответ. Зак замялся, будто сомневаясь, должен ли поцеловать её, или рукопожатия достаточно. – Очень красивое, – подбодрила его Харрис, опуская руку.

– Спасибо, доктор, – парень чуть зарделся. – В общем... я приду за вами через полчаса, провожу в столовую. Вы пока освоитесь, – он шагнул назад, не отрывая от Хлои взгляда, а

потом, видимо, подумав, что это довольно странно, быстро опустил глаза, отвернулся и вышел, только пообещав постучаться, когда придёт.

Хлоя решила потратить выделенное ей время с умом. Она разобрала немногочисленные вещи, которые успела прихватить с работы в сумке: минимум косметики, зеркальце, которое теперь вряд ли могло пригодиться, несколько упаковок с лекарствами – на всякий случай, и прочие мелочи. Обошла комнату в поисках розетки, поблагодарила саму себя за новоприобретённую привычку везде таскать за собой зарядку для телефона. Осмотрела полупустые шкафы, что будто бы прикрывали кровать и рабочий стол от глаз вошедших – это ей понравилось, места было даже больше, чем было нужно.

Неловко было от того, что почти все вещи, что имелись в ящиках – пижама, пара футболок, бельё, – подходили ей по размеру. От этого становилось не по себе, хоть Хлоя и понимала, что ей могли предложить одежду одной из сестёр Лукаса. Но эти вещи казались почти новыми, будто купленными именно для неё, как если бы их здесь ждали. Станным было и то, что они не останавливались хоть у какого-нибудь магазина по пути сюда – впрочем, ей было нужно не так уж и много. Скорее всего, лишняя чашка и новая зубная щётка в этом доме всегда были, так что удивляться было нечему. О решении нанять доктора Годфри наверняка сообщил кому-нибудь по телефону. Отцом он был многодетным, так что наверняка догадка о гардеробе какой-то девушки, что живёт или жила здесь, была верна.

Немного успокоив себя этими мыслями, на новое рабочее место Хлоя отправила все документы, которые прихватила с собой из больницы – всё, что удалось найти по истории болезни Лукаса. Бумаг было немало, их отдельной стопкой вынесла к машине Аманда, и потом Харрис как-то упустила их из вида, сосредоточенная на контроле состояния своего подопечного, который – ростом метр девяносто, если не больше, – даже в машине пытался занять как можно меньше места, чтобы никого не задеть. Ничего, эту его привычку Хлоя заметила ещё во время первой их встречи – типичное поведение для человека, который боялся всего, что его окружает. Это она сможет исправить – главное суметь вычитать между строк как можно больше информации о том, что пришлось пережить Лукасу за год в психбольнице. Может, он и сам расскажет ей что-нибудь, если они найдут укромное место для настоящих бесед.

Выделенные ей полчаса подходили к концу. Хлоя всё-таки рискнула притронуться к свёртку, о котором ей сказал Захария, и проверить, что в нём. Это было яркое красное платье – Харрис замялась, не зная, стоит ли его надевать. Несмотря на цвет, платье было довольно приличным, а её уютный слегка растянутый свитер и джинсы действительно вряд ли внушали какое-то уважение. Так что девушка, решившись, всё-таки примерила подарок.

Платье подошло идеально. Хлоя даже распустила волосы и причесалась, разглядывая себя в зеркале. Вышло неплохо. Потом она взяла в руки телефон, что потихоньку накапливал заряд, тихо лёжа на тумбочке у изголовья кровати, и настроила матери сообщение. Сказала, что её пригласили на работу за городом – технически, это была правда. Девушка подумала было попросить привезти вещи, но потом решила, что это не лучшая идея. Уж лучше она позже действительно пустит к себе домой Аманду, чем подвергнет мать такой опасности – Годфри явно не стоило встречаться с ней. Конечно, он знал об её существовании, но чем дальше Харрис будет держать своих близких от этого семейства, тем ей будет спокойнее.

Вдруг что-то привлекло её внимание. Девушка вздрогнула, отрывая взгляд от телефона, даже не понимая, сначала, что случилось. Мелькнула мысль, что ей стоит слегка успокоиться, чтобы такие сбои в матрице больше не повторялись, но движение вновь повторилось – и теперь уже Хлоя была уверена, что ей не показалось.

Дверь в её комнату была чуть приоткрыта. Харрис отложила телефон и расчёску, которую забыла убрать. Выждала секунду, а потом позвала:

– Эй, кто здесь? Захария, это ты?

В коридоре снова кто-то пошевелился. Хлоя уже хотела подойти и выглянуть, но тут дверь ещё чуть приоткрылась, и на пороге оказалась худенькая девочка с большими глазами.

– Привет, – поздоровалась она. Тихо, едва слышно, будто боялась говорить громче, но любопытство пересилило. – Я Ребекка.

– Привет, – для пущей доброжелательности Харрис улыбнулась, хоть и не была уверена, что девочка оказалась здесь случайно, а не провалила задание Годфри по слежке за ней. – Я Хлоя. Заходи, – она чуть отступила назад, жестом приглашая сестрёнку Лукаса войти. Она помолчала, постояла у двери, а потом всё-таки вошла и прикрыла её за собой. – Что-то случилось? – спросила Харрис. – Кто-то попросил меня позвать? – девочка помотала головой. От сердца у девушки немного отлегло.

– Ты очень красивая в этом платье, – будто собравшись с силами, сказала Ребекка. – И не в платье... – спустя пару секунд она указала пальчиком на свитер и джинсы, – тоже была красивая, – девочка снова замолчала, чуть опустила голову, до жути напоминая этим движением своего брата.

– Ты тоже, – продолжая улыбаться, кивнула Хлоя. – У тебя тоже красивое платье. И тебе очень идут твои бантики, – Харрис сказала всего пару слов, но уже почувствовала их результат – Ребекка неуверенно взглянула на неё и смущённо улыбнулась. Еле заметно, но всё-таки.

– А ты будешь... лечить Лукаса, да? – осторожно спросила девочка. Хлоя качнула головой.

– Я постараюсь ему помочь, – сформулировала она. – У каждого из нас бывают времена, когда нужна помощь. В этом нет ничего плохого.

– Я знаю, куда он уезжал, – улыбка Ребекки погасла, она враз стала очень печальной.

Сердце у Харрис снова кольнуло – она поняла, почему девочка к ней зашла. Для её восьми или девяти лет те полтора года, что Лукас провёл в психбольнице, были огромным сроком. Возможно, она думала, что брат её не помнит; или же хотела выяснить, насколько он болен, смогут ли они общаться. И наконец, её интересовала, скорее всего, сама Хлоя – то, какие отношения у них могли сложиться в будущем. Ребекка не была похожа на самого счастливого в мире ребёнка, вероятно, её в этом доме тоже успели запугать – может, она хотела найти защитника в лице нового человека.

Она почти сразу подтвердила мысли Харрис, задав вопрос:

– А он... сильно болеет?

Хлоя постаралась удержать дружелюбную улыбку на лице. Она понятия не имела, что именно сказать Ребекке: если её вдруг подослал Годфри, сказать правду, чтобы обнадежить милое маленькое существо, будет довольно глупо. Если же она пришла сама – не дать девочке совсем никакой надежды будет уже жестоко.

– Ему было очень тяжело в последнее время, – уклончиво ответила Харрис. – Но я верю, что смогу помочь ему справиться со всеми сложностями... лечения, – по лицу Ребекки было сложно понять, о чём она думает, но девочка кивнула, показывая, что приняла такой ответ.

– У него должен быть распорядок дня? – вдруг спросила она. Хлоя чуть приподняла брови. Ребекка пояснила: – Просто... наверное, вам нужно ложиться спать раньше, чем всем нам, да? И нельзя сразу много кушать или пить, – девочка умолкла. Хлоя, честно говоря, не понимала, что она имеет в виду – чувствовала какую-то недосказанность, но всё равно никак не могла уловить суть. – Просто я не хочу, чтобы Лукасу потом было плохо, – Ребекка опустила голову, будто сдалась, бросила попытки объяснить что-то, о чём думала на самом деле.

– Я буду следить за его питанием и режимом сна, – пообещала девушка. – Обещаю, что вы скоро сможете поговорить. Сразу же, как только он отдохнёт и придёт в себя после переезда, – Харрис замолчала, увидев, как у девочки дрожат губы, будто она готова заплакать или закричать. Но тут раздался звук шагов, и ещё спустя несколько секунд – стук в дверь. Хлоя глубоко вздохнула, на мгновение прикрывая глаза и выдерживая паузу – она была нужна. Очень

нескоро ей удастся ещё так же расслабиться, потому что сейчас нужно быть начеку. Весь вечер следить не только за собой, но и за Лукасом, который мог пострадать от пресловутого переезда больше, чем она могла представить.

Прежде, чем она ответила, дверь комнаты чуть приоткрылась. На пороге ждал Зак. Харрис поняла, что не прогадала, надев то, что ей принесли – парень тоже приоделся, сменив футболку на рубашку и жилет.

– Выглядите чудесно, доктор, – сказал он, едва её увидев. Хлоя вежливо улыбнулась, одарила его ответным комплиментом. Взгляд Зака скользнул правее, и парень чуть нахмурился, увидев Ребекку.

– А ты что тут делаешь? – чуть напряжённо улыбаясь, спросил он. Харрис уже сделал вдох, чтобы прикрыть девочку, как-то объяснить её присутствие в своей комнате – но не успела. В коридоре снова послышались шаги – и в поле зрения почти сразу возникла девочка постарше, почти девушка.

– А я везде тебя ишу, – глядя мимо Хлои и Зака, громко сказала она. Харрис проследила за её взглядом и поняла, к кому были обращены эти слова – Ребекка, явно испугавшаяся, когда её застучал Захария, быстро проскочила между ним и Хлоей. Старшая девочка протянула ей руку, и крепко сжала маленькую ладошку, протянутую сестрёнкой в ответ. Только потом подняла взгляд на Харрис, чуть прищурилась, оглядывая её с ног до головы. – Здравствуйте, доктор. Отпадный наряд, – Ребекка что-то хотела сказать, но сестра ей не позволила, крепко сжав руку – это Хлоя заметила, их выдали нервные движения. Похоже, этого Зака в доме побаивались, несмотря на его статус прислуги для отца. И тем не менее, девочка постарше пришла на помощь младшей сестре, почти выдернув её из рук у брата.

– Спасибо, – Харрис решила не портить девочкам вечер и вежливо улыбнулась, сглаживая момент. Старшая кивнула, тоже улыбнулась и зашагала по коридору, утягивая за собой Ребекку и оставляя Зака с Хлоей наедине.

Захария с заметным недовольством проводил взглядом сестёр. Потом, одёрнув самого себя, быстро посмотрел на Харрис и мгновенно преобразился, вспомнив, видимо, о своей приторной маске гостеприимства.

– Прошу прощения за наше юное поколение. Вы готовы, доктор? – Хлоя чуть качнула головой, продолжая улыбаться:

– Всё в порядке. В конце концов мы всё равно должны были познакомиться, – она позволила Заку взять себя под руку. – Ребекка – очень милая девочка. Не беспокойся, я была рада с ней поговорить, – на всякий случай прибавила Харрис.

Захария молча проводил её вниз.

Когда они приближались к просторной столовой, мимо них с Заком пробежали какие-то парни – девушка едва успела заметить на них фартуки. Похоже, слишком много прислуги Годфри не держал, и у этих ребят было несколько обязанностей помимо непосредственно готовки – в руках у одного из них блеснули столовые приборы, значит, они ещё и готовили на стол. Впрочем, молодым ребятам вряд ли это было в тягость, а платил хозяин дома немало, так что удивляться тут было особо нечему.

Они вошли в большой зал. Там уже собралась почти вся семья. Харрис немного переживала по поводу встречи с Карен, из-за которой план мог бы пойти наперекосяк, но её не было. Видимо, муж собирался где-то виновницу спрятать – либо полиция всё-таки успела её задержать. Ничего, к тому времени, как Карен вернётся, Хлоя уже успеет создать тот образ, который собирается использовать в этом доме. Если она вообще вернётся – вдруг Годфри поступил с женой так же, как и с сыном? Просто избавился, засунув куда подальше, чтобы никто даже не вспомнил о ней? Или решил не отмазывать в полиции, просто бросив на произвол судьбы?

Эосфор-старший, сидящий во главе длинного стола, приветливо улыбнулся. От этой улыбки, вкупе с её собственными мыслями, у Харрис пробежал по коже холодок. Она заставила себя улыбнуться в ответ, окинуть помещение восхищённым взглядом – ей было нужно, чтобы Годфри поверил в то, что она полностью купилась на внешнюю красоту его жизни.

Лукаса она заметила не сразу – даже странно, потому что Эосфор, будто в качестве издёвки, усадил сына рядом с собой. Его, похоже, заставили принять душ – по крайней мере, вымыть голову. Волосы были чуть влажными, кто-то даже его причесал. А ещё Лукасу его одежда была заметно велика – он действительно сильно похудел в больнице. У девушки болезненно сжалось сердце, когда она увидела, как Лукас прячет явно дрожащие руки под столом и опускает взгляд в тарелку, избегая смотреть на кого-то из семьи. Но, по крайней мере, не было похоже, чтобы его обижали. По крайней мере, ничего такого, чего он не выносил бы каждый день в психушке.

– Добрый вечер, – как можно бодрее и убедительнее поздоровалась Харрис со всеми присутствующими. Заметила девочек, которые сидели рядом где-то у края стола. Услышав знакомый голос, Эосфор-младший вздрогнул, поднял глаза и посмотрел на неё. Хлоя задержала взгляд на его лице – он и правда пока держался. Хорошо.

Зак подвёл Хлою прямо к Лукасу. Девушка быстро сглотнула, увидев рядом с ним свободное место – ей «выпала честь» сидеть возле Годфри, и это не утешало. Она даже не могла спросить у своего подопечного, как он себя чувствует. Его брат отодвинул стул, приглашая гостью сесть, и Харрис, одарив его ещё одной благодарной улыбкой, села.

Вечер начался.

Первым делом Хлоя отметила, что у Лукаса и правда было бесчисленное количество братьев и сестёр. Уже было ясно, что всех их родить одна Карен точно не могла – значит, у Годфри было несколько жён. Может даже одновременно. Или, что тоже вероятно, некоторые дети были усыновлены – например, Аманда, старшая из всех. Она, как оказалось, была не такой уж юной – ей, если верить словам Годфри, было тридцать шесть лет. Может, он её и удочерил – впрочем, связи с разными женщинами казались более правдоподобной теорией. Это могли быть выгодные связи, похлеще, чем у королевских династий. А может, целью Эосфора было создание собственной империи, и он целенаправленно занимался увеличением численности своего потомства.

Годфри выделил почти час на то, чтобы Хлоя со всеми познакомилась. Кукольно-радостная компания лишь посмеивалась, когда Харрис старалась запомнить имена новых знакомых. Её сразу успокоили, пообещав, что никто не станет обижаться, если она что-то забудет, и это девушку слегка утешило. Хлое нужно было быть милой со всеми этими людьми, и похоже, такой шанс эта семья собиралась ей предоставить.

Девочку постарше, ту, что забрала Ребекку, как выяснилось, звали Джорджина. Ей было шестнадцать лет, самой же Ребекке – девять, как Харрис и предполагала. Впрочем, на младших детях, коих она насчитала четверо, Годфри особо внимания не задерживал. Он стремился похвалиться достижениями старших своих отпрысков – к примеру, яркой Моникой, которая определённо могла бы преуспевать со своей внешностью в модельной карьере. И пусть Хлоя особо миром моды не интересовалась, но лицо этой сестры Лукаса показалось ей знакомым – вполне возможно, она мелькала на обложках журналов. Эта девушка ей не понравилась – она была ещё более приторно-заботливой, чем уже знакомый Зак. Когда Харрис впервые заговорила с ним, у неё возникла мысль, что он может иметь хоть какие-то тёплые чувства к своему брату – Монике же Хлоя не верила вовсе.

В серую массу сливались одинаково-выглаженные «успешные бизнесмены». Таких у Годфри было всего трое, два парня, которых выдавали их костюмы, и девушка с туго стянутым безупречным хвостиком волос, без конца что-то печатающая в телефоне, даже когда отец пред-

ставлял её Харрис. Их Хлоя сразу отнесла в группу более-менее безопасных личностей – им явно было не до того, чтобы следить за ней и свихнувшимся братом. Они делали деньги, без конца работали, возможно, могли даже уехать на несколько дней. Когда же они были дома, то вряд ли желали тратить драгоценные редкие минуты отдыха на слежку для отца – к тому же, этим явно было, кому заняться. Видимо, Годфри и не собирался их излишне нагружать – у этих ребят была своя функция.

Наибольшую опасность, по мнению Хлои, представляла Аманда. Скорее всего, она была не одна, у неё были ещё и другие помощники – к примеру, тот же Зак. Вполне возможно, что вон тот дуболом по имени Макс, которому Годфри побоялся дать больше двух слов, тоже находился в «группе» у старшей сестры.

Впрочем, разделять всех этих людей по группам было ещё рано. Почти видимые вопросительные знаки висели над головами у младших детей и над некоторыми другими – было сложно определить по паре реплик, кто как к кому относится. Слегка разобравшись с главными действующими лицами – теми, кто был уже знаком, или проявлял неподдельный интерес, Харрис решила немного расслабиться. Запоминать всех сразу не имело никакого смысла, её задача сейчас была не в этом, главное – самочувствие Лукаса, ради которого она вообще оказалась здесь. Возможно, ей даже не придётся общаться с доброй половиной всех присутствующих – ведь её наняли не только как доктора, но, по сути, и как сиделку. Они будут проводить вместе почти весь день, а остальное время будет считаться её личным, свободным, так что...

Тем не менее, несколько раз за столом всё-таки прозвучали слащавые слова об обретении новой семьи. После окончания знакомства даже начались тосты. Хлоя старалась отказаться от вина, но её практически заставили выпить – видимо, это должно было послужить очередной проверкой. Тем не менее, Харрис виртуозно растянула пару бокалов почти на весь вечер, умудрившись совершенно не опьянеть.

Глядя на этот милый и уютный семейный праздник и припоминая свою мысленную сортировку детей Годфри по группам, Хлоя поймала себя на мысли, что не поверила бы сейчас словам Эммы. Вот честно – прямо сейчас она бы ни за что не подумала, что эти люди, вроде бы, так искренне радующиеся возвращению брата домой, могут быть выдрессированными покорными слугами собственного отца. Может, она уловила бы что-то странное во взглядах, или в беспрекословном повиновении каждому слову главы семейства – но эти люди так ловко скрывали свою внутреннюю «кухню», что, может, девушка списала бы это на разыгравшееся воображение.

Но она была в курсе происходящего, и потому старалась помнить о том, что зрение её определённо подводит. Нужно было довериться чувствам. Может быть, Лукас, как жертва несправедливого заключения, слегка преувеличивал злодеяния отца – но этот мужчина явно не был таким добрым, каким хотел ей казаться. Так что нужно держать себя в руках.

Начались весёлые истории и обычные застольные разговоры. Вечер близился к завершению. Хлоя всё чаще поглядывала на Лукаса – сначала она опасалась, что он не выдержит, или что на него плохо действуют напитки. Но Эосфор держался на удивление хорошо. И вина ему, разумеется, не давали – только какой-то фруктовый сок. Предусмотрительно. Похоже, кстати, абсолютно безопасно – слова Ребекки о соблюдении больничного режима питания наверняка подразумевали алкоголь, который могли им подсунуть.

Лукас же был рад уже этому. Он отвык от нормальной еды, и всё великолепие, что в этом доме считалось нормальным ужином, казалось ему чем-то невозможным. Стол не был заставлен с шикарным бессмысленным излишком, но всё же – больше двух блюд разом Эосфор не видел уже целый год. Пару раз он даже ущипнул себя за руку – нет, всё было правдой. Он и правда забыл о том, что подобное возможно? Похоже, так и было, раз уж даже его любимый кислый яблочно-лимонный сок казался ему слегка горьковатым. Когда-то он ему нравился,

похоже, кто-то в семье даже помнил об этом, раз уж кувшин стоял совсем рядом – для него одного.

От слегка отстранённого созерцания своего семейства и размышления о соке его отвлекла Хлоя. Она легонько толкнула Лукаса ногой под столом, заставляя посмотреть на себя. Одним взглядом спросила, как он себя чувствует – Эосфор казался слегка бледноватым. Но, вероятно, так и должно было быть – в конце концов, он столько времени не видел солнца, и вдруг оказался на фоне своих загорелых родственников. Разумеется, он и должен был казаться бледным и болезненным.

– Доктор Харрис, – вдруг обратился к ней Годфри. Хлоя вздрогнула, поднимая взгляд на своего нового, можно сказать, босса. Мужчина снисходительно усмехнулся, поглаживая седоватые ухоженные усы. – О, не пугайтесь, прошу, – по столу пронеслась волна смеха. Девушка тоже заулыбалась, стараясь упростить ситуацию. – Доктор Харрис, – снова повторил Годфри, и Хлоя поняла, что он не обращался к ней, а просто начинал что-то рассказывать, – использует необычный вид терапии. Это верно, доктор?

– Сэр, в нашем деле сложно найти что-то обычное, – отшутилась она, делая вид, что отпивает из бокала. Снова смех. – Вам стоит пояснить, что вы имеете в виду, – улыбаясь, Харрис посмотрела ему прямо в глаза. Эосфор это оценил – похоже, он до сих пор проверял её.

– Верно. Я говорю о музыке, – он постукивал пальцами по столу, будто бы стараясь отвлечь или запутать собеседника. Но Хлоя знала об этом приёме, так что сразу поняла, в чём фишка, и сконцентрировала взгляд между бровей Годфри, создавая иллюзию прямого и честного взгляда в глаза. – Когда я пришёл, у Лукаса в руках была укулеле. Это вы её принесли? – старшие братья переглянулись, усмехаясь. Харрис, чувствуя себя человеком-сканером, считывающим эмоции всех присутствующих, кивнула.

– Да, это я её принесла. Нам нужен был толчок для того, чтобы он смог пойти мне навстречу в начале терапии.

– И это помогло? – поинтересовался Эосфор-старший.

– Разумеется, сэр. Ваш сын очень музыкальный человек, язык нот даётся ему проще, чем язык собственных чувств, – ей было неприятно обсуждать Лукаса так, будто он не сидел рядом с ней и вообще отсутствовал в комнате, но деваться было некуда. Желая вовлечь его в разговор, девушка коснулась его локтя, привлекая к нему внимание. – Я считаю, что музыка – необходимая часть лечения, – её взгляд скользнул за плечо мужчине, и снова что-то кольнуло сердце. Хлоя увидела рояль – наверное, за ним Эосфор проводил немало времени, когда жил в этом доме. Годфри помолчал, размышляя над её словами.

– Сынок, – заговорил он. Лукас вздрогнул, поднимая на него глаза. Девушка почувствовала, как он затаил дыхание, будто ожидая удара. – Может быть, ты подтвердишь слова доктора? – вкрадчиво спросил мужчина. Харрис чуть закусил губу, глядя на своего подопечного.

– Что? – вместо него переспросила она, делая вид, что не понимает, о чём речь.

– Сыграй нам, – Годфри отодвинулся так, чтобы Лукас, смотрящий на него, увидел рояль. – Помню, ты любил делать это раньше.

Эосфор-младший окаменел. Он пока молчал, но Хлоя понимала, что ему хотелось сейчас накричать на отца, может быть, вырваться отсюда, убежать – единственное, что его держало, это обещание, данное ей. Это было жестокой издёвкой – но, лишившийся воли, Лукас должен был бы подчиниться.

Харрис незаметно коснулась его руки под столом и крепко её сжала. Не запястье, не локоть – нашла ладонь и стиснула её, поддерживая. Может, уже не как врач – просто как человек, сочувствующий другому. Лукас едва слышно вздохнул.

– Я давно не играл... папа, – выдал он из себя. Годфри хищно оскалился.

– Ничего, мы всё понимаем. Никто не станет над тобой смеяться, сынок, если ты где-то допустишь ошибку, – это тоже явно было каким-то болезненным напоминанием, явно не

имеющим отношения к музыке. Лукас чуть задрожал, с трудом справляясь с чувствами. Хлоя чуть придвинулась к нему, приходя на выручку, немного загораживая его собой от Годфри:

– Я могла бы помочь, – вызвалась она. Смущённо улыбнулась, поправляя свободной рукой волосы, отвлекая этим движением от другой руки, которую Эосфор сжал в ответ. – Я занималась пару лет, в юности, – пояснила она, когда на неё перевели удивлённые взгляды. – Не думаю, что кто-то сыграет хуже меня, – Харрис заулыбалась, слегка демонстративно, будто бы покровительственно погладила Лукаса по плечу. Эосфор-старший смягчился, поверив в эту уловку.

– О, конечно, доктор. Помогите, – разрешил он. Хлоя взглянула на Лукаса – он казался подавленным и напуганным, но покорно встал из-за стола, пусть и после небольшой паузы.

Они вместе подошли к инструменту. Когда на Эосфора упал свет лампы, девушка чуть нахмурилась – нет, он и правда был слишком бледным. Похоже, ему было нехорошо – он едва держался, и испытывать его сейчас подобным образом было бы жестоко, но она не могла ничего изменить. Им нужно было доказать Годфри всё, что было сказано в течение этого дня.

Хлоя села за рояль. Лукас пристроился рядом – она слегка отодвинулась, позволяя ему почувствовать инструмент, вернуться к нему физически, а не только ментально. После короткой паузы девушка чуть обернулась к присутствующим, слегка виновато улыбаясь, будто извиняясь за то, что сейчас прозвучит. Кто-то поднял вверх бокал, поддерживая её. Где-то раздался тихий вздох – Харрис показалось, что она узнала голос Ребекки.

Не обращая на это внимания, она взяла себя в руки и повернулась обратно. Прикоснулась к клавишам рояля. Только одной рукой – краем глаза заметила, как Лукас удивлённо на неё смотрит, и впервые за вечер искренне и хитро улыбнулась.

Девять нот. Она помнила, честно говоря, только эту мелодию и пару её вариаций. Старая-старая популярная песня, которую знал каждый ребёнок².

Одинокие звуки пронесли по большой столовой. Лукас всё сидел, не двигаясь – Хлоя, не останавливаясь, продолжала. Не сбавляла скорости, хоть сердце замирало – что, если он не сможет взять себя в руки? Если её методы терапии осмеют, подвергнут сомнению – страшило не это, а то, что из-за этого её могли выгнать и лишит возможности помочь Лукасу.

Она уже едва держалась, когда почувствовала рядом с собой движение. Доверилась, и не зря – Эосфор не подвёл. Собравшись с духом, он тоже опустил руки на клавиши – и то, что она пыталась изобразить из «палочек и точек», неожиданно превратилось в объёмную фигуру. В настоящую музыку. Было даже странно осознавать, что наивные попытки Хлои что-то играть приводят к такому результату.

Она повторяла мелодию снова и снова, изменяя несколько нот по памяти. Медленно, стараясь не привлекать лишнего внимания, девушка подняла взгляд на Лукаса – он был сосредоточен, напряжён. Это напряжение не покидало его тело, он даже чуть склонился над инструментом, будто опираясь на него. Хлое это не нравилось, Эосфору явно было плохо – и похоже, не только морально.

Наблюдая за ним, девушка не заметила, как Аманда, старшая сестра Лукаса, склонилась к отцу и что-то прошептала ему на ухо. И уж тем более не увидела, как Годфри усмехнулся, реагируя на её слова. Не увидела, как Ребекка, кусая губы, крепко сжала под столом руку своей старшей сестры – совсем как они с Лукасом всего лишь пару минут назад.

Наконец, мелодия кончилась. Лукас в конце немного нервно ударил по клавишам, слегка смазав звук. Раздались аплодисменты – может, это и не было очередной издёвкой, но Хлою это задело. И Эосфора наверняка тоже задело бы – но он уже едва мог реагировать на подобные раздражители. Надеясь, что он на самом деле всего лишь устал после сегодняшних событий, Харрис быстро обернулась к его семье и улыбнулась. Встретилась взглядом с Годфри, но не

---

² – песня «Heart and Soul», популярна в исполнении на рояле в четыре руки.

задержалась на нём, оглядывая всех остальных. Лукас попытался выпрямиться, но силы его постепенно оставляли, он невольно опёрся на её плечо.

– Доктор, – услышала она еле различимый шёпот у самого уха, – пожалуйста...

Очень кстати большие часы, висящие над камином, пробили десять вечера. Эта попытка продолжалась уже почти два часа – тут даже у здорового человека сдали бы нервы. Хлоя вскинула на часы удивлённый взгляд и потом печально вздохнула.

– Вот это да! – выдала она. Поняла, что слегка переигрывает, и качнула головой, будто бы стирая эту фразу. – Сэр, простите, думаю, мне придётся оставить вас, – Харрис выдавила виноватую улыбку. – Пришло время мне позаботиться о Лукасе. Он очень устал после сегодняшнего переезда, и к тому же, у нас в больнице отбой был на целый час раньше... – она почувствовала, что Эосфор уже едва сидит, цепляясь за её руку, и поспешила подняться.

– Я помогу, – вызвался чуть полноватый невысокий парень азиатской внешности. Хлоя, прогнав мысль о том, что Годфри будто бы коллекционировал детей разных национальностей, благодарно улыбнулась ему.

Этот парень, кстати говоря, понравился ей больше всех остальных старших детей. Его звали Рэй – часто поправляя очки, он действительно старательно помогал Хлое, придерживая брата, что был на голову его выше, и не позволяя ему свалиться с лестницы. Он довёл его до самой комнаты, даже помог усадить его в постель. Харрис поняла, что не ошиблась, когда он чуть склонился над Лукасом, а тот слабо улыбнулся ему, чуть растрепав дрожащими руками волосы. Хлоя впервые увидела, как Эосфора кто-то искренне обнимает – и, что самое удивительное, как он обнимает человека в ответ.

– Спасибо, малыш, – услышала она тихий хриплый голос Эосфора. Рэй улыбнулся, отстраняясь от брата. Похоже, они и правда ладили – девушка бы возмутилась, спросила бы, почему тот не попытался спасти Лукаса. Но, к сожалению, Хлоя уже была знакома с их отцом, и вопросов у неё больше не возникало.

Эосфор потянулся к стопке одежды, что лежала прямо на его кровати. Он настолько устал, что не стал даже просить девушку выйти или отвернуться – но и не просил помощи, упрямо стараясь разобраться в полутьме с хитро сложенной пижамой.

– Тебе нужна помощь? – осторожно спросила Харрис. Прежде, чем Лукас ответил, Рэй быстро взглянул на неё:

– Я помогу ему, доктор, – сказал он. – Не переживайте, – голос у парня слегка дрогнул, но вряд ли бы Хлоя даже придала этому хоть какое-то значение, если бы не была так напряжена весь день. Рэй забрал у брата футболку, и Харрис внезапно поймала себя на мысли – насколько же тяжело было действительно любить кого-то в этой семье? В любой момент можно было лишиться родного брата на целый год, и не иметь возможности ему помочь. Это должно было быть просто невыносимо, верно? Может, Рэй и притворялся, но Лукас верил в его искренность – значит, на то у него были основания.

Хлоя оставила их вдвоём лишь на минуту, чтобы и самой переодеться. Это платье казалось ей теперь неуместным, оно будто бы сдавливало её грудь – несмотря на то, что размер был подходящим. Это было что-то психологическое, но сейчас ей было некогда преодолевать отвращение к этой вещи. Так что Харрис сбегала к себе в комнату и переоделась в свой родной свитер. Он и близко не был похож на то, в чём можно было бы спать, но в нём сразу стало уютнее и потянуло отдохнуть – проигнорировав пижаму, кем-то заботливо оставленную на стуле, – этот «кто-то» был в её комнате без её ведома! – Хлоя влезла в джинсы и поспешила обратно. Эосфор к тому времени едва успел сменить одежду на мягкую пижаму – ему было трудно справиться с непослушным, тяжёлым от усталости телом. Рэй всё ещё был рядом с Лукасом – Хлоя заметила, как парень, подтягивая штаны брату, на секунду удержал его в объятиях, будто

желая что-то сказать. Но потом передумал – украдкой вытер влажные щёки, издал тихий шмыг носом. Хотел было продолжить, но Харрис остановила его:

– погоди, – Рэй вздрогнул, будто испугавшись чего-то. Похоже, он был полностью уверен в том, что Хлоя находилась на стороне его отца. Наверное, решил, что доктор сдаст его, рассказав или случайно упомянув о таких нежностях между братьями. Но девушка об этом совершенно не думала – она заметила, что повязка, наложенная ещё санитарями в больнице, немного сползла с плеча Лукаса.

– Что-то не так? – напряжённо спросил Рэй, оборачиваясь к девушке. У него слегка дрожали губы, он будто бы собирался обороняться.

– Всё в порядке. Я просто считаю, что мне стоит поменять повязку, – Харрис изобразила лёгкую улыбку. Рэй ещё секунду напряжённо смотрел на неё, а потом выдохнул и будто бы стал ниже ростом.

– Конечно. Простите, доктор, я не подумал.

– Ничего страшного, – девушка продолжала улыбаться, наблюдая за тем, как Рэй отходит в сторону, уступая ей место. – Доброй ночи, – слегка подтолкнула она его словами к двери. Эосфор кивнул, поняв её правильно, пробормотал ответное пожелание и покинул комнату.

Когда дверь за ним закрылась, Хлоя осторожно размотала повязку на укусе – удивительно, но он выглядел уже гораздо лучше.

– На мне всё быстро заживает, – Лукас нашёл в себе силы усмехнуться. Харрис улыбнулась и ему – мягче, искренне, копаясь в аптечке, которую оставили возле его кровати – там же она нашла и лекарства, о которых напредила Годфри в больнице. Видимо, об укусе им тоже сообщили – рядом с упаковками таблеток лежала коробочка с мазью. Девушка придирчиво осмотрела Эосфора, пока делала повязку – её тревожили те полчаса после приезда в особняк, что они провели порознь. Но новых следов на спине или груди у Лукаса не было, похоже, его и правда не трогали. Очаровательное пятнышко-сердечко, которое ей так запомнилось и стало неким ориентиром, не было потревожено новыми ранами.

– Как ты? – заботливо спросила Хлоя, когда он, наконец, вздохнул с облегчением и опустился на подушку. Эосфор вяло качнул головой.

– Не понимаю... что со мной, – пробормотал он, устало опуская веки и с трудом поднимая их вновь. – Всё будто... немеет, – выдох был с усилием, вызванным эмоциями. Хлое пришлось немного привстать и помочь Лукасу, когда пришло время надевать футболку – у него не получалось приложить достаточно усилий, чтобы натянуть её.

– Ты очень устал, – сказала девушка, поглаживая его по голове, согревая, давая почувствовать, что находится рядом. – Это всё стресс. Из-за переезда, таких неожиданных изменений... – она сделала небольшую паузу, – и встречи с семьёй.

– Да?... – Эосфор чуть передвинулся выше на подушке, желая, чтобы голова не запрокидывалась – чтобы Хлоя не видела подживающие порезы, напоминающие о его провале. И заодно – чтобы ему было удобнее на неё смотреть.

– Конечно, – она была удивительна, она наверняка всё видела, но молчала, не обвиняя, лишь поддерживая: – Тебе нужно поспать, и всё пройдёт. Завтра мы начнём лечение, и всё наладится. Ты привыкнешь к нормальной еде, нормальному сну. Да?

– Да... – он слегка нервно дёрнул уголками губ, – мне даже... даже показалось, что сок горчит. Кислый сок, – теперь это казалось смешным. – Наверное... наверное, просто лимон попался неудачный, горчил...

– Вот видишь, – девушка провела ладонью по здоровому плечу, снимая напряжение. Просто психологический приём, таким она пользовалась, чтобы успокаивать бездомных детей, которых должны были передать волонтерам. – Всё в порядке.

– Доктор, – Лукас смотрел на неё из-под едва приподнятых век, в полутьме комнаты, освещаемой только тусклым ночником, его глаза блестели так живо и ярко, как никогда

прежде. – Спасибо вам... – он умолк на минуту. Хлоя тоже молчала, поддерживая визуальный контакт – делая то, за что, похоже, в больнице его наказывали.

Они не слышали, как от закрытой двери тихо отстранился Захария, посланный отцом, чтобы послушать, что именно происходит в комнате Лукаса. Он бесшумно приоткрыл дверь и в комнату Харрис, собираясь, видимо, проверить её телефон – но не нашёл его там, и потопился уйти, чтобы его не застучали. Похоже, доктор и правда просто заботилась о своём пациенте – по крайней мере, ничего подозрительного он не услышал.

Именно это Зак и доложил отцу.

Лукас и Хлоя не спали ещё минут пятнадцать. Эосфора тянуло в сон, но он сопротивлялся ему, время от времени шире открывая глаза и оглядывая собственную комнату то ли полным недоверия, то ли восторженным взглядом. Ему было холодно, и Харрис старательно укрыла его одеялом. Становилось стыдно от такого внимания со стороны доктора, Лукас попытался уговорить её оставить его, пойти спать – но Хлоя отказалась.

– Как же ваша семья, доктор?.. – тихо спросил он, разглядывая девушку – приходилось чаще моргать, взгляд расплывался.

– Я сказала, что нашла работу за городом, – ответила Харрис. – Это правда, – она чуть усмехнулась, поправляя волосы.

– Вам необязательно тут оставаться, – помедлив, сказал Эосфор. – Вы не должны быть со мной круглыми сутками.

– Может, и не должна. Но я хочу, – Хлоя кивнула, подтверждая свои слова. – Тебе это нужно.

– Но не вам...

– А что мне нужно, по-твоему? – хмыкнула Харрис. Лукас неловко пожал плечами.

– Нормальная жизнь. Когда вы можете следовать за желаниями... делать что-то по собственной воле... – он покачал головой. – Не могу представить, как вы будете жить здесь...

– Меня привело сюда желание помочь тебе, – парировала Хлоя. – Я видела, как ты улыбался, когда вышел на улицу. Ты сто лет не видел солнца, верно? Зелёных деревьев, ярких цветов. Не слышал шума города. Я постараюсь устроить всё так, чтобы ты гулял хотя бы по саду. Для начала. Хорошо? – несколько секунд Эосфор молчал, глядя на неё. Потом ответил:

– Не понимаю, чем заслужил вас, доктор, – улыбка снова коснулась чуть задеревеневших губ.

– Твои мечты могут стать реальностью, – процитировала Хлоя строчку из песни, что Лукас сегодня сам играл ей на укулеле. Его улыбка превратилась в усмешку, слегка кривоватую.

– Сложно сказать, что об этом можно мечтать, – сказал он. Сглотнул, пытаясь избавиться от вновь подступившего к горлу комка. Девушка осторожно коснулась его щеки, привлекая внимание. Эосфор посмотрел на неё, и она увидела в его глазах то, что он старательно скрывал весь день до этого момента – страх.

– Тебе здесь неуютно? – спросила она. Лукас отрицательно качнул головой, пытаясь одновременно и дать ответ, и убрать руку со своей щеки. Может быть, Харрис подумала бы, что ему просто хочется спать, и он не знает, как закончить разговор, но в это мгновение она почувствовала его лёгкую дрожь. Чуть нахмурилась, понимая, что дело, скорее всего, не в ней. – Самаэль, ты можешь рассказать мне, если что-то тебя тревожит. Ты ведь знаешь, что я хочу тебе помочь.

– Я просто... – Эосфор неожиданно глубоко вздохнул, и Хлоя поняла, что он к тому же и затаил дыхание, когда она коснулась его лица. – Я давно не спал здесь по своей воле, – выговорил Лукас, опуская веки. Дрожь это никак не объяснило, и Харрис как можно мягче спросила:

– Что это значит?

Эосфор молчал. Казалось, он борется с самим собой, возможно, не желая вслух произносить то, что ему вспомнилось. Наконец, он разомкнул губы и вновь заговорил:

– Аманда, – голос слегка сорвался, и Лукас приоткрыл глаза, будто извиняясь за момент слабости. – Она колола мне снотворное.

– В больнице тебе тоже иногда кололи снотворное, – напомнила Харрис. Эосфор остановил взгляд на её лице, дёрнул уголком губ, как будто услышал что-то наивное, детское.

– Но в больнице никто после этого не прижимал к моему виску пистолет, доктор.

Хлоя замерла, услышав эти слова.

– Она... *что*?

– Пока я не усну. Я никогда не знал, проснусь на следующее утро, или нет. И она часто повторяла, что однажды придёт, чтобы всё закончить. Похоже, чтобы убить меня, – глубокий вздох. – Поэтому, когда я увидел её днём... то подумал, что она всё знает. Подумал, что она убьёт и вас тоже... – Лукас с трудом, будто вслепую, нащупал руку девушки, которую она так и не убрала, и осторожно сжал её. Потом выдохнул, опуская веки полностью и медленно проваливаясь в сон. Он уснул, чуть сжимая её руку – и Харрис медлила убирать её, боясь разбудить его. Этот кошмарный образ, что преследовал его, наверняка ждал своей минуты – если бы Хлоя нарушила тихий, мирный сон, он взял бы своё. Возможно, Эосфор не уснул бы до утра, несмотря на жуткую усталость – этого допустить было нельзя.

Она сама закрыла глаза, стараясь успокоиться и проанализировать произошедшее за сегодняшний день. Отчасти Лукас был прав – Харрис поступила довольно импульсивно, совершив прыжок в неизвестность. Но она всегда старалась делать то, что считала правильным. И сейчас разум подсказывал, что правильнее всего – находиться здесь. Защищать его от этих страшных уколов и дула пистолета – чёрт его знает, настоящего или нет. Прикрывать от семьи. Помогать восстановить – собственно, то, о чём они оба сегодня пели без слов, – душу и сердце.

Увлечённая размышлениями, девушка даже не поняла, как сама провалилась в сон, согревшись в мягком кресле возле самой кровати Эосфора.

Её разбудили первые солнечные лучи, падающие прямо на лицо. Хлоя лениво приоткрыла глаза, соображая – ей не пришлось вспоминать события прошлого дня, они и без того были свежи в её памяти. Военная привычка.

Девушка сообразила, что забыла вечером задёрнуть окно. Неудивительно, в комнате уже было темно, когда они с Лукасом пришли, и она была встревожена его состоянием – потому даже не обратила внимания на это.

Она собралась встать и задёрнуть шторы, может быть, уйти досыпать к себе в комнату, но прежде, чем сделала это – скользнула взглядом по своему подопечному и замерла. Эосфор лежал неподвижно, и легко выпустил её руку, которую до сих пор накрывал ладонью. Но он не спал.

Лукас смотрел в потолок, широко открыв глаза. Лицо его не выражало практически никаких эмоций. Харрис испуганно выдохнула, её будто окатили ледяной водой. На секунду ей показалось, что он мёртв – настолько пустыми были его глаза. Но потом Эосфор, видимо, услышав её вздох, перевёл на неё взгляд. Моргнул. По крайней мере, живой – но почему он такой? Что с ним?

– Самаэль? – чуть срывающимся спросонья голосом позвала Хлоя. – Самаэль... Что с тобой? – она прикоснулась к его руке, всё ещё холодной, начала её растирать, пытаясь тем самым скорее не согреть его, а просто растормошить. – Самаэль!

У него на глазах выступили слёзы. Хлоя остановилась, просто крепко сжала его руку. Хоть какая-то реакция, уже хорошо.

– Доктор, – разомкнув губы, тихо позвал Лукас. Девушка придвинулась ближе, чтобы расслышать его речь. Он помолчал ещё секунду, а потом сказал – даже тише, чем до этого: – я... я не чувствую ног.

– Что?.. – Харрис увидела, как он медленно опустил веки, пытаясь сморгнуть слёзы, но у него не получилось – горячие капли скатились по вискам с обеих сторон. Эосфор открыл глаза и посмотрел прямо на девушку.

– Сок, – он сглотнул. – Сок был горьким.

Хлое показалось, что и её тело тоже сковало льдом – только это был не холод, а ужас, лишивший её возможности заговорить.

Глава 4

Я вижу друзей, пожимающих руки

Хлоя могла бы это предвидеть. Не совсем это, но нечто подобное – однако она даже подумать не могла, что Годфри решится на подобный жестокий поступок. Подмешать что-то в еду родному сыну, чтобы парализовать его? Насколько безумным нужно быть, чтобы просто додуматься до такого? А чтобы сделать это?

Лукас молчал, стискивая зубы. Он не мог выразить словами свои чувства, но это было и ни к чему – Харрис и так могла представить, что он испытывал. Потерять контроль над частью тела и без того было страшно. Но осознавать, что тебя отравил собственный отец, желающий таким образом обезопасить себя – ещё страшнее.

В дверь постучали. Эосфор на стук не отреагировал, но этого от него и не стоило ждать – он был в шоке. Ему едва хватало самоконтроля, чтобы просто молчать, не выдав их тайну диким криком ужаса. Девушка сама едва справилась с тем, чтобы поднять голову и встретиться взглядом с полноватой пожилой женщиной, которая держала в руках швабру.

– Вы не против, если я тут у вас уберу? – спросила незваная гостья. Хлоя покачала головой, чувствуя, как у неё самой задеревенели мышцы.

– Позовите мистера Эосфора, – тихо сказала она. Уборщица, уже открывшая дверь шире, чтобы втащить ведро, остановилась. Бросила взгляд на неподвижного Лукаса, снова посмотрела на девушку. Хотела было что-то возразить, но Харрис не позволила ей даже открыть рта: – Позовите его сейчас же, – повторила она, добавив в голос металла. Женщина немедленно ретировалась, закрыв за собой дверь. Хлоя выдохнула: – Так, – она постаралась взять себя в руки. Доставать сейчас Лукаса ненужными репликами, пытаться утешать его было бессмысленно – он молча перегорал внутри, вмешавшись, Харрис могла лишь навредить, сделать хуже. Отчасти в произошедшем была и её вина – если бы она позволила Годфри просто перевезти сына в другую клинику, возможно, он бы не стал его травить, и всё осталось бы на своих местах. Но говорить об этом было бессмысленно, нужно было действовать.

Хлоя снова взяла в руки аптечку, которую отложила прошлым вечером подальше, чтобы никто из них случайно во сне её не уронил. Покопавшись, девушка нашла шприц – конечно, это было не совсем то, что нужно, но делать было нечего, он ей всё-таки пригодится. Спрятав его в карман халата, Харрис вложила в ладонь Лукасу ампулу – лёгкое успокоительное. Что-то серьёзнее Хлоя давать не рискнула, потому что понятия не имела, чем его отравили. Отравили ли вообще? Ведь руки у него, вроде бы, двигались хорошо; впрочем, она в любом случае могла сделать лишь хуже. Но ей нужно было обосновать пропавший шприц, и к тому же – не допустить нервного срыва у Эосфора.

– Что?... – Харрис сильно, почти до боли сжав плечи, заставила его вздрогнуть, слегка вынырнуть из этого болезненного транса, в который Лукас медленно погружался, пытаясь осознать и принять случившееся. – Доктор...

– Тише, – Хлоя продолжала крепко держать его за плечи, напоминая, что она всё ещё рядом. – Тише. Выпей это, – девушка кивнула на ампулу. Нужно было успокоить его и заодно – проверить, настолько ли подвижны его руки, как ей показалось. В голове снова созрел план – и хоть Харрис понятия не имела, что ей делать после того, как она совершит задуманное, она была уверена, что поступит правильно. Ей всего лишь нужно было вырваться из этого дома и попросить Эмму проверить, чем отравили Лукаса. Маловероятно, что у него отнялись ноги просто так – но девушка должна была знать наверняка. Каждое доказательство того, в чём был виновен Годфри, могло им помочь.

И в конце концов, может быть, ей удастся найти способ спасти Лукаса. Что, если этот яд, или что там, можно как-то нейтрализовать? Или есть возможность вернуть чувствительность, если провести какое-то лечение, или...

Она сама толком не знала, что «или».

Хлоя понятия не имела, как вынесла первую половину дня. Годфри, узнав о случившемся, изобразил настолько искренний шок, что девушке захотелось врезать ему по лицу прямо так, не дожидаясь каких-то там экспертиз, доказывающих, что он безумец. Очень быстро приехал какой-то врач – Харрис даже не смогла точно установить, на чём именно специализировался мужчина. Она бы даже подумала, что ни на чём – уж слишком странно он вёл себя, пока осматривал Лукаса. Хлоя примерно представляла, что конкретно он должен спрашивать и какие исследования провести, чтобы установить причину проблемы. Но врач едва ли взглянул на Эосфора-младшего, и тем более не стал серьёзно разговаривать с ним. Ощупал ноги, интересуясь, чувствует ли тот его прикосновения, получил отрицательный ответ, и отстранился, с умным видом поправляя очки на носу.

– Полагаю, – сказал он, – нужно комплексное обследование, чтобы установить точную причину состояния молодого человека.

Хлоя едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Разумеется. Сейчас он потребует сделать то, что сделать не представляется возможным – вывезти Лукаса из дома. И как они собираются ей это объяснить?..

– Но ведь он сможет ходить? – почти со слезами в голосе спросил Годфри. Врач пожевал губами, качая головой. Эосфор глубоко вздохнул, траурно опуская глаза.

– Я бы советовал пройти обследование в клинике, – протянул доктор. Ожидаемо. Он окинул взглядом Лукаса, потом Хлою. – Но, вижу, душевное состояние пациента не позволяет вам вывезти его из дома, верно?

– Верно, – печально подтвердил Годфри. Прежде, чем Харрис задала бы справедливый вопрос – откуда ему известно, кто она такая? – Эосфор-старший ухватил доктора за руку, благодарно пожимая её, и увёл мужчину подальше от Хлои. Девушка сочувственно кивнула ему и присела рядом с Лукасом, заканчивая этот извращённый спектакль. Она слышала, как доктор продолжает что-то говорить за дверью про психосматику и прочие возможные причины столь внезапного отказа конечностей – но его болтовня сейчас была неважной. Годфри в любом случае придумает, что ей сказать. Может, свалит вину на плохое лечение в психбольнице, может, на старые травмы, или на что-то ещё... Главное, что она знала правду – он сделал это со своим сыном собственными руками.

Харрис находилась здесь менее суток и точно не была уверена в том, что Эосфор-старший полностью ей доверяет. Возможно, это – очередной тест. Если она обманывает его – сбежит ли, испугавшись, что он и с ней сделает что-то подобное? А если действительно наивная дурочка – не станет ли копать под него?

В любом случае, это было показателем, причиной постоянно быть настороже.

– Как ты? – шёпотом спросила Хлоя, когда дверь за отцом Лукаса закрылась. Эосфор судорожно вздохнул. – Понимаю... Боже, Самаэль, мне так жаль, если бы я только знала, что он сделает с тобой, я бы...

– В этом нет вашей вины, доктор, – Хлоя заметила, как он неосознанно ощупывает свои бёдра, скользит руками к коленям, не дотягивается, но пытается почёсывать или щипать кожу, думая, видимо, что она этого не видит. Ему отчаянно хотелось почувствовать часть своего собственного тела, ощутить хоть что-то, хоть крошечную надежду на то, что когда-нибудь у него получится вновь встать на ноги. – Я сам... не думал, что он пойдёт на это, – тихая речь прервалась, Харрис заметила, как он широко распахнул глаза, глядя на что-то позади неё. Хлоя обернулась – и у неё в горле застрял комок.

Зак, сочувственно улыбающийся и ей, и своему брату, придерживал дверь, стараясь осторожно вкатить в комнату новенькую инвалидную коляску. Её просто невозможно было достать за такой короткий срок, и тем более – доставить в этот дом. Годфри заранее готовился к тому, что сделает со своим сыном, может быть, он всё решил ещё тогда, когда Хлоя уговорила его забрать Лукаса домой, а не отправлять в другую психушку. Может, даже раньше. Боже, как же это было жестоко!

– Нет, – замотал головой Эосфор, когда брат приблизился, собираясь помочь ему впервые перебраться в кресло. Перевёл взгляд, полный ужаса, на Хлою. – Я не могу...

– Братишка, тебе ведь нужен свежий воздух, – уж слишком заботливо протянул Зак. Коснулся руки Харрис, привлекая её внимание к себе: – Верно, доктор? Мы можем вывезти Лукаса в сад, когда ему станет лучше.

– Верно, – ответила Хлоя, чудом удержавшая ровный тон.

– Вот видишь! – воодушевился Зак, поддерживая Лукаса под лопатками и практически заставляя его сесть и чуть сползти с кровати. Хлоя помогла ему, несмотря на то, что на самом деле была категорически против происходящего. Сразу же указать Лукасу на его беспомощность, на место, которое он должен занимать в этом доме... Это едва ли было лучше, чем постоянно держать его на привязи в психбольнице. Харрис действительно ощущала вину за происходящее. Если бы не она со своими попытками помочь... Впрочем, что было бы тогда? Эосфор бы всё равно скоро погиб: неважно, успел бы он убить себя физически, или же просто стал растением под действием назначенных ему препаратов. Вполне возможно, то, что происходило сейчас, не было худшим вариантом развития событий. Он всё ещё жив.

Лукас хрипло выдохнул, когда коснулся спиной инвалидного кресла. Хлоя видела, как он невольно чуть выгнулся вперёд, словно пытался избавиться от контакта с коляской, стремился встать, вырваться – но у него не получалось. Эосфор тоже это понял, опустил веки, вся его фигура как-то неуловимо ослабла, обмякла, и он позволил брату подтянуть себя, заставить плотно прижаться к спинке кресла. Опустил руки, наткнулся ими на колёса – закусил губу, как будто ему хотелось застонать от боли. Харрис почувствовала – ему нужен перерыв. Зак, видимо, тоже это почувствовал – сразу же после этого он ушёл. Наступила тишина, девушка бросила взгляд на часы – только к концу первой половины дня их оставили в покое. Дальше легче не будет, так что им обоим стоит передохнуть, пока есть время.

Хлое пришлось спрятать лекарства, которые Лукас должен был принять. Она выдала ему только лёгкие поддерживающие препараты. Но Годфри мог проверять аптечку, и наверняка заинтересовался бы тем, что количество таблеток не уменьшалось, так что Харрис решила следить за этим. Эосфор-младший держался на удивление хорошо – ни разу не сорвался на членах семьи, которые то и дело финальными аккордами заходили, чтобы спросить, как он себя чувствует, или поинтересоваться, не нужно ли что-нибудь Хлое.

Но вот бесконечные вопросы прекратились, всё снова более-менее стихло – и они остались наедине. Лукас молчал, глядя на последние вещи, что принесли его братья, затеявшие «оживление» его комнаты – две гитары, с которыми у него, видимо, были связаны какие-то воспоминания. Хлоя не была уверена, но ей казалось, что одну из них она видела на той самой фотографии, из-за которой решила принести ему укулеле в больницу.

– Мы должны заняться терапией, да? – спросил он, наконец. Голос был странным – будто бы что-то сдавливало его горло, мешая говорить.

– Да, должны, – ответила Харрис. Эосфор, неловко толкнув коляску, которой едва научился управлять, подъехал к гитарам. Девушка поспешила остановить разогнавшееся кресло, спасая его от возможной «аварии». – Подожди, – она чуть развернула коляску и присела перед Лукасом на корточки, посмотрела на него снизу-вверх. – Постой. Тебе не нужно заставлять себя заниматься этим.

– Мы должны убедить отца, – Хлоя почти что видела, как он машет воображаемой лопатой, закапывая свои чувства во всё более глубокую яму, – что вы работаете со мной.

– Каким бы монстром он ни был, – шепнула Харрис, подумав, что их могут подслушивать, – он понимает, что это серьёзная психологическая травма. Мы не можем брэнчать весёлые песенки через несколько часов после того, как ты лишился ног. Это тоже неправдоподобно.

– Я не буду играть весёлые песенки, – ответил Эосфор, изворачиваясь-таки и всё же хватая одну из гитар. Хлоя перехватила его руки, не давая ему прижать к себе инструмент, попытаться устроиться с ним в кресле. Лукас впервые за весь разговор посмотрел ей в глаза. Девушка ощутила его дрожь, и медленно, осторожно забрала гитару из его рук.

– Терапия – не шоу, Самаэль, – тихо сказала она, отставляя инструмент и возвращая своё тепло Эосфору. – Она не должна быть полностью ложной. Я хочу тебе помочь с этим справиться. Прошу, не пытайся пережить случившееся в одиночку. Не забывай, что я рядом.

– Мне... не нужно это обсуждать, – чуть запнувшись, солгал Лукас. Харрис опять уловила это напряжение, с которым Эосфор пытался говорить неправду. Он снова ломал себя, чтобы не причинить ей вреда. Он тоже понимал, что, если сорвётся сейчас – может начать кричать от разъедающей внутренности боли. А её неспособность помочь ему, остановить взрыв, сделает невозможным дальнейшее присутствие девушки в этом доме. Хорошо ещё, если она уйдёт живой и здоровой... Вот только Лукас останется здесь совсем один.

Возможно, он делал это и для себя тоже.

– В природе людей – избегать беседы тогда, когда они больше всего в ней нуждаются, – сказала Хлоя. – Когда им особенно больно. Самаэль, – она заглянула ему в лицо, – прошу, поговори со мной. Тебе это нужно, – Харрис увидела, как он, с трудом сдерживая слёзы, качает головой. – Ладно. Хорошо, я подожду. Я могу ждать сколько угодно, – девушка отстранилась, поднялась, собралась отойти – и почувствовала, как Эосфор хватается её за руку и удерживает рядом с собой.

– Д-доктор... – услышала она сдавленный шёпот. Вздохнула, быстро склоняясь над Лукасом и крепко его обнимая. Эосфор, зажмурившись, прижался к ней в ответ. Может, он был пока не готов к разговору, и она зря настаивала – но вот терапия по принципу Эммы, едва ли закончившей пару семестров вместе с Харрис, помогла, практически, как и всегда. Хлоя часто недооценивала метод слегка навязчивой подруги, и только сейчас поняла, насколько на самом деле могут быть необходимы простые искренние объятия.

Харрис услышала судорожное дыхание, похожее на всхлипы. Поняла, что Лукас не выдержал – и притихла, давая ему выплеснуть все чувства. Просто осталась рядом, поглаживала по голове, иногда напоминая парой тёплых слов, что слышит его и сочувствует ему. Подумала достать платок, даже потянулась к карману – но Эосфор вздрогнул и отстранился, видимо, подумав, что Хлоя вырывается. Тогда девушка увидела его лицо – он не плакал, а судорожно пытался запихнуть чувства поглубже, чтобы суметь продолжить их общее дело. Его губы слегка дрожали, глаза были сухими, но в них явно читалось отчаяние. Секунду Лукас смотрел на девушку почти умоляюще, даже невольно подался вперёд, остро нуждаясь в чужом тепле – но потом быстро опустил взгляд, закусил губу. Видимо, подумал, что не вправе требовать её *настоящей* помощи.

– Простите... – снова воображаемая лопата и яма, но теперь он в растерянности стоял у самого её края, не видя дна. – Простите, доктор, я...

– Тебе хочется тепла, Самаэль, – Харрис коснулась его руки. Не стала ни поглаживать, ни сжимать, просто оставила, как есть, продолжая прикосновение. – И ты ни с кем не разговаривал по-настоящему уже целый год. Я помогу тебе, помогу во всём, в чём смогу. Обещаю.

– Нет, вы не должны, – он сглотнул, останавливая, почти физически отталкивая свои мысли. – Нам не стоит...

– Самаэль, ты делаешь то же самое, что сделали с тобой в психбольнице. Ты оставляешь и себя, и меня без общения. Хочешь, чтобы я смотрела на то, как ты тонешь в своей боли? – Хлоя дотронулась и до второй руки, повторила то же, что сделала сегодня утром – медленно начала растирать их, действительно пытаясь дать ему больше тепла. Лукаса снова морозило, ему нужна была поддержка. И он ослабел, как сломанный подтаявший снеговик, вновь потянулся к ней – Харрис обняла его, мягко, стараясь не давить на спину, где любое прикосновение могло отзываться болью.

В дверь коротко постучали. Лукас этого, похоже, не услышал, а если и услышал – не смог справиться с собой и отстраниться от Хлои. Ответа от них не последовало, поэтому кто-то, кто был в коридоре, всё-таки решился и осторожно приоткрыл дверь. Харрис подняла глаза и встретилась взглядом с той самой девочкой, что забрала прошлым вечером у неё Ребекку. Джорджина уже открыла рот, собираясь, видимо, что-то сказать, но вдруг поняла, что именно видит, и неожиданно смутилась.

– Простите, – тут же сказала она. – Мы просто... у нас с мелкими сейчас полдник, и мы ничего ещё не ели. Я подумала, что стоит вас позвать, – она перевела взгляд с Хлои на своего брата. Харрис осторожно коснулась-таки его спины, будто бы закрывая от взора сестры – хоть выглядело это наверняка смешно, Лукас был намного выше, чем она, и даже пока он был настолько худой, полностью спрятать его в своих объятиях она не могла.

– Мы скоро будем, – пообещала Хлоя. Джорджина закусила губу, о чём-то думая.

– Я могла бы принести вам еду. Думаю, вам будет тяжело спускаться в столовую...

– Мы скоро будем, – повторил её слова Лукас. Голос у него дрожал едва заметно – что ж, Харрис гордилась собой, потому что, по сути, уже к обеду Эосфор смог найти в себе силы продолжить их общее дело. Джорджина, услышав голос брата, отступила назад.

– Когда надумаете, позовите меня, я вам помогу, – сказала она напоследок уже из-за двери.

Ещё с полминуты они просидели так, а потом Лукас, видимо, справившись с собой, отстранился от Хлои. Медленно, пряча глаза, будто боясь, что может сорваться, если увидит сочувствующий взгляд девушки.

– Тебе необязательно спускаться, – напомнила Харрис. – Если ты не хочешь... Ты готов к этому? – Эосфор криво усмехнулся, когда услышал эти слова.

– Я готовился к этому целый год, доктор, – ответил он, опуская руки на колёса. – Всё в порядке.

Хоть это была явная ложь, Хлоя была вынуждена помочь своему подопечному справиться с дверью и тормозом на коляске.

Джорджина их не подвела. Харрис, честно говоря, не ожидала получить от кого-то в этом доме настоящую помощь в уходе за Лукасом, но его младшая сестра не нарушила обещания и помогла ей спустить его на первый этаж. По главной, широкой лестнице, где сбоку был незамеченный вчера пандус – очевидно, что для детских колясок, но Хлое он пришёлся как раз кстати. Спускаться в инвалидном кресле можно было, при определённой сноровке, и по ступенькам, а вот затаскивать не маленького Эосфора в нём же наверх – едва ли было под силу хрупкой девушке. Радоваться здесь было, на самом деле, особо нечему, но Харрис это отчего-то воодушевило – с улицей, первым пунктом в возвращении Лукаса к нормальной жизни, их разделяло гораздо меньше препятствий, чем казалось на первый взгляд.

На этот раз в столовой было не таклюдно. За столом сидели трое – из них всех по имени она смогла вспомнить только младшую девочку, Ребекку. Двое поваров, слегка расслабившихся после вчерашнего, почти синхронно обернулись к ним с Лукасом, когда они вошли в помещение. Секунду подумали, потом один толкнул другого локтем, что-то шепнул на ухо, и оба поспешили в сторону кухни.

– Устраивайтесь, доктор, – сказала Джорджина, чуть подталкивая коляску брата и заставляя Хлою податься вслед за ней. – Так, как вам будет удобно. Еду скоро принесут.

– Спасибо, – поблагодарила Харрис. Взглянула на Эосфора, надеясь понять, хочет ли он приблизиться к своим младшим братьям и сёстрам. Напряжения в его позе вроде бы не было, так что она решилась – подкатила коляску совсем близко и убрала один из стульев, чтобы устроить Лукаса поудобнее рядом с собой.

Однако приём пищи прошёл в полной тишине. Похоже, Эосфор был не так уж и спокоен, как Хлое показалось – а может, просто не знал, как начать разговор. Ребекка, что сидела напротив, смотрела на него во все глаза, иногда забывая жевать то, что было во рту. Похоже, ей тоже хотелось поговорить с братом, но она побаивалась его возможной реакции. Она же первой и закончила есть – огляделась, будто удивляясь этому факту, и осталась сидеть на месте, поглядывая то на Харрис, то на Лукаса. Отвлеклась только тогда, когда за её плечом почти что материализовалась всё та же уже знакомая Хлое женщина, которая заглянула к ним сегодня утром с предложением убираться в комнате. Уборщица – а ещё, видимо, по совместительству и кухарка-посудомойка, – забрала у Ребекки посуду, и прикрываться девочке сразу стало нечем. Растерянная, она встала из-за стола, огляделась и тихонько куда-то ушла. Хлоя за ней, честно говоря, не следила – лишь спустя пару минут, когда услышала робкие тихие звуки рояля, поняла, что младшая сестрёнка Лукаса всё-таки никуда не делась.

Эосфор вздрогнул, когда услышал тихую прерывающуюся мелодию. Харрис не знала, какие отношения были у него с Ребеккой раньше, и не могла судить о том, что вызвало такую его реакцию – напоминание о музыке или что-то иное.

– Приятного аппетита, – бодро раздалось позади в тот же самый момент. Тихая музыка смолкла, Лукас, за которым Хлоя наблюдала, застыл, прекратив не то, что жевать, а даже, кажется, дышать. Но ответить кому-то из них было нужно, так что она собралась, заставила себя натянуть вежливую улыбку и обернуться к говорящему.

– Спасибо, мистер Эосфор, – ответила она. Подтянулся и нестройный хор голосов младших детей. Годфри окинул их взглядом, будто пересчитывая, и чуть нахмурился.

– Почему вы здесь, доктор? – спросил он. Девушка моргнула, на секунду растерявшись, но Эосфор продолжил: – Неужели, никого не нашлось, чтобы принести вам завтрак? – Харрис краем глаза заметила, как Джорджина, что сидела напротив неё, напряглась, готовая защищаться. Что ж, нужно было заслужить уважение этой девочки, хотя бы его – говорить в этом доме о доверии было довольно сложно, и она в свои шестнадцать лет наверняка это понимала.

Так что Хлоя поспешила вступить за неё:

– Не волнуйтесь, сэр, мы сами хотели спуститься вниз, – Годфри, уже выбравший себе жертву, вздрогнул и перевёл взгляд на девушку. Приподнял брови. – Да, всё в порядке. На лестнице был пандус, никаких проблем не возникло, всё отлично. Мы всё же не изгои, чтобы запирались в комнате, – Эосфор-старший заметно смягчился, услышав эти слова. Хмыкнул, чуть опустил подбородок, показывая, что принял такой ответ. Девушка услышала, как Джорджина тихо выдохнула – и она была уверена, что ей не показалось.

– Мисс Харрис, можно вас на пару слов? – намного мягче сказал он, отводя взгляд от дочери. Хлоя немедленно встала – торопясь, чуть задела коляску, и Лукас сразу же вцепился в колёса, боясь, что куда-нибудь уедет. Впрочем, кресло было на тормозе, и когда он это понял, то выдохнул и чуть виновато взглянул на девушку. Харрис утешающе коснулась его плеча и всё же отошла от стола.

– Рикки, покатай его, – раздался сзади голос Джорджины. – Доктору сейчас некогда, – Хлоя не стала смотреть, кто из двух младших братьев встал из-за стола и подошёл к Лукасу после этих слов, ей сейчас действительно было не до того.

Годфри отступил в коридор, жестом приглашая Харрис последовать за ним. Всё-таки бросив взгляд на своего подопечного, над плечом которого уже склонился какой-то мальчик,

девушка всё-таки покинула столовую. Эосфору-старшему это её сомнение понравилось – подтверждением тому была довольная усмешка.

– О чём вы хотели со мной поговорить? – поторопила его Хлоя, усиливая эффект. Годфри склонил голову набок, вновь одобряя её поведение – стремление скорее вернуться к своему подопечному.

– Я хотел пояснить вам происходящее, доктор. Вас могло напугать количество проблем, имеющихся у моего сына... и их внезапное проявление.

– В моей сфере довольно часто проблемы проявляются внезапно, сэр.

– Хм, – Эосфор улыбнулся намного теплее, чем Харрис могла бы представить, – я представляю себе. Но вы не могли не удивиться тому, что произошло с ним сегодня утром... И, думаю, целесообразно будет сообщить вам причину произошедшего.

– Какую причину? – Хлоя приподняла брови. Ей было действительно интересно, что мог выдумать Годфри, и как он собирался это объяснять. Врач, который осматривал Лукаса утром, исчез почти сразу, она даже не видела, как он уезжал. И это, в общем-то, ставила себе в заслугу – вот так должен был работать настоящий медик. Не отвлекаясь на кошелёк отца своего пациента и посвящая больному своё внимание целиком и полностью. Насколько она помнила, никакого внятного диагноза не было названо, по крайней мере, при ней.

– С Лукасом такое уже случалось, – понизив голос, почти доверительно сообщил ей мужчина. Вот тут Харрис слегка растерялась – такого поворота событий она точно не ожидала. Эосфор, приняв её растерянность за удивление, продолжил: – Ему было одиннадцать лет. Тогда Лукас пережил... – лицо его внезапно болезненно потемнело, девушка даже вздрогнула – это была настоящая боль. Неужели, он говорил правду? – Серьёзную психологическую травму, – наконец, нашёлся мужчина. – У него было что-то вроде единичного эпилептического припадка, или... – вздох был таким родительским, полным сожаления, что в это было сложно поверить.

– Сильная истерика? – предположила Хлоя. Годфри кивнул – и настолько серьёзно, что Харрис стало не по себе. Она почувствовала – тут не было ни слова лжи. Может ли быть, что ноги у его сына действительно отнялись после всех тех потрясений, что он пережил за последнее время?

– Он не мог ходить несколько недель. Я не предполагал, что возвращение домой может стать для него настолько серьёзным стрессом, доктор. Тем не менее, надеюсь, вы войдёте в наше положение и не откажетесь от предложенной вам работы, – вот тут голос его стал вкрадчивым, Харрис даже не поняла, какого ответа он ожидал на самом деле. Впрочем, отказываться от своих попыток помочь Лукасу она не собиралась.

– Конечно, нет, сэр. Всё будет в порядке. Я сталкивалась с подобными случаями, – хотя, конечно, ноги у её подопечных не отнимались, но с истерической слепотой Хлоя имела дело во время службы. Могло ли это случиться и с Лукасом? – Я постараюсь сделать всё, чтобы помочь вашему сыну и вашей семье. Процесс восстановления может быть долгим, но я сделаю всё, что будет от меня зависеть.

Годфри чуть прищурился, запоздало приподнял уголки губ. Кивнул.

– Отлично, доктор. Мы на вас надеемся. Если вам потребуется наша помощь, обращайтесь ко мне или к кому-то из старших, кто будет дома. В любое время.

– Спасибо, сэр, – Эосфор чуть пожал на прощание её руку, самые кончики пальцев, одарил ещё одной задумчивой улыбкой.

– Удачи вам, доктор, – прибавил он. Отвернулся и зашагал по коридору в сторону входной двери.

– Хорошего дня, – сказала ему вслед Харрис. Потом, памятуя о том, что за ней могут наблюдать из любого угла, тоже развернулась и направилась обратно в столовую.

Она успела как раз вовремя, чтобы застать настоящую аварию. Тем Рикки, которого Джорджина позвала, чтобы помочь Лукасу с коляской, оказался мальчик, весьма крупный для своих лет – как Хлоя помнила, Годфри говорил, ему было четырнадцать. Рикку определённо было не особо интересно следить за братом, который вроде как никуда не собирался убегать, и он увлёкся чем-то в своём телефоне – судя по звукам, которые доносились с его стороны, это был какой-то спортивный матч, или похожая мобильная игра. Лукас же, которому определённо надоело сидеть и ждать, решил, видимо, продолжить осваиваться с коляской – и, разобравшись с тормозом, направился в сторону рояля, где всё ещё находилась малышка Ребекка. Харрис вошла именно в тот момент, когда Эосфор, не рассчитав, затормозил об инструмент.

Рояль недовольно загудел.

– Рик! – возмущённо воскликнула Джорджина. Хлоя не стала оборачиваться на неё, лишь ускорила шаг, торопясь к Лукасу. Оказалась рядом за считанные секунды – присела, потянулась было к тормозу, но Эосфор уже успел им воспользоваться. Получилось так, что она коснулась его руки – потом они встретились взглядом.

– Ты в порядке? – спросила Хлоя. Лукас кивнул. – Точно?

– Почти успел, – тихо сказал он и неожиданно улыбнулся. Левой его руки коснулась Ребекка, которая, что удивительно, не отскочила от рояля, выбрав остаться рядом с братом. Эосфор взглянул на сестру, подумал несколько секунд, а потом осторожно приобнял её. Ребекка была напряжена, и Лукас быстро отпустил девочку. Прокашлялся. Опустил руки на клавиши, сделал едва заметное движение головой, приглашая сестрёнку поиграть с ним.

Ребекка, помедлив, всё-таки решилась и осталась за роялем.

Харрис оставила их в покое. Когда Джорджина сделала невнимательному Рикку выговор, девушка попросила её принести документы из комнаты, которые ей нужно было разобрать. Девочка не отказала в помощи и тут – спустя пару минут все бумаги были перед Хлоей на столе. Девушка занялась ими, периодически поглядывая на Лукаса, который вполголоса что-то объяснял сестре. Из того, что она слышала, Харрис пока ничего не напрягло – Эосфор старательно запинался, кое-где делал ошибки, паузы, и ни о чём таком личном они с Ребеккой не беседовали. Только о музыке. Впрочем, похоже, малышке этого было пока достаточно – она была рада уже тому, что брат снова сидит рядом и просто помнит, как её зовут.

Однако долго эта их идиллия не продлилась. Хлоя успела перебрать и рассортировать документы, и уже перебралась поближе к роялю, когда в помещение вошла Аманда – настроенная явно недружелюбно, серьёзная, хмурая. Окинув взглядом всех присутствующих, она нахмурилась ещё больше – что-то явно было ей не по душе. Харрис напряглась, бросила тревожный взгляд на Лукаса, который едва заметно улыбался, объясняя что-то Ребекке. Слить все свои тайны дрессированному псу Годфри Хлое бы не хотелось – этой девушке она не доверяла от слова совсем. Зато верила словам Эосфора-младшего, который вскользь упомянул только об одном виде пыток, которым подвергала его сестра.

Приветствия не последовало:

– Доктор, – приблизившись к ним, Аманда чуть поморщилась, неизвестно от чего, – вам, очевидно, неизвестен наш распорядок?

– Мистер Эосфор не ставил мне жестких рамок, – немедленно отреагировала Хлоя, выпрямляясь. Аманда скользнула по ней взглядом, потом перевела его на Ребекку, которая показалась ещё меньше, чем была на самом деле – девочка сжалась, испугавшись гнева сестры-надзирательницы.

– Отец торопился. Вероятно, он забыл сказать, что у всех в этом доме есть обязанности, – девушка сверкнула глазами, оборачиваясь к Рикку, Джорджине и ещё одному парню постарше, который всё это время ни с кем не контактировал, отпуская едва слышные комментарии себе под нос. – И обязанность младших – учиться, – Аманда вновь повернулась к Хлое. – Полагаю,

на сегодня уроков музыки достаточно, – игнорируя присутствие Лукаса, объявила она. Ребекка торопливо спрыгнула со стула, который подтащила, чтобы доставать до клавиш, и куда-то побежала. Старшие дети тоже зашевелились – Рик, которому вряд ли учёба была в радость, встал с глубоким вздохом, а Джорджина – даже слишком спокойно, преувеличенно расслаблено.

– У нас с Ноа всё готово, – заявила она, скрестив руки на груди. Хлоя даже затаила дыхание, ожидая реакцию её старшей сестры: противостоять Заку, казалось, было намного проще, чем рискнуть возразить Аманде.

– Значит, найдите себе занятие, и не слоняйтесь тут, – не отступила та. Джорджина бросила взгляд на Лукаса, которого Аманда старательно игнорировала. Эосфор как раз подтягивал рукава слишком свободной ему кофты, и у девочки мигом возникла идея:

– Мы можем помочь доктору перебрать вещи. Лукасу слишком велико то, что мы нашли вчера.

Аманда едва слышно фыркнула. Смерила взглядом Харрис – по её глазам сложно было сказать, что она хотела выразить этим, – а потом пожала плечами.

– Переберите. Обед не будет, найдите, чем перекусить. Ужин в шесть, всем быть вовремя, – Хлоя отлично помнила такую манеру разговора – впрочем, ей показалось, что даже во время службы с ней разговаривали гораздо мягче. По крайней мере, от человека, отдающего приказ, обычно не исходило столько опасности, и ни у кого не появлялось иррационального желания коснуться его кончиком пальца, чтобы проверить, не раскалён ли он. Аманде явно не понравилось то, что девушка продолжила смотреть ей в глаза – она уже собиралась уйти, но поняла, что Харрис не отведёт взгляд первой. И даже притормозила, не желая проигрывать в упрямстве.

– Пойдёмте, доктор, – дёрнув девушку за рукав, позвала Джорджина. Хлоя, не разрывая зрительного контакта с Амандой, подошла к коляске Лукаса и сняла её с тормоза. Стоять и продолжать смотреть друг на друга было бы бесполезно, да к тому же – могло спровоцировать ненужный конфликт, так что девушка просто перевела взгляд на своего подопечного, всем своим видом показывая, что заботится о нём, а не уступает Аманде победу в импровизированной борьбе.

– Пойдём, – согласилась она, отступая назад, чтобы иметь место на манёвр с креслом.

Следующие полтора часа они потратили на перебирание вещей Лукаса. На самом деле, их было не так уж и много, видимо, большую часть он перевёз в свою квартиру над клубом, когда съехал от семьи. Проблема скорее была в том, что Эосфор ослабел и похудел в больнице – ему было тяжело справиться с верхней одеждой, просто надеть её, особенно если та имела длинные рукава. Трудно было и найти что-то, в чём Лукас бы не тонул. Выглядел он довольно жалко, и Хлое это не нравилось – она не хотела, чтобы он даже визуально был похож на лёгкую жертву. Да, немного беспомощности и слабости в образе потерявшего память покорного сына им бы не помешало, но это было уже слишком.

Пару раз Эосфор едва не свалился со своего кресла, стараясь поскорее надеть футболку. Потом они решили пересадить его на кровать, с которой упасть было гораздо труднее – но тогда обнаружилась новая проблема. Больше ничто не скрывало его изуродованную спину – и когда он потянулся за пижамой, его младший брат это заметил. Лукас не дотягивался, и поднял на него глаза, собираясь, видимо, попросить помочь. Они встретились взглядами – Ноа скривился и шагнул назад, потом демонстративно отвернулся. Хлоя почувствовала, что Эосфора это задело – стараясь сгладить момент, она сама быстро заняла место парня и протянула Лукасу одежду. Он, тем не менее, всё ещё смотрел на своего брата – Харрис коснулась его плеча, но Эосфор не отреагировал. Тогда она мягко дотронулась до его щетинистого подбородка, наклонилась, заглядывая в глаза и заставляя его сделать то же самое. Лукас выдохнул, увидев её лицо перед собой. Потом качнул головой, освобождаясь от рук девушки, и забрал у неё пижаму.

Проблему со штанами они решили отложить на потом. Хлоя видела, что Эосфор уже не выдерживает, его руки начинали дрожать, и явно не только от усталости. Его очевидно унижало то, что он вынужден принимать помощь даже в том, чтобы банально одеться – так что, отобрав две-три пары штанов, Харрис быстро свернула эту деятельность. Им ещё нужно было вынести ужин и вечер в обществе семейства, и её подопечному необходимы были хоть какие-то резервы душевных сил. Да и ей тоже – она старалась никогда никому не желать зла, но поведение младшего брата Лукаса её раздражало. Ноа был довольно взрослым для того, чтобы понимать, что происходило в его семье. И тем не менее, никакой жалости к своему брату не проявлял – более того, явно выражал отвращение ко всему, что происходило в этой комнате. Джорджина, однако, была полной его противоположностью – ни разу ещё за всё их короткое знакомство девушка не слышала от неё чего-нибудь унижительного в адрес Лукаса. Это, конечно, не означало, что девочке стоит сразу безоговорочно доверять – но она Хлое нравилась гораздо больше, чем её близнец.

Несмотря на то, что Харрис надеялась на небольшой перерыв, отдохнуть им толком не дали. Заглянул Рэй, попросил разобраться ещё с одной порцией документов – теперь уже касающихся самой Хлои и её перехода на новую работу. Лукаса девушка оставить не могла, и хоть он отказывался от её помощи, будто разогнался на велосипеде и боялся тормозить, чтобы не навернуться, она всё ещё оставалась рядом. Едва решалась одна проблема, тут же находилась другая, и в итоге, всё время до ужина они провели в заботах о том, чтобы устроить свою будущую жизнь в этом доме.

Сам ужин... что же, это было ещё одно испытание на прочность – и Хлоя, честно, порой замирала, ожидая, что их прикрытие будет разрушено.

Но Эосфор справлялся. Он старался не шевелиться лишний раз, внешне был почти расслаблен – но Харрис понимала, каким было его внутреннее напряжение.

К ней пристала с расспросами сестра Лукаса. Та самая Моника, которую Хлоя для ясности сама себе назвала моделью. Сейчас, разговаривая с ней напрямую, без Годфри, Харрис чувствовала переизбыток сахара в голосе девушки. Она старалась казаться уж слишком заботливой сестрой – если Джорджине, с которой сейчас Хлоя невольно сравнивала всех остальных родственников Лукаса, хотелось поверить, то Монике явно кто-то поручил расспрашивать девушку обо всём, что они сделали за день. Харрис осторожно «выруливала» из этой беседы. Её снова раздражало то, что все говорили о Лукасе так, словно его здесь не было – это продолжалось уже второй день, и девушка решила, что это тоже надо исправить. Хотя, тут же мелькнула мысль, это будет означать, что Эосфор целиком включён в семейную жизнь – не станут ли их дёргать ещё чаще необходимого? Может, в первое время стоит сбавить обороты и смириться? Лукас умел понимать то, чего люди в его ситуации никогда не хотели понимать. Она могла бы ему это объяснить.

– Значит, первый день прошёл не так уж плохо, – мило улыбнулась Моника, подводя итог беседе. Хлоя пожала плечами, показывая, что сказать ей больше нечего. – Правда, мы ещё не видели вашей терапии в действии. Вы думаете, ему это поможет? – с сомнением протянула девушка. – Разве музыка может исцелить ото всех болезней?

– Приступать к терапии немедленно после стольких потрясений я считаю нецелесообразным, – отрезала Харрис. Моника на секунду замерла с открытым ртом. Хлоя же продолжила: – Сначала нужно избавиться ото всех мелких раздражающих факторов, – она поняла, что сболтнула лишнего, и добавила, поясняя: – Нельзя, чтобы проблемы, связанные с переездом, отразились на здоровье ещё больше, чем это уже произошло. Люди болеют, когда меняют образ жизни, и прежде, чем направленно лечить их, нужно устранить всё, что может помешать выздоровлению.

– Мы постараемся вам помочь со всеми возникшими проблемами, – по лицу Моники было видно, что ей этот довольно резкий ответ Харрис не понравился, но, видимо, приказ отца нарушать она побоялась – ей было нужно, чтобы доктор поверила в её искренний интерес к судьбе брата.

– Несомненно. Думаю, это в интересах вашей семьи, иначе бы меня тут не было, – Хлоя улыбнулась – довольно ядовито, и только после этого девушка от неё отстала. Харрис бросила взгляд на Лукаса, который молчал, уткнувшись в свою тарелку. Не стала трогать его, сжимать руку, как вчера вечером, или пытаться спросить, что не так – потому что «не так» было практически всё, что сейчас происходило, и Хлоя понимала, что, если лишний раз тронет своего пациента – может последовать неконтролируемый взрыв.

Позже приехал Годфри. Вечер тянулся нескончаемо долго, одно дело перетекало в другое, и Харрис было нечего сказать, чтобы возразить, оттолкнуть семью Лукаса подальше – все заботы были связаны с переездом, в том числе – и её тоже. Девушка пару раз порывалась отвезти Лукаса наверх и оставить его там, в комнате, но оба раза передумала – она понятия не имела, кто к нему может зайти, когда он будет один, и что может произойти, если её не будет рядом. Хлоя боялась оставлять его наедине с семьёй. Мало ли, какие у них были планы – не могли же они просто поверить ей на слово, и никак не попытаться убедиться в том, что она говорит о состоянии Лукаса правду.

Наконец, мучительно долгий и насыщенный событиями день подошёл к концу. Семейство начало расходиться: кто – спать, кто – по своим делам. Девушка была даже рада, когда получилось так, что ей никто не стал предлагать помощь с коляской – хоть, с непривычки, вкатить кресло наверх было и тяжело, она прекрасно понимала, что им нужно уединение. Лукас всё-таки справился, вынес целый день совместного времяпрепровождения с семьёй, которая была так приторно ласкова с ним, что Харрис подумала, что сама бы не выдержала подобного отношения. Но Эосфор был гораздо сильнее, чем она думала.

Однако даже у самых сильных людей когда-то наступает предел.

Даже у высокооплачиваемых актёров бывают перерывы во время съёмок.

У Лукаса не было ни перерывов, ни сверхчеловеческих сил, что позволили бы ему бесконечно притворяться. Он блестяще справился с ролью потерявшего память и рассудок – девушка порой даже поражалась тому, как точно Эосфор выстраивал своё поведение. Это было похоже на виртуозно исполняемую мелодию – Харрис, серьёзно задумавшись об этом лишь после окончания спектакля, поняла, как ему удавалось так играть. Его ведь натаскивали в больницу – заставляли врать новым врачам или проверяющим, которые порой могли нагряться, чтобы проверить персонал и больных. Это перед ней он не стал притворяться – но в момент их знакомства Лукас просто её боялся, думая, что она на стороне его родственников, и уже в курсе, как должна к нему относиться. А сейчас, выгребая весь свой багаж знаний в области поведения психически больных людей, он поддерживал свой образ.

Хлоя даже подумала, что он заслуживал одновременно «Оскар» и медаль за отвагу.

Эосфор играл до последней минуты их первого совместного «рабочего дня». Выдохнул и расслабился, только когда девушка вывезла его в коридор на втором этаже – в выделенное им двоим, по сути, крыло. Захария за ними на этот раз не следил, поэтому Лукас сам притормозил коляску, когда Харрис хотела затащить её в комнату.

– Мне нужно в ванную, доктор, – шёпотом, на всякий случай, сказал он. Девушка кивнула:

– Хорошо, – она хотела обойти коляску, открыть дверь, помочь ему, но Эосфор ухватил её за руку. Прогресс, пусть и вынужденный.

– Я... сам, – Хлоя почувствовала, что на неё саму Лукаса уже «не хватает». Он притворился перед семьёй, но перед ней держать себя в руках уже едва ли был способен. Девушка немедленно поняла – она не должна настаивать. Его и так долгое время унижали, контроли-

руя даже в ванной комнате. И сейчас Эосфор, разумеется, понимал, что долго будет мучиться, пытаясь справиться с непослушными ногами, но принимать чужую помощь не хотел. К тому же, ему нужно было успокоиться, отдохнуть, побыть наедине с собой.

– Ладно, – уступила Харрис, чуть помедлив. – Позови, если тебе будет нужна помощь, я обязательно помогу, – сформулировала она. Получилось ненавязчиво – без слов в духе «ты не справишься», «у тебя не получится» и так далее. Лукас кивнул, толкая коляску самостоятельно, тараном открывая лёгкую дверцу ванной комнаты. Хлоя улыбнулась ему, заметив, что Эосфор посмотрел в зеркало, висящее на стене – позволила ему увидеть в отражении, как открывает дверь своей комнаты и отправляется готовиться ко сну.

Когда доктор скрылась в её комнате, Лукас снова толкнул коляску вперёд, позволяя дверце закрыться самостоятельно. Подобрался вплотную к ванне – сейчас он ещё не собирался мыться, но хотел проверить, сможет ли сделать это самостоятельно. Вцепился в бортики, потянулся – чуть не упал. Понял, что забыл поставить коляску на тормоз. Исправил это, снова попытался – вроде бы, получалось. Конечно, было неизвестно, сможет ли он оттуда выбраться, когда и руки, и сама ванна будут мокрыми, да и как он это провернёт, если не сумеет нигде толком сесть, чтобы вытереться и не намочить коляску. Получится ли дотянуться, чтобы накрыть кресло полотенцем, или придётся просить Хлою? Но это уже был прогресс – по крайней мере, он не был настолько беспомощным, насколько показался сам себе утром.

Вспомнив об утре, Эосфор зажмурился, опуская голову. В груди, наконец, разгорелось болезненное пламя, которое он весь день старался держать под контролем. Он силился перебороть этот огонь, справиться с чувствами, затолкать их поглубже – занялся делами, ради которых на самом деле сюда явился. С трудом справился с собственными штанами – каждое новое усилие заставляло пламя разгораться всё сильнее. Унизительно было, когда санитары следили за каждым его движением в ванной комнате, но не менее унизительно оказалось пытаться просто перебраться на унитаз. Пусть и вычищенный до блеска, но никогда не вызывающий нездорового желания так за него хвататься, как пришлось хвататься Лукасу. Повезло, что он мог хотя бы контролировать позывы в туалет – когда такое случилось в детстве, он несколько раз испортил собственную одежду. Но сейчас, уже зная, что может случиться, Эосфор был настороже. Он не хотел ещё больше унижения, тем более – перед Хлоей, которая вовсе не думала, что ей придётся возиться с полупарализованным калекой, когда соглашалась приехать в этот дом.

Хоть контролировать собственное тело хоть в чём-то Лукас ещё мог, тем не менее, пользоваться унитазом тоже было неудобно, непривычно. Но ещё хуже стало, когда он попытался перелезть обратно и чуть не упал. Сердце колотилось, как бешеное, Эосфор с трудом сохранил равновесие, восстановил его в последнюю секунду. Ему пришлось руками переставлять бесчувственные ноги, чтобы хитрым образом подтянуть обратно одежду, не завалившись на бок, и буквально вползти на коляску, пугающе поскрипывающую в те моменты, когда он опирался на неё, давя всем своим весом – несмотря на рост, пока ещё небольшим.

Не пришлось прикладывать усилий лишь для того, чтобы вымыть руки и умыться – предусмотрительно рядом с нормальной, высокой, кто-то поставил очень низенькую раковину, будто для ребёнка. Лукас стиснул зубы – конечно, это было вполне логично для дома, где постоянно находились дети, но... Разве было простым совпадением то, что их с Хлоей поселили как раз возле такой ванной комнаты? Сейчас даже пандус на лестнице, который был здесь ещё со времён раннего детства Лукаса, казался заранее продуманной издёвкой.

Вытирая руки, Эосфор окинул взглядом помещение. Оно выглядело вполне обустроенным для использования инвалидом. В душевой кабине имела ванна с не очень высокими бортиками – как раз, чтобы самостоятельно влез ребёнок или человек с инвалидной коляски. Унитаз было оценить сложно, но он, наверное, тоже был ниже среднего. Вторая раковина была настолько низкой, что Лукасу даже не пришлось тянуться – он мог бы, сидя в коляске, поло-

жить на дно руки, просто вытянув их вперёд. Значит ли это, что его отец задумал что-то подобное уже давно? О чём он думал, когда появился в больницу? Это Хлоя уговорила его забрать сына домой, или он сам так решил, и прихватил наивного в своей честности доктора, как ему показалось, чтобы долго не выискивать кого-то другого?

Чувства закипели в груди. Эосфор выдохнул, стараясь выпустить их – и это не помогло, хотя, судя по ощущениям в груди, воздух с его губ должен был сорваться раскалённый. Боль стиснула медвежьей лапой горло, обида, страх, ненависть, унижение – всё это смешалось в одну эмоцию, которой даже не было названия. Последней вспышкой разумной мысли было то, что доктор могла заглянуть к нему, если бы он сидел тут слишком долго – так что Лукас, собравшись с силами, которые появились лишь из-за злости, намешанной в этом коктейле Молотова, сполз с коляски на пол и оттолкнул её в сторону двери. Кресло стукнулось мягкой спинкой об эту дверь, блокируя её. Никто не зайдёт, пока он сам не решит выйти, пока не справится с разрывающими его сердце чувствами. Или пока не задохнётся от них – чего ему сейчас, на самом деле, хотелось даже больше.

Эосфор задрожал, чувствуя, как стремительно теряет над собой контроль. Над своим дыханием, руками – его трясло, он будто бы задыхался, удавалось только кое-как давить всхлипы, рвущиеся с груди, чтобы не привлечь чьё-нибудь внимание. В сознании всё ещё билась мысль – если он подведёт доктора, если попытается что-то с собой сделать, или если его плач кто-то услышит, то с ней могут поступить ещё хуже, чем с ним. Изуродовать, а может, и убить, заставить смотреть, как мучаются её родные, или... а что, если и на глупую добрую девушку, которой представилась Харрис, у отца были планы? Что, если она и не должна была выжить? Сколько он собирался содержать её, сиделку для своего пленника? Получится ли у них убеждать его в недееспособности Лукаса и дальше? Чем всё для них кончится, и когда?

Эосфор зажмурился, сжимаясь, насколько это позволяли неподвижные ноги. Забываясь в угол, обхватывая свои плечи руками, тут же – поднимая их, пряча в ладонях лицо. Ещё через секунду – судорожно ощупывая колени, в надежде ощутить эти прикосновения.

Первые минут десять, наверное, Хлоя даже не волновалась. Она понимала, как сложно и непривычно было Лукасу, и не хотела врываться и смущать его, или того хуже – ранить. Его могло задеть её недоверие, и тем более – ложь, ведь она дала ему понять, что отправилась к себе. Если следить за ним, подслушивать у двери, обмануть доверие, то что – он и ей начнёт лгать? А если у него это получится? Уж лучше пусть бесцеремонно вторгнутся родственники – Харрис будет наготове, и обязательно выйдет из комнаты, чтобы перехватить его из их цепких рук.

Следующие десять минут заставили девушку занервничать. Понятно, Эосфор мог примериваться к разным предметам, может, пытался отвлечься, планируя, как будет ими пользоваться сам, а может, даже решил принять ванну – но шума воды не было слышно, как бы Хлоя ни прислушивалась. Для того, чтобы просто отдохнуть, справиться с эмоциями, времени тоже прошло уже многовато – если ему было плохо так долго, ей стоило бы пойти и помочь. Отметка на часах приближалась к двадцати пяти минутам, когда Харрис, не выдержав, всё же покинула свою комнату, подошла к тонкой дверце в конце коридора и легонько постучала. Не требовательно, чтобы не показалось, что она хочет посягнуть на его личное пространство.

– Самаэль? – позвала Хлоя. Пока решила больше ничего не говорить, чтобы случайно не испортить момент. Ответа не последовало – девушка прислушалась, сомневаясь, не зная, как ей лучше поступить. Если Лукасу там стало совсем плохо, его семья могла бы это свалить на неё – или что, его снова отравили? Чем на этот раз? Он там вообще жив?

Выждав с полминуты и не дождавшись никакой реакции, Харрис снова постучала, и почти сразу после этого чуть толкнула дверь – просто чтобы осторожно заглянуть, не смутить, не вызвать никакого срыва или ссоры. Но что-то не позволило ей это сделать – тут уже она

почувствовала неладное. Девушка видела, что дверь ей поддаётся, что она не заперта, но понимала – что-то внутри блокировало её. Сердце у Хлои забилося быстрее, она испугалась за Эосфора – что, если он упал и не смог позвать на помощь? Если ударился головой, потерял сознание, или того хуже?

Девушка сильнее толкнула дверь. Наконец, приложенного усилия хватило – коляска не была на тормозе, так что откатилась, позволяя войти в помещение. Харрис окинула комнатку взглядом, ища Лукаса, умудрившегося попасть тут в беду – и не сразу заметила его, забившегося в угол между душевой и низенькой раковиной с краном. Он дрожал, закрывая рот руками, чуть покачивался из стороны в сторону, жмурился, и – Хлоя это видела, – по его лицу катились слёзы. Это зрелище показалось неожиданно иррациональным – Харрис вдруг поняла, что ни разу до сих пор не видела его действительно рыдающим. Он несколько раз был на грани, лишь однажды выпустил пару слезинок – но умудрялся подавлять чувства, так что девушка немедленно поняла, что происходит – Эосфор не справился. Он сумел перебороть себя утром, но сейчас слёзы сдержать не удалось. Боль победила, ей нужно было найти выход, сейчас был её момент. Как бы ни был силен Лукас, ему нужно было выплеснуть все те чувства, что он весь день прятал от своей семьи и даже от самой Хлои.

– Самаэль... – девушка медленно приблизилась, осторожно опустилась на корточки рядом с ним. Эосфор разлепил веки – слёзы мешали это сделать, склеивая ресницы. Увидев Харрис, он тихо всхлипнул, пряча лицо, закрывая его руками. – Прости, что ворвалась, тебя долго не было, я переживала, и ты не отзывался, – Хлоя прикоснулась к его плечу, начала поглаживать, когда поняла, что он не вырывается.

– Я не могу... – выдохнул Лукас, повторил утренние свои слова, заикаясь, даже не пытаясь скрыться, вернуться от чужих рук. – Боже, я... я не м-могу... – он отчаянно, почти истерично помотал головой, всхлипывая громче, наклоняясь вперёд, так сильно дрожа, что Хлоя поняла – это была не просто истерика. У Эосфора началась паническая атака, ему было сейчас безумно страшно. Тело, и так теперь изуродованное, пугало его своим состоянием. Сердце колотилось, как безумное, дыхание прерывалось, а рыдания рвались наружу сами собой, лишая Лукаса возможности контролировать хотя бы это. Он едва мог заставлять себя приглушать звуки.

– Тш-ш-ш, тш, всё в порядке, – зашептала девушка, опускаясь рядом с ним на пол. – Всё будет хорошо, Самаэль. Я понимаю, как тебе страшно, но поверь, всё будет хорошо. Дыши, – Харрис медленно поглаживала его плечо, будто задавая ритм дыханию. – Дыши... Всё пройдёт, всё кончится, слышишь? – он кивнул, дрожа от боли и страха, смаргивая смесь слёз, пота. Рыдания его всё ещё душили, и Хлое даже показалось, что этот кивок был случайным, что Лукас просто дёрнул головой, силясь сдержать отчаянные крики, всхлипы.

– Я... я не знаю, что...

– Всё нормально, – успокаивающе сказала Харрис, – это абсолютно нормально. У тебя паническая атака, Самаэль, это может случиться с каждым. Тебе очень страшно, но послушай, всё будет хорошо. Это состояние пройдёт, всё кончится, тебе нужно постараться выровнять дыхание, и станет лучше, обещаю, – он быстро взглянул на приоткрытую дверь, глотая слёзы, и Хлоя коснулась его щеки, заставляя смотреть на себя. Настойчивее, чем днём, потому что сейчас ему это было нужно, кто-то должен был быть твёрдым. – Никто ничего не услышал, – серьёзно сказала она, – ты ничего не испортил. И не смей так думать. Просто дыши, – коснулась груди, чуть надавливая, будто заставляя выдохнуть. – Я помогу тебе умыться, мы выйдем отсюда, ты ляжешь в постель, согреешься, я дам тебе горячего молока... – она умолкла, понимая, что Лукаса накрыло новой волной рыданий. Покачивав головой, он запрокинул её, прижался затылком к стене, украшенной плиткой, и уставился наверх, задержал дыхание. По щекам опять покатались слёзы.

– Нет... нет, я не смогу больше, я не справлюсь... – его плечи дрожали, Эосфор цеплялся за горло, будто старался сорвать с него невидимый ошейник, перекрывающий доступ к кислороду. Рванул футболку так, что там затрещала, но не порвалась – и снова стало видно его забавное пятно-сердечко. Почему-то оно показалось на этот раз смутно знакомым – Харрис отогнала эти мысли. Важнее было то, что настоящее его сердце было сейчас переполнено болью: – Боже, пожалуйста... пожалуйста... – из груди вырвался тихий стон, вой, жалобный, как у раненного зверя, и голос сорвался на шёпот: – пожалуйста, помоги... заведи меня... заведи, прошу... – речь становилась прерывистой, но быстрой, беспорядочной. Лукас удивительно отчётливо понимал, что именно говорит, и осознавал, что Хлоя это слышит, но в эту секунду ему было всё равно. – Лучше бы я умер в больнице, – воздуха не хватало, и с губ сорвался только хриплый болезненный шёпот. – Я так хочу умереть, просто хочу... – Эосфор до боли зажмурился, кусая губы, изо всех сил стараясь справиться с собой, взять себя в руки, сделать новый вдох, который был ему жизненно необходим – для того, чтобы не подвести Харрис. И замолчать, наконец – он ненавидел себя за слабость, ему было стыдно, что он оказался настолько беспомощен, что не вынес и суток в этом доме.

Но паникующий разум, истерзанная душа умоляли – навсегда отказаться от воздуха, выдохнуть и больше никогда не вдыхать снова, не слушать никого, лечь и сдаться, и плевать, что будет дальше!..

– Нет, – покачала головой Хлоя, крепко сжимая его руку, заставляя почувствовать тело, напоминая, что оно у него всё ещё есть, что оно живое. – Самаэль, нет. Ты не заслуживаешь смерти. И ты не хочешь этого. Поверь, я знаю, чего ты действительно хочешь, – ласковые и терпеливые прикосновения теперь были на щеках, волосах, бережно утирали слёзы с его красных глаз, расправляли плечи, заставляя делать глубокие вдохи. – Ты не хочешь умирать. Никто в этом мире не хочет умереть, – он сам не заметил, как разлепил вновь плотно сомкнутые веки, как посмотрел на девушку, чей образ чуть рябил из-за оставшихся непролитых солёных капель. – Все хотят начать жить, Самаэль. Избавиться от боли или страхов. Ни один человек, даже измученный болезнями и несчастьями, не хочет умирать. Он хочет излечиться, освободиться, получить то, о чём мечтает, чего ему не хватает – людей, время, свободу, деньги, неважно, – шёпот был таким тихим, что ему приходилось невольно прислушиваться, и для того – глубоко вдыхать, задерживать воздух внутри, так же тихо и медленно выдыхать. Харрис всё же добилась, чего хотела – заставила его дышать.

Наверное, во всех смыслах этого слова.

Несколько минут Лукас приходил в себя. Всплипания по инерции затихали, дыхание становилось от вынужденного-размеренного нормальным, обычным. Скоро о срыве и истерике напоминали только красные глаза и лицо. Хлоя не прекращала гладить его по плечу, задавая ритм дыханию и даже будто бы биению сердца.

Наконец, Эосфор рискнул заговорить снова. Голос тоже ещё дрожал, ломался, проваливаясь, превращаясь в шёпот:

– Простите, – сказал он. Понял, как это жалко прозвучало, но ему нужно было договорить: – доктор, простите меня... Я не хотел, чтобы... я не хотел говорить это вслух, – в груди больно дёрнуло за нить, которая надрывалась и без того – его сердце, что почти физически болело после всего, что ему пришлось пережить.

– Самаэль, – голос девушки был тёплым, всепрощающим, она будто бы обнимала его, не касаясь, – это была боль, которой ты не заслуживаешь. Это был не ты.

Ещё через пару минут она подкатила коляску и помогла ему встать на неё. Лукас умылся тёплой водой, Харрис специально подсунула ему полотенце помягче, а потом – сразу же отвезла в комнату, уложила в постель. Присела рядом, осторожно погладила по волосам. Ей нужно было знать правду – и пусть сейчас был не очень подходящий момент, она хотела задать вопрос именно сегодня, чтобы решить, что ей делать дальше.

– Послушай, – начала Хлоя. Эосфор моргнул, по инерции судорожно вздыхая. – Твой отец кое-что мне рассказал.

– Что?.. – ему было не до этого, после того, как Харрис вообще упомянула его отца, в горле снова будто застрял комок, и сглотнуть его получилось не сразу.

– Он сказал... что такое с тобой уже случилось. В детстве. Из-за какого-то сильного потрясения, – Хлоя не отстранялась, продолжая поглаживать его по голове. – Мне нужно знать, правда ли это. В карточке у тебя нет никаких упоминаний об эпилепсии или каких-то сильных припадках, но эти данные могли просто не перенести после твоего совершеннолетия.

Взгляд у Лукаса на секунду стал отсутствующим. Наконец, он глубоко вздохнул и опустил веки.

– Да, – пришлось ему признать. – Это правда.

– Ощущения тогда были такими же? – Эосфор качнул головой, быстро сглотнул. Харрис понимала, что причиняет ему боль своими расспросами – а ведь только что сама успокаивала, для чего же? – Самаэль, прости, – девушка придвинулась ещё ближе, второй рукой крепко стиснула его ладонь, – но мне нужно знать.

– Я не помню, – обронил он. Посмотрел в потолок, сделал несколько быстрых вдохов и задержал дыхание. – Я тогда пролежал пару недель дома. Приходили врачи. Что-то говорили... Потом всё прошло. Я не знаю, из-за чего это было. Но тогда я, вроде бы, чувствовал ноги, они просто были сильно онемевшими. Я не знаю, – выдох. – Сейчас не чувствую вообще ничего. Совсем калека, – последние два слова полыхнули вдруг яростью, Хлоя заметила, как Лукас сжал в кулаке простынь. Почувствовала, что он злится, и злится почему-то на себя самого. Нахмурилась.

– Эй, – она покачала головой, когда Эосфор взглянул на неё, – ты не калека. Что бы с тобой ни случилось, мы постараемся разобраться. Все твои кости целы. Тебе не могли сильно навредить – значит, шанс на восстановление есть. Шанс всегда есть, – Лукас не отрывал от неё взгляда, и девушка для пущей убедительности закивала. – Поверь мне. Я встречала людей с похожими проблемами. На самом деле, пару лет назад один мой сослуживец потерял обе ноги во время очередного задания. Но выжил и вернулся домой, – она ободряюще улыбнулась. – У тебя ноги целы. Всё может быть не так страшно.

– И что с ним было дальше? – тихо спросил Эосфор. Хлоя задумалась, пытаясь вспомнить историю этого парня целиком – и когда вспомнила, то поняла, что зря вообще привела этот пример. Лучше уж было бы рассказать про мужа Эммы, некогда раненого, но нашедшего в себе силы восстановиться и уйти в полицию. А тут, как назло, Харрис вспомнила самый неподходящий случай – тот её сослуживец долго не прожил после возвращения домой. Он ещё надеялся на то, что сможет накопить на протезы и заняться чем-то на гражданке, но удача от него отвернулась тогда же, когда он подорвался на вражеской гранате и лишился ног. Жена его бросила, никакой награды за свой последний бой мужчина не получил. Пенсия у него была мизерной, и даже дети, на которых он надеялся больше всего после развода с женой, не желали продолжить с ним общаться. Возможно, ради них он бы выкарабкался – но то ли они сами не захотели разговаривать с отцом, которого не так уж и часто видели, то ли мать им запретила... История, в общем, кончилась плохо. В день годовщины боя, в котором он потерял ноги, бывший военный достал своё памятное оружие и снёс себе голову.

Ни разу не вдохновляющий сценарий развития событий.

– Он накопил на протезы, – солгала Хлоя, когда Лукас чуть сжал её руку, напоминая о своём вопросе и о том, что она молчит уже с полминуты. – Сейчас ходит. Путешествует. Пишет статьи. Марафон, может, не пробежит, и на Параолимпийские игры не поедет, но живёт, как нормальный человек. У него железные ноги, а у тебя всё ещё есть свои, – по долгу службы Харрис часто умалчивала какие-то события – не говорила раненым мужьям о том, что их жён застрелили вместе с детьми; не рассказывала детям, что родители больше не придут забрать их

домой – потому что у них и дома-то теперь нет. Солгать было не так уж и сложно, люди были склонны верить тому, что им говорили, если они слышали то, во что на самом деле хотели верить.

Похоже, этот приём сработал и с Эосфором. Он молча смотрел на неё несколько секунд, а потом приподнял уголки губ.

– Теперь я знаю, что меня ждёт, – наконец, сказал Лукас. Улыбка стала чуть заметнее, но он явно устал, сил поддерживать её у него не хватило. Хлоя, вспомнив, что она обещала сходить за горячим молоком, встала.

– Сейчас принесу молока, – сказала она. Эосфор что-то ответил, попытался возразить, но Харрис шутливо отмахнулась и, не став слушать его попытки отказаться, направилась к выходу. Лукас молча смотрел на закрывшуюся за девушкой дверь пару минут, а потом едва слышно хмыкнул.

– Знаю, что меня ждёт, – совсем тихо пробормотал он, повторяя свои недавние слова. – Точно. У этой дороги один конец, – в глаза будто насыпали песка, и Эосфор опустил веки, желая уменьшить жжение. Честно – он не верил в историю Хлои. Что-то она ему недоговаривала, или вовсе – всё выдумала. Он сам не любил ложь, и потому остро почувствовал, когда девушка ему солгала – может, впервые за всё их знакомство.

Мучительные мысли о будущем не отступали. Лукас уже понимал, что не сможет выбраться отсюда – и знал, что даже если у сказки доктора действительно был хороший финал, для своей собственной истории он может его не ждать. Вечно они притворяться не смогут, и что бы ни задумала Харрис, одна ошибка – и всё кончится. Его жизнь и без того была уже окончена, но что ждало её? Сможет ли вырваться она сама? Как долго ему осталось жить, сколько часов или минут?..

Как раздалились шаги девушки, Эосфор уже не услышал. Та, прикрыв за собой дверь, поняла, что молоко не понадобится – когда она вернулась с чашкой тёплого напитка, Лукас уже уснул. Срыв его вымотал – он провалился в сон, не успев даже толком укрыться. Хлоя поставила молоко рядом с аптечкой, подошла, чтобы исправить это – и заметила, что у Эосфора чуть задралась одна штанина. Хотела потянуть ткань вниз, но заметила ещё кое-что – и остановилась.

Чуть ниже колена у него начинал наливаться синяк. Харрис даже не пришлось думать, откуда он взялся – она взглянула на Лукаса, веки которого ещё были красноватыми, и поняла всё в ту же минуту. Он беспощадно, сильно щипал себя за ноги, пытался почувствовать хотя бы боль – может, пока его ещё не накрыло удушающей волной страха.

И скорее всего, это волна настигла его, когда он понял, что ничего не выйдет.

Это натолкнуло девушку на мысль – в конце концов, пустой шприц всё ещё лежал у неё в кармане, скрытый от чужих глаз. Лукас так долго не чувствовал ног из-за какого-то сока? Причём, руки и всё остальное тело чувствительности нисколько не потеряли? Это было подозрительно, несмотря даже на то, что Эосфор подтвердил – ноги у него отнимались и раньше. Да, она просто должна была что-то сделать, чтобы выяснить правду – но для этого нужно было время.

И, к счастью, у Хлои появилась идея, как это проверить.

Минуя ванную комнату, она направилась прямо к Годфри. Рэй, забавный пухляш, знакомый ей по прошлому вечеру, вызвался проводить её в кабинет, где Эосфор-старший занимался своими делами. Постучавшись, Харрис приоткрыла дверь – ей не хотелось врываться, она побаивалась увидеть то, что не предназначалось для её глаз.

– Да? – чуть раздражённо отозвался мужчина. Девушка заглянула в кабинет, стараясь посмотреть поверх головы Годфри. Эосфор расплылся в фальшивой улыбке – на более-менее искреннюю, видимо, сил у него не хватило. – А, это вы, доктор. Заходите. Что вы хотели?

Прикрыв за собой дверь, Хлоя подошла ближе к столу Годфри, но садиться нигде не рискнула – всё ещё побаивалась увидеть что-то лишнее, за что её могли лишиться возможности находиться рядом с Лукасом.

– Я хотела попросить у вас выходной, сэр.

– Уже? – усмехнулся Эосфор. – Мой сын вас совсем измучил?

– Нет-нет, дело не в Лукасе, – поспешила заверить его Харрис. Мужчина прищурился, откладывая бумаги и внимательно глядя на неё. – Просто мне нужно навестить семью и успокоить их. Они очень переживают по поводу того, что я так внезапно переехала, – девушка заулыбалась, будто бы посмеиваясь над родственниками. Годфри чуть расслабился.

– Ах да, точно. Простите, на меня столько всего навалилось, что я совершенно забыл о том, что обещал вам. Вы хотите забрать свои вещи, да?

– Да, и это тоже, сэр. Мы живём на разных концах города, и к тому же, до самого города ещё нужно добраться, так что я думаю, что мне придётся потратить на это весь день.

– Аманда может отвезти вас, – предложил Эосфор.

– О, я не хотела бы так нагружать вашу дочь своими проблемами, – смутилась Хлоя. – Я могу взять такси, сэр.

– Хорошо, – помедлив, уступил мужчина. Он старался не казаться назойливым, чтобы не напугать нового человека своим контролем. – Как пожелаете. Значит, вы хотите уехать завтра утром?

– Сразу после завтрака, – поправила его Харрис. – Да. Мне нужно будет провести с Лукасом беседу и дать ему необходимые лекарства. А потом я надеялась поехать домой.

– И когда планируете вернуться?

– Следующим утром. Мне нужно уладить дела, понимаете, на это, наверное, уйдёт остаток дня, и потом...

– Да, ехать обратно ночью не очень вдохновляет, – согласился Годфри. Хлоя видела, как он недоволен её просьбой, но Эосфор старался держать себя в руках. Взгляд его перескакивал с одной вещи на другую, он явно что-то обдумывал – Харрис поняла, что ей нужно будет постоянно оглядываться, и по-прежнему следить за языком. Годфри ничего не стоило послать кого-то проследить за ней, и наверняка сейчас он как раз прикидывал, кто этим мог заняться.

– Я рано лягу спать, сэр, и закажу такси на рассвете. Вернусь уже к завтраку. Лукас даже не успеет проснуться, – пообещала Хлоя, стараясь подтолкнуть его к нужному ей решению.

– Хорошо, – заставил себя кивнуть Эосфор. – Поезжайте, доктор. Только, прошу, вернитесь вовремя, – в голосе послышалась угроза, немедленно сменившаяся притворной заботой, – думаю, Лукасу будет очень тяжело с вами расставаться.

– Постараюсь как можно скорее. Спасибо, – заставив себя улыбнуться, Харрис пожелала Годфри спокойной ночи и вышла из кабинета. Выдохнула, зашагала по коридору в сторону их с Лукасом комнат. Ей надо предупредить его о своей поездке – и лучше всего сделать это так, чтобы никто, может, даже он, не смог понять, что она задумала на самом деле.

Но это – утром. А сейчас ей нужно было, наконец, попасть в душ.

* * *

Следующим утром она, памятуя о том, как ценна каждая минута, до последнего оттягивала момент взятия крови у Эосфора. Наконец, их оставили наедине – быстро проверив, нет ли кого в коридоре, кто мог бы подглядывать в щёлочку, Хлоя вытащила из кармана шприц. Так криминалисты не работали, зато работала она сама – во время службы часто приходилось обходиться минимумом и действовать быстро.

Лукас растерянно взглянул на неё, когда она, разорвав упаковку и мазнув по сгибу его локтя ватным диском, смоченным в перекиси, поднесла пустой шприц.

– Доктор? – почти шёпотом позвал Эосфор. – Что вы делаете?

– Пытаюсь во всём разобраться. Прошу, не дёргайся, я не наврежу тебе, – пообещала Харрис, сосредоточенно глядя на подопечного, примеряясь к вене. Лукас всё же чуть отстранился, и ей пришлось почти что схватить его за запястье, чтобы не дать двинуться с места.

– Доктор... – Хлоя угадала порыв Эосфора встать, но не почувствовала ни единого движения мышц ног. Лукас умолк, его даже не пришлось больше просить замолчать. Он как будто почувствовал, что не может сейчас спорить – это не в его силах, что означало – пропасть между ними была просто огромная. Сейчас Харрис была главной.

Девушка быстро наполнила шприц кровью. Сменила иглу на тот самый ватный диск, заставила согнуть руку, прижать к плечу. Тщательно спрятав шприц в пакете с кусочками льда, будто боясь, что кто-то обыщет её на выходе из дома и найдёт его, Хлоя присела рядом с Эосфором, оказавшись смешно ниже него. Он опустил глаза, когда они встретились взглядом – это напомнило о том, каким был Эосфор, когда они встретились пару дней назад. Кольнула совесть – Лукас ещё ни разу не подвёл её, удивляя снова и снова тем, как слушал голос разума. Разве он не понял бы, если бы она ему рассказала?

– Послушай, – Харрис уже привычно коснулась колючего подбородка Эосфора, – я должна уехать на какое-то время. То, что я хочу сделать, должно нам помочь, – она говорила тихо, и Лукас неуверенно взглянул на неё, так знакомо, чуть искоса. – Но мне нужно, чтобы ты продержался тут один чуть меньше суток. Я приеду следующим утром, сразу, как только смогу. Рано лягу и приеду ещё до того, как ты проснёшься.

Эосфор приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но почти сразу же закусил губу. Хлоя уезжала из этого дома. Ему, безусловно, было страшно оставаться здесь одному, но девушка уверяла его, что так нужно. Возможно, вчерашний спектакль убедил его семью в том, что он действительно тронулся – тогда его никто не потревожит лишний раз, ему позволят тихонько сидеть в своей комнате. Он найдёт, чем заняться: покопается в своих старых вещах, займётся брюками, тихонько поиграет на гитарах, если справится с тяжёлыми инструментами и коляской, посмотрит в окно, почитает, поспит, в конце концов. Намного лучше, чем в психбольнице.

Просто не совершать ошибок в ближайшие двадцать часов, из которых половину он всё равно будет спать. Не так уж и сложно. Вот только...

– Я не заставляю вас возвращаться, доктор, – Лукас заставил себя сказать это. Харрис должна была знать, что она не обязана быть пленницей тут вместе с ним. Если она вдруг передумает ехать обратно, не захочет, или вообще придумала всю эту историю с кровью только для того, чтобы под благовидным предлогом покинуть его – Эосфор не станет проклинать её. В конце концов, это его семья и его крест.

– Я понимаю, о чём ты думаешь, – кивнула Хлоя. Лукас быстро вздохнул, но она не дала ему заговорить: – Я вернусь. Обязательно вернусь, хорошо? Мне нужно узнать, что с тобой сделали, – это она сказала едва слышно, боясь, что слишком долго беседовала с Эосфором и под дверью уже успели притаиться шпионы. – Как только я выясню это, то сразу же приеду.

– Хорошо, – Лукас кивнул, втайне радуясь, что Харрис не заставляет его дать ей какое-нибудь новое обещание – он сам ещё не знал, что его ждёт в этом новом дне. Девушка улыбнулась, поднимаясь, на прощание быстро коснулась его плеча и поспешила выйти из комнаты. Он слышал, как вжикнула молния – она надела куртку, в которой приехала. Ещё через несколько минут Эосфор выкинул ватный диск и выехал в коридор – выглянуть из комнаты, проводить Хлою, показаться на глаза родственникам – чтобы никто ничего не заподозрил.

Харрис кивнула ему, чуть улыбаясь, когда заметила его. Его отец вынудил девушку продиктовать ему свой номер телефона, и Лукас снова закусил губу, искренне сожалея, что у Хлои нет шанса вырваться из его цепких лап. Но он надеялся, что Харрис не лгала по поводу наличия у неё плана – и потому смирился, решив просто попытаться прожить этот день и не навлечь на её голову неприятности.

Эосфор всё равно не до конца понимал, что девушка хочет сделать. То есть, конечно, догадывался: доктор взяла его кровь, положила в холодный пакет, спрятала его, твердила, что хочет во всём разобраться – очевидно, что Хлоя собиралась сделать анализ, чтобы найти вещество, которым его отравили. Его самого смущал тот факт, что он сразу подумал на сок – ведь правда, ноги отнялись совсем, значит, концентрация была сильной. Разве можно растворить какой-то яд в таком количестве в соке настолько, чтобы он едва горчи́л? И если даже это так, то почему его руки в полном порядке? Нет даже лёгкого онемения, он прекрасно чувствует их, может легко управляться с коляской и вчера смог сыграть что-то на рояле. Вероятно, справился бы и с гитарой.

Впрочем, сейчас явно было бесполезно об этом думать. Доктор ведь пообещала вернуться, и Лукас ей верил. Всего лишь пережить полдня и ночь. Он справится, не может не справиться.

Так что Эосфор, стиснув зубы, толкнул коляску обратно, надеясь не врезаться по пути в шкаф, и скрылся в своей комнате. Прекрасно зная, что спустя несколько минут к нему всё равно заглянут, чтобы в итоге оставить еду и запереть, будто в одиночной камере.

А у Харрис и правда был план. И этот план был довольно прост – она продумала его лишь в общих чертах, когда ложилась спать, и сейчас, сидя в такси, старательно шлифовала. Перестраховывалась, изменяла какие-то детали.

Первым пунктом назначения было кафе, что находилось на полпути к городу. Там должна была состояться встреча с Эммой. Хлоя сначала хотела просто заехать к ней на работу и завезти шприц прямо в участок, но потом передумала. Годфри это должно было насторожить, и доверие к ней определённо бы исчезло. Но невинная встреча с подружкой Эосфора точно не могла смутить, ведь Харрис сказала, что собирается уладить личные вопросы – и обычный быстрый перекус со знакомой, с которой у неё могли быть какого угодно рода отношения, наверняка входил в круг подобных вопросов. Плюс к тому – кровь было нужно доставить как можно скорее, и Эмма наверняка должна была принести что-то более подходящее для транспортировки, чем двойной пакет со льдом.

Экспертиза вряд ли должна была занять много времени, даже если бы Эмме пришлось ехать в лабораторию, а не в свой родной участок. Хлоя пару раз просила её о подобных одолжениях, ещё когда пыталась работать в обычной клинике, до отправления на службу. Девушка справлялась с работой меньше, чем за пару часов, и сразу же отправляла результаты. Сейчас ситуация была особенная, так что анализ мог занять гораздо больше времени, но и на эту беду у Харрис было своё решение – следующим пунктом плана был дом матери. По расчётам Хлои, та ещё не должна была вернуться с фестиваля, на который отправилась несколько дней назад.

Честно говоря, девушке не нравилась идея показывать возможным шпионам Годфри место, где жили её близкие, но выбора не было. Эосфору и без того было нетрудно узнать их адрес, а она сказала, что собирается заехать к ним, и уверяла, что ей понадобится много времени на то, чтобы их успокоить – так что нужно было сделать там остановку. Ничего, она могла сделать там уборку, например, чтобы потратить время, оставить матери записку и уехать. И постараться, заодно, держаться подальше от окон – мало ли, может, эта паранойя поможет спасти жизнь её родным. Даже если Эосфор в итоге узнает, что её родителей дома не было – ничего страшного. Уборка и записка – отличный вариант.

Оставшееся же время, что Эмма будет работать, Харрис собиралась потратить на себя любимую – ей нужно было собрать вещи, прибраться и в собственном доме, и в конце концов, просто принять душ в знакомой расслабляющей обстановке. Может, отдохнуть. Может, придумать, что ей делать дальше, чтобы помочь Лукасу.

Так девушка и поступила. И пока что всё складывалось просто идеально – Хлоя даже подумала, что если бы описывала происходящее в личном дневнике, то едва ли смогла бы

потратить страничку. Каждую минуту в доме Эосфора она могла бы расписать на несколько листов, описывая и собственное состояние, и ужасы, что приходилось переживать Лукасу, но сейчас, вернувшись к обычной жизни, Харрис почувствовала пустоту. Ей просто необходимо было это напряжение, чувство опасности и нужности. Она усмехнулась, устраиваясь за любимым столиком – похоже, служба оставила отпечаток на её личности. Девушке нужен был адреналин, и простые задачи её совсем не радовали. Она не могла вернуться в армию, и потому нашла себе ещё более изощрённый способ получить необходимое. Умудрилась буквально за сутки-двое впутаться так, что теперь даже не знала, как будет выбираться. Но это её радовало – можно сказать, вызывало нездоровую страсть, совсем как во время службы.

От этих мыслей её отвлекла подруга. Эмма чуть опоздала, но Хлоя этого даже не заметила – настолько она была рада её видеть. Девушка специально села с другой стороны от окна, чтобы возможные «шпионы» не могли бы разглядеть с улицы, что она собралась передать подруге. Но до этого было ещё далеко – сначала было нужно ввести Эмму в курс дела, описать события максимально коротко и информативно, а ещё – так, чтобы никто, кроме неё, не смог понять, о чём идёт речь. Это было сложной задачей, но Харрис справилась.

– То есть, – понизив голос и придвинувшись к ней, даже забыв о чае с пончиком, которым её угостила Хлоя, заговорила Эмма, – ты работаешь на них?

– Я у них живу, – ещё тише ответила Харрис. Подруга приподняла брови, явно не понимая, зачем Хлоя по доброй воле вляпалась в такую ситуацию. Наконец, девушка осторожно вынула из кармана свой хрупкий груз – шприц с кровью Лукаса, спрятанный в ледяных пакетах.

– Что это? – надо отдать Эмме должное – она улыбнулась, будто поняла, что за ними могут следить. Хлоя изобразила улыбку в ответ, передавая подруге под столом шприц. Даже усмехнулась, делая вид, что вспомнила о какой-то их личной шутке.

– Мне нужно, – не меняя выражения лица, сказала Харрис, – чтобы ты проверила, что здесь намешано, – когда-то в подростковом возрасте, когда она интересовалась работой матери, Дженнифер познакомила дочь с одним своим коллегой – чревоушачателем. Мужчина был увлечён своим искусством, и то ли сам играл какого-то известного чревоушачателя в том же фильме, где снималась и мать Хлои, то ли консультировал какого-то актёра – девушка уже не помнила. Зато помнила, как потратила однажды почти всё лето на съёмочной площадке – и общение с тем актёром оказалось для неё полезным. Харрис научилась основам чревоушачания – конечно, позже ничего толкового из этого не вышло, но ради развлечения она иногда вспоминала уроки того мужчины.

Сейчас эти навыки оказались весьма кстати – девушка могла произнести некоторые фразы едва ли изменив положение губ. Со стороны могло казаться, что она просто расслабленно улыбается. Таким же образом она скрыла от возможных наблюдателей на улице и просьбу проверить кровь.

– Это как-то связано с твоей новой работой? – поинтересовалась Эмма, ловко пряча шприц у себя в рюкзаке. Таком миленьком, что по нему и не скажешь, что это практически маленький переносной холодильник. Хлоя едва заметно кивнула, но вслух ответила:

– Ну что ты, – снова смех. – Разве я стала бы тебе рассказывать о состоянии пациента? Это как минимум непрофессионально, – подруга коротко кивнула ей в ответ. Харрис выдохнула.

– Ладно, Хло, – Эмма поднялась из-за стола, продолжая улыбаться, – мне пора на работу. Надеюсь, ты ещё как-нибудь приедешь, не можешь же ты круглыми сутками убиваться, верно? – девушки обнялись. Отстранившись, Эмма прибавила: – Знаешь, я совсем не ожидала, что ты приедешь, так что не взяла с собой подарок на новоселье. Вечером пришлю к тебе гонца, ладно? Передаст сюрприз от нас обоих. Ты ведь ещё будешь в городе, верно? – она чмокнула Харрис в щёку.

Хлоя распознала шифр правильно – подруга не хотела рисковать, второй раз за день встречаясь с ней и передавая ей какие-то подозрительные бумаги. Сфотографировать –

конечно, можно, но мало ли, кто мог влезть к ней в мобильник. Они уже рискнули, договорившись о встрече, так что прислать мужа с результатами анализа было лучшим вариантом. Конечно, Харрис не хотелось подставлять Эмму или её близких, но, если бы подруга и правда прислала бы ей сообщение, это было бы ещё хуже. Паранойя, паранойя – может ли Годфри действительно контролировать её переписки? Даже если нет – Хлоя могла где-нибудь случайно забыть мобильник, и её истинные намерения стали бы известны всей семье Лукаса.

Началось мучительное ожидание. Девушка старалась выглядеть абсолютно спокойной и расслабленной, но ей казалось, что у неё не выходит. Так что она поспешила добраться до дома матери и закрыться на все замки. Там она задержалась на полтора часа, добросовестно протирая пыль и перебирая книжный шкаф. Оттуда же, с домашнего телефона, от которого Дженнифер никак не могла отказаться, Харрис позвонила Эмме и сообщила, где будет ждать её мужа. Оставив матери записку, в которой постаралась красочно описать прелести новой работы, девушка отправилась в собственную квартиру – не такую шикарную и огромную, как дом родителей, вряд ли тянущую даже на звание «дома» – но тем не менее, уютную и родную, особенно после двух ночей, проведённых в чужих хором.

Первые, наверное, полчаса, она просидела в полной тишине на своей кровати, молча глядя в одну точку. Прислушивалась к себе, старалась унять «лишние», «мусорные» чувства. Неуверенность, сомнения, даже страх – она старалась дойти до сути проблемы, до причины каждой неверной мысли, успокоить себя и отместить её. Это тоже было в некотором роде уборкой, безжалостной чисткой собственного сознания. Этому Хлоя научилась после недели в горячей точке, и это было тем, что помогло ей сохранить разум ясным.

Наконец, когда внутренняя, душевная дрожь утихла, Харрис поднялась и отправилась в путешествие по собственному дому. Настоящая уборка, уже вторая за день, помогла ей окончательно успокоиться и расставить всё на свои места. Девушка рискнула включить музыку, немного отвлечься, даже начала улыбаться. Эта разрядка прошла успешно, как и всегда – Хлоя была рада уже этому факту. Сейчас как никогда прежде нужно было научиться радоваться мелочам. Чёрт его знает, когда она сможет вернуться сюда – Эмма пообещала присмотреть за её домом, но может быть, Харрис придётся искать тех, кому она сможет сдать его.

От мыслей её отвлёк звонок телефона. Девушка чуть нахмурилась, вынимая мобильник из кармана – неужели, Эмма снова не смогла утаить свои дела от начальства? Или мать приехала раньше, и теперь собиралась нагрянуть в гости?

На экране высветилось имя отца Лукаса. Хлоя закусила губу, хмурясь уже сильнее. Ей не хотелось отвечать и разговаривать сейчас с этим человеком, но она должна была это сделать – иначе это посчитали бы странным. Пересилив себя, девушка всё же провела пальцем по зелёному значку и поднесла телефон к уху.

– Доктор?.. – раздался знакомый голос. Харрис удивлённо моргнула, узнав его.

– Самаэль? – уточнила она.

– Д-да...

– Что случилось? Откуда у тебя телефон отца?

– Я... я украл его, – Хлоя напряглась, услышав эти слова. Что же там произошло? – Прошу, доктор... пожалуйста... Я не справлюсь. Вы можете вернуться раньше?... Пожалуйста, это какой-то ад, я...

– Тише, успокойся, – Харрис села на диванчик и понизила голос, чтобы заставить Лукаса замолчать и прислушаться. – Послушай меня. Уже вечер. Ты справился с самой тяжёлой задачей, теперь тебе нужно просто успокоиться, принять лекарства и лечь спать. Никто не причинит тебе вреда, пока ты спишь, правда? Никто не сможет тебя обидеть. Тебе нечего бояться, Самаэль.

– Доктор, вы не понимаете!..

– Я знаю, как тебе тяжело одному, – Хлоя старалась говорить так, чтобы её слова не показались Годфри, например, подозрительными – кто знает, может, это он заставил Лукаса ей позвонить? Пытался выяснить, что они на самом деле задумали? Эосфор-младший, похоже, и правда был в панике, но он до безумия боялся жестокого родителя, и страх в голосе мог быть настоящим. – Я не бросаю тебя, Самаэль, клянусь. Пожалуйста, верни отцу телефон и попроси кого-нибудь отвезти тебя в комнату. Тебе всего лишь нужно уснуть. Ты устал, да?

– Очень... Доктор, вы просто не знаете... это невыносимо, доктор, прошу!..

– И я прошу тебя, Самаэль, – мягко, но настойчиво повторила Харрис. – Ты должен лечь спать. Когда ты проснёшься, я уже буду рядом. Обещаю.

– Нет... – она собиралась что-то ещё сказать, но не успела – услышала странный звук, будто кто-то резко открыл дверь, а потом – чьи-то голоса. Хлоя попыталась разобрать, что говорят, но не поняла ни слова – и прежде, чем она успела что-то сказать сама, связь оборвалась.

Сразу же раздался звонок в дверь. Харрис вздрогнула от неожиданности – ей пришлось убрать мобильник в карман и пойти проверить, кто пришёл. Она раздвинула шторы на верхней части двери и выглянула на крыльцо – с облегчением вздохнула, увидев знакомое лицо. Впустила гостя.

– Привет, – тепло поздоровался Джек Гонзалес, обнимая Хлою, едва успевшую закрыть за ним дверь. Харрис глубоко вздохнула, обнимая бывшего сослуживца в ответ. Это про него она подумала вчера, когда поняла, что пример с потерявшим ноги военным был неудачным. Джеку же повезло гораздо больше того несчастного – пару лет назад он отправился домой из-за серьёзного ранения, потом, благодаря заботе своей жены, сумел встать на ноги и устроиться в полицию – уже даже успел стать детективом. Тем не менее, они поддерживали отношения – насколько это было возможно при помощи писем и редких звонков. После возвращения Хлои в Штаты они с Эммой уже несколько раз приглашали её на ужин, где вспоминали былые подвиги, но вкусное вино и домашние роллы.

– Привет, – отозвалась Харрис, отпуская, наконец, своего товарища. Джек усмехнулся, заметив выражение её лица – Хлоя была встревожена звонком Лукаса, и он это понял.

– Опять нашла себе приключения, да? – поинтересовался он. Харрис кивнула. – Так и понял. Неугомонный ты заяц, – Гонзалес вздохнул, вынимая из внутреннего кармана куртки открытку. Хлоя вопросительно на него посмотрела, и Джек протянул подарок ей. – Ничего лучше не придумал. Зато приехал сам, – он рассмеялся, и Харрис быстро развернула сложенный цветной кусок картона. Внутри был вклеен стикер, где мелким, но аккуратным почерком Эммы, были выведены результаты анализа. Удивительно.

– Боже мой, – пробормотала Хлоя, когда прочитала выделенное красной ручкой. В крови у Лукаса было обнаружено вещество, основанное на обычной эпидуральной анестезии, которую использовали в каждом нормальном роддоме. В руках врача она действовала лишь на благо: оберегала женщину от боли, просто отключая всё ниже пояса. Роженица находилась в сознании, чувствовала себя лучше и могла выполнять все указания акушеров – разве что не чувствовала ног и не могла ими пошевелить. Но это и на руку – она не мешала медику, принимающему роды.

Но это милое и, можно даже сказать, доброе обезболивающее было использовано во вред. Основываясь на идее «отключения» нижних конечностей, химик сделал нечто более жестокое – оно начинало работать быстрее, почти моментально. Его действие было гораздо дольше – в десятки раз, восстановление – сложнее, и накопительный эффект – серьёзнее. Этим, для сравнения, могли бы не облегчать роды, а травить неугодных пленников, лишая их не только возможности передвигаться или говорить, но и возможности дышать. Не совсем яд, но и далеко не дружелюбная витаминка в яркой упаковке. Жуткий препарат, в умелых руках являющийся грозным оружием.

– Добрые пожелания? – спросил Джек, касаясь её плеч и заставляя чуть отвернуться от окон. Девушка выдавила улыбку, чувствуя, как бледнеет – и снова обняла друга, пряча лицо у него за плечом. Бросила взгляд в окно – ей показалось, что серую машину, припарковавшуюся на другой стороне улицы, она видела сегодня, и уже не раз. Теперь Харрис несколько не сомневалась в том, что её подозрения имели веские основания.

– Очень добрые, – ответила она, закрывая глаза. Гонзалес сочувственно провёл руками по её плечам. – Мне нужно ехать, – не отстраняясь, сказала Хлоя. Джек, спрятав тревогу за улыбкой, спросил:

– Я тебе уже надоел?

– Вы все меня достали, честно говоря, – усмехнулась Харрис. Приподняла веки – и увидела, как та самая машина медленно выворачивает за угол и покидает улицу.

Но окно водитель поднял довольно поздно – Хлоя могла бы поклясться, что за рулём был Рэй Эосфор. И что он наверняка всё понял – но почему-то не стал продолжать слежку, просто оставив Харрис наедине с Джеком.

Снова раздался сигнал мобильного. На этот раз – сообщение. Девушка взглянула на экран и закусила губу – оно было, судя по всему, от настоящего хозяина телефона, с которого ей недавно звонили.

«Мой сын вам надоедал, доктор?» – интересовался Годфри Эосфор.

«Всё в порядке, сэр. Ему требовалась помощь, и я его успокоила. Это нормально в его состоянии. Прошу, уложите его спать и проконтролируйте приём лекарств», – ответила Хлоя. По её коже прошёл холодок, когда она поняла, что Годфри был в курсе того, что Лукас брал его телефон. Что же он с ним сделает за это? Всё обойдётся?..

Теперь она уже точно решила, что на ночь дома не останется.

Девушка побросала в сумку вещи. Сейчас она была только рада тому, что их было немного – это сэкономило ей время. Гонзалес проводил её, посадил в такси, пообещал водителю, что найдёт его и прикончит, если с таким ценным грузом что-то случится по пути. Харрис вяло улыбалась, слушая голос друга.

– Удачи, заяц, – сказал он напоследок, уже отходя от машины. Харрис опустила веки, желая сохранить в памяти образ Джека, как ниточки, связывающей её с нормальной жизнью. Или хотя бы привычной – вряд ли было хоть что-то «нормальное» во времена их совместной службы.

Такси тронулось с места, и девушка выдохнула, не торопясь открывать глаза. Ей нужно настроиться на грядущие сложности. Конечно, она не рассчитывала возвращаться так рано. Хлое всё-таки хотелось отдохнуть дома, поспать хоть одну ночь, не прислушиваясь к каждому шороху. Но ей не давал покоя этот звонок Лукаса, который, как она знала, был лишён возможности связаться со внешним миром. И ещё ей покоя не давали результаты анализа крови. Если Эосфора отравили, значит, он был в опасности каждую секунду, что находился с семьёй. Харрис поняла, что всё равно не сможет спокойно спать, думая о Лукасе – потому и рванула обратно.

Машина остановилась у особняка Эосфоров около часа ночи. Девушка расплатилась с таксистом, отказалась от помощи, вновь побоявшись впутать человека со стороны в свои новоприобретённые проблемы. Тем более, сумка была совсем лёгкой – подхватив её, девушка попрощалась с водителем и направилась к дому.

Её встретил у ворот ночной сторож. Хлоя понятия не имела, являлся ли он родственником Годфри, но представляться ей не пришлось – едва увидев её, мужчина приветливо улыбнулся и открыл калитку.

– Хозяин не ждал вас так рано, – сказал он. Харрис эти слова почему-то не понравились.

– Тогда, пожалуй, не буду тревожить его. Наверняка он уже спит, – ответила она, натягивая на лицо вежливую усталую улыбку. Сторож хмыкнул, жестом приглашая её войти.

Девушка быстро пересекла сад и вошла в дом. Прислушалась – было тихо, несмотря на то, что с улицы она видела, как в некоторых окнах горит свет. Даже странно. Что же, может быть, Эосфоры решали свои жуткие секретные дела по ночам – и ей не стоило лезть в это, она и так должна была многое скрыть от этой семьи.

Хлоя приблизилась к лестнице и собралась подняться наверх. И вдруг услышала странный глухой звук – будто бы стон донёсся откуда-то из-под пола. Она замерла. Звук повторился, стал громче, превратился в приглушённый крик – девушка быстро оглянулась, ожидая, что кто-то отреагирует, но никого не было видно. Она опустила сумку, толкнула её ногой под лестницу и подошла к неприметной, почти сливающейся со стеной дверце, что была слева от неё. Снова раздался крик, и Харрис поняла, что не ошиблась – звук доносился именно отсюда. Потом послышались шаги, они приближались – и девушка шарахнулась назад, быстро спряталась за колонной. Дверь открылась, Хлоя увидела, как мимо неё проходит Аманда с ещё парой братьев – кажется, из тех, что были младшими, по крайней мере, младше Лукаса. Она небрежно стянула с рук перчатки и бросила их тому, что был пониже – парень поймал их, подавшись вперёд, и Харрис узнала его. Это был Захария. Лицо второго девушка не разглядела – по фигуре, тем не менее, она поняла, что это был тот «дуболом», которому Годфри не позволял много разговаривать. Майк? Нет... Макс, точно.

– Пусть повисит там минут пять, потом доставьте в комнату. Утром приедет док, и она не должна ничего знать, – распорядилась Аманда. – Отец приказал следов не оставлять, так что гадёнышу повезло, – братья поддакнули, закрывая за сестрой дверь, а потом – догоняя и скрываясь вместе с ней в одном из коридоров напротив. Хлоя выждала ещё полминуты, слыша лишь собственное дыхание и громкий стук сердца. Потом высунулась, покидая своё убежище, осторожно и тихо приоткрыла дверь. Вниз вели ступеньки – похоже, это был спуск в подвал. Хлоя ещё раз огляделась, прислушалась – никто не собирался пока возвращаться. Решившись, девушка быстро проскользнула в подвал, прикрывая за собой дверь.

Очень тихо она спустилась вниз. С опаской выглянула из-за угла, боясь встретить кого-то ещё. Но там был только один человек – и, когда Харрис увидела его, она с трудом сдержала взглас, рвущийся из её груди.

С большого крюка, намертво прибитого к высокому потолку, свисали два кожаных ремня. Каждый из них обвивал и без того изуродованные запястья Лукаса. Сам Эосфор покорно висел, немного не доставая до стула, не пытаясь освободиться, голова его поникла на незащищённую даже тканью грудь. Он был без футболки, лишь в домашних штанах, что чудом не падали с его худых бёдер.

Лукас был, похоже, без сознания. Медленно и тяжело дышал – парализованные ноги не позволяли опереться на пол. Повязка с укушенного плеча была сорвана, и... честно говоря, было страшно подумать, что произошло с его спиной – ведь если его избивали, то наверняка старались наносить удары лишь по спине, чтобы иметь возможность свалить вину на санитаров психбольницы. Вот каких следов она не должна была увидеть, вот о чём говорила Аманда...

Хлоя на секунду зажмурилась, боясь верить, что увиденное – реальность, а не ночной кошмар.

* * *

Шесть часов назад.

Особняк Эосфора.

Лукас совершенно не ожидал появления журналистов. Нет, он помнил слова Хлои о том, что его отец баллотировался на пост губернатора штата, и понимал, что общения с папарацци

Годфри сейчас не удастся избежать. Но он не думал, что отец решится пригласить их домой – прямо туда, где держал взаперти своего собственноручно парализованного сына. И к тому же, якобы потерявшего рассудок. Ведь как-то он должен был объяснить это общественности? Или он просто закроет его в комнате? Если так, Лукас был даже не против. Пусть ему нельзя будет прикоснуться к инструментам, чтобы не шуметь и не привлекать внимание, он был согласен посидеть в тишине с книжкой, например, или просто посмотреть в окно. Или, может, опять отчаянно попытаться растереть непослушные ноги, которые Хлоя заботливо накрывала пледом.

Однако, никто не приходил, чтобы запретить ему создавать шум. Эосфора это смутило. Он как раз хотел подъехать ближе к стене, чтобы послушать, что происходит в коридоре, когда кто-то вдруг открыл дверь в его комнату – Лукас быстро откатился назад, испуганно глядя на вошедшего. Это был сам Годфри.

Окинув сына оценивающим взглядом, Эосфор-старший чуть нахмурился. Следом за ним вошли Аманда и Зак.

– Что будем делать, отец? – тихо спросила старшая дочь. Лукас напрягся – что случилось? О чём шла речь?

– Кто-то сфотографировал его, когда мы приехали домой из больницы, – начал рассуждать вслух Захария. – Но они уверены, что его парализовало ещё там. Мы не можем отказать им, это испортит...

– Я знаю, *что* это испортит, – оборвал Годфри. Вдохнул, приблизился к креслу сына. – Послушай, – сказал он, чуть склоняясь и нависая над ним. Эосфор понял, что отец не был уверен в том, что он помнил события почти двухлетней давности – Хлоя хорошо поработала, доказывая ему это. – Сын, к нам пришли журналисты. Мы должны выйти вместе.

– Что?.. Я... я не знаю, что говорить, – часто заморгал Лукас. Годфри прищурился, глядя ему в лицо и пытаясь понять, притворяется он или нет.

– Просто расскажи, как был рад вернуться домой, – сказала Аманда. Их отец коротко кивнул. – И не вздумай болтать глупости.

– Глупости?.. Какие, я не... Я что-то не так сделал?..

– Ты согласишься, что он ничего не помнит? – вполголоса спросила Аманда у отца. Тот поджал губы, кивая. – Серьёзно?

– У меня нет выбора, – процедил он сквозь зубы.

Так начался, наверное, один из худших дней в жизни Лукаса.

Ему пришлось молчать и сидеть рядом с отцом, пока тот давал интервью. Кто-то позаботился о том, чтобы причесать Лукаса, и ему пришлось позволить сделать это. Без возражений, изображая безучастность и спокойствие всё позабывшего двинувшегося дурачка. Но внутри у него всё клокотало – пока Эосфор-старший притворялся, что ему есть дело до пенсий, сирот и приютов для бездомных, Лукас с трудом подавлял желание ещё раз проверить, почувствует ли он прикосновение к собственной ноге. Ему хотелось закричать, рассказать людям правду – но каждый раз, как речь заходила о нём, Годфри старательно выворачивался, не желая давать сыну возможность заговорить.

Один раз у него это не получилось. Настойчивый журналист, мужчина в возрасте – видимо, главный в компании прибывших стервятников, сумел заставить Эосфора-старшего замолчать и заговорил напрямую с Лукасом. Он спросил, каково ему было вернуться домой, и чувствует ли он родительскую заботу.

– Ведь человек, способный заботиться о собственных детях, сможет позаботиться и о жителях Калифорнии, – тут же подмигнул журналист Эосфору. Лукас до боли сжал челюсти, сдерживая порыв выложить всю правду. Но так поступать было нельзя. Он подписал бы себе

смертный приговор, но что хуже – подвёл бы доктора, которая могла оказаться в опасности из-за его поступка. Потому, собрав волю в кулак, он глубоко вдохнул и заговорил.

Заговорил, стараясь контролировать свою мимику – Хлоя, мысли о которой помогали ему держаться, прошлым вечером выбрала момент и шепнула ему на ухо: она заметила, что он морщился, когда лгал.

Интервью кончилось. В комнату вошёл Зак и суфлёрским шёпотом сообщил отцу, что прибыли другие журналисты. Лукас хотел было толкнуть свою коляску, поскорее смыться, но ему не позволили это сделать – брат удержал его руки, многозначительно кивая и глядя в глаза. Эосфор понял – эти папарацци тоже знали о его возвращении домой. Боже...

Это повторилось ещё дважды. Третий круг Ада Лукас вынес с трудом – журналисты попались весьма назойливые и беспардонные. У него срывался голос, когда он говорил, и отец, сначала поглядывающий на него с ощутимой тревогой – чего бы сын не сказал лишнего, теперь смотрел даже с некоторой жалостью. Похоже, спектакль его полностью убедил в версии событий Хлои.

Последнее фото стало, помимо всего прочего, ещё и последней каплей в чаше терпения Лукаса. Их заставили обняться для снимка – и он практически почувствовал, как сердце готовится выпрыгнуть из груди. Это было невыносимо – из-за интервью, к тому же, ему пришлось пропустить обед и приём лекарств, которые Хлоя утром, ещё до его пробуждения, заботливо отколола и отложила в специальные пакетики. Нервы сдали, просить было бесполезно – и Эосфор, обняв отца, скользнул дрожащими пальцами в карман его пиджака.

Журналисты ушли, но не все – самые настойчивые ещё приставали с вопросами к Аманде и Заку, которые пытались максимально вежливо их выпроводить. Под шумок Лукас сунул мобильник в складки пледа и, буркнув что-то невнятное про то, что хочет умыться, выехал из гостиной и поспешил скрыться в ванной комнате в конце коридора. Он едва не уронил телефон, пока пытался въехать в помещение и закрыть за собой дверь. Ему нужно было действовать быстро – позвонить, потом стереть запись о звонке в журнале, вернуться и подложить мобильник куда-нибудь под нос отцу. Если бы не это безумное напряжение и страх повторения такой пытки, Лукас бы ни за что на такое не пошёл. По крайней мере, не сейчас – но больше он не мог это терпеть. Журналисты сновали вокруг весь день, казалось, им не будет конца – наверняка кто-то ещё должен был приехать.

Эосфор быстро нашёл в контактах номер Хлои. Ткнул на вызов, прижал мобильник к уху, беззвучно шевеля губами, умоляя доктора ответить. Наконец, она взяла трубку – и Лукас судорожно выдохнул:

– Доктор!.. – Эосфор услышал шаги рядом с ванной комнатой. Стал говорить тише и быстрее – но Хлоя не собиралась возвращаться ночью. Она уверяла, что приедет утром, и Лукас ей верил, конечно, но... Это было уже невыносимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.